

RealSci Current Issues
Section 10.10
Linguistics

**Semantics
of Russian and Bulgarian
Deverbal Nouns**

(ending in *-nie* and *-ne*)

Eurasia Academic Publishers
Sofia 1999

GRADINAROVA, Alla A. Semantics of Russian and Bulgarian Deverbal Nouns (ending in *-nie* and *-ne*). Sofia: Eurasia Academic Publishers, 1999, 142 p.

ISBN 954-628-026-7

RSCI Digital Science Pages:

10.10.560: Language > Linguistics > Comparative linguistics

10.00.320: Language > Fundamentals > Word construction

10.42.900: Language > Russian > Historical developments

10.40.900: Language > Bulgarian > Historical developments

Home Page Web Address:

English Server

<http://members.vavo.com/eurasia/deverbal>

Downloadable PDF format

Index entry at Academic Resources Channel:

<http://www.realsci.com/index.cfm?KW=gradinarova>

The author is Associate Professor in the Department of Russian Language, Sofia University.

© Copyright 1999 Gradinarova A.A.

© Copyright 1999 by Eurasia Academic Publishers.

No part of this book can be reproduced or distributed in any form without prior written permission from the publisher.

Lyulin 331 A

Sofia 1336

359 (02) 24 15 23

E-mail: eurasia@realsci.com

RealSci Current Issues
Раздел 10.10
Linguistics

**СЕМАНТИКА ОТГЛАГОЛЬНЫХ
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ И
БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ**
(имена на *-ние* и *-не*)

Eurasia Academic Publishers
Sofia 1999

Градинарова, А. А. *Семантика отглагольных существительных в русском и болгарском языках (имена на -ние и -не)*. София: Евразия, 1999, 142 с.

ISBN 954-628-026-7

RSCI Digital Science Pages:

10.10.560: Language > Linguistics > Comparative linguistics

10.00.320: Language > Fundamentals > Word construction

10.42.900: Language > Russian > Historical developments

10.40.900: Language > Bulgarian > Historical developments

Home Page Web Address:

English Server

<http://members.vavo.com/eurasia/deverbal>

Downloadable PDF format

Index entry at Academic Resources Channel:

<http://www.realsci.com/index.cfm?KW=gradinarova>

Авторът е доцент в Първа катедра по Руски език, Факултет по Славянски филологии, Софийски университет “Св. Кл. Охридски”.

© Copyright 1999 Gradinarova A.A.

© Copyright 1999 by Eurasia Academic Publishers.

No part of this book can be reproduced or distributed in any form without prior written permission from the publisher.

Lyulin 331 A

Sofia 1336

359 (02) 24 15 23

E-mail: eurasia@realsci.com

Annotation

Semantics of the Russian and Bulgarian deverbals nouns (ending in *-ние* and *-не*)

The study compares the meanings of the contemporary Russian and Bulgarian parallels in *-ние* (*-ение*), as well as the results of these semantic changes taken place in the deverbals nouns of the category under consideration. The role of Russian language for the development of words in Bulgarian literary language ending in *-ние* (*-ение*), as well as some degree of dependence in the semantics of Bulgarian nouns on the development of the meaning of their Russian parallels are demonstrated by examples from the history of individual Russian and Bulgarian equivalents. Attention is paid to the modern tendency of “substantivation” of some of the Bulgarian nouns ending in *-не* (*-ение*).

Настоящая работа была обсуждена на кафедре русского языка факультета славянских филологий Софийского университета и рекомендована к печати в 1992 г.

Введение

I. Отглагольные существительные на *-ние*¹ составляют обширный лексический пласт как в русском, так и в болгарском литературных языках. Русским именам с этим суффиксом посвящена значительная по объему литература. Особенности семантики, структуры, функционирования этих существительных детально исследовались в плане синхронии и диахронии².

Интерес к болгарским именам с суффиксами *-ние* и *-не*³ поддерживается на протяжении нескольких десятилетий. В ряде посвященных им статей и отдельных параграфов исследований болгарских языковедов отмечаются словообразовательные, семантические, стилистические свойства этих существительных, особенности их происхождения и употребления в составе предложения. Обзор посвященных болгарским именам на *-ние* и *-не* материалов, изданных до середины XX столетия, содержится, например, в статье Хр. Пырвева «Отглаголните съществителни имена в нашата граматична литература»⁴. Из работ последнего времени необходимо отметить исследования Л. Андрейчина, С. Спасовой-Михайловой, Т. Павлова, М. Москова, Е. Георгиевой, Ст. Стоянова, Д. Димова, К. Попова, Св. Иванчева⁵ и нек. др. До сих пор, однако, болгаристика не располагает достаточно полными, монографическими исследованиями, посвященными связанным с отглагольными существительными на *-ние* и *-не* проблемам. Некоторые высказываемые авторами положения кажутся спорными или недостаточно обоснованными, не подтвержденными необходимым количеством иллюстративного языкового материала.

Исследования в области семантики болгарских существительных с суффиксами *-ние* и *-не* осложняются тем обстоятельством, что толковые словари болгарского языка, исключая выходящий в настоящее время многотомный академический «Речник на българския език», отражают значения этих имен очень неполно и во многих случаях неточно. Тем не менее богатый материал для изучения семантики слов с названными суффиксами содержат словарные картотеки (картотека современного болгарского языка, картотека болгарского языка периода Возрождения, картотека терминов), хранящиеся в Институте болгарского языка при Болгарской академии наук.

Семантика болгарских существительных на *-ние* в сопоставлении со значениями их русских параллелей до сих пор не являлась предметом детального исследования ни в синхронном, ни в диахроническом плане.

В настоящей работе сопоставляются значения современных русских и болгарских параллелей на *-ние*, т. е. сравниваются результаты тех семантических изменений, которые претерпели в двух славянских языках существительные этой словообразовательной категории. Роль русского языка в распространении в болгарской литературе слов с суффиксом *-ние*, а также известная зависимость семантики болгарских существительных от развития значений их русских параллелей иллюстрируется на примерах семантической истории отдельных русских и болгарских соответствий.

Развитие категории слов с суффиксом *-ние* в болгарском литературном языке тесно связано с функционированием в речи отглагольных образований на *-не*. В последние десятилетия XIX века наличие в языке этого разряда существительных определяет основную линию семантической эволюции распространившихся в болгарской литературе имен на *-ние*. В то же время приток в литературную речь большого количества слов, выражающих связанные с семантикой мотивирующего глагола абстрактные и конкретные значения, оказывается важным условием для сохранения семантической «неподвижности» самой категории существительных на *-не*. В современном языке, однако, некоторые из этих имен развивают новые, неглагольные значения. Определенное внимание уделяется в работе

современной тенденции к «субстантивации» известной части отглагольных образований с суффиксом *-не*.

Исследованием в настоящей работе были охвачены болгарские отглагольные существительные на *-ние*, зафиксированные Обратным словарем современного болгарского языка⁶ (около 600 единиц⁷), и их русские параллели. К исследованию привлекались и некоторые не отмеченные указанным словарем, но использовавшиеся в литературе XIX века существительные (около 20 единиц) и русские параллели этих слов. Имена с суффиксом *-не*, семантика которых анализируется в работе, были извлечены из орфографических словарей современного болгарского языка.

Поскольку, как уже было отмечено, описание словарями значений болгарских существительных на *-ние* и *-не* нельзя считать полным и удовлетворительным, семантика этих имен определялась в значительной степени на основании примеров употребления этих слов (по данным картотек Института болгарского языка при Болгарской академии наук, собственной картотеки автора), большое значение имели консультации с носителями болгарского языка.

II. История отглагольных существительных на *-ние* в русском и болгарском литературных языках обнаруживает много сходных черт и довольно существенных различий. Генезис этой категории отглагольных имен в значительной степени оказывается обусловленным процессами исторического взаимодействия и взаимовлияния болгарского и русского языков. Хорошо известно, например, что активизация данной словообразовательной модели в древнерусском литературном языке связана с сильнейшим влиянием древнеболгарского литературного языка, в котором модель на *-ние* получила свое дальнейшее семантическое развитие и отличалась высокой продуктивностью. Древнерусский литературный язык заимствовал также значительное количество образованных по этой модели генетических древнеболгаризмов. С влиянием церковнославянского и русского литературного языка связано широкое распространение существительных с названным суффиксом в болгарских литературных сочинениях XIX века. XIX столетие, в первой половине которого завершается обра-

зование единого русского литературного языка, а процесс формирования новоболгарского литературного языка становится более интенсивным, – является очень важным периодом в истории русских и болгарских имен на *-ние*.

В русском литературном языке на протяжении XIX века в области образования интересующих нас существительных происходят процессы, связанные с изменением словообразовательной активности отдельных подтипов данной модели⁸. Словообразовательная база для производства существительных: на *-ние* продолжает оставаться очень широкой: суффикс присоединяется к глагольным основам совершенного и несовершенного вида, действительного и страдательного залога, к основам различных глагольных классов, префиксальным и беспрефиксным. Однако уменьшение, увеличение или сохранение продуктивности словообразования от тех или иных глагольных основ находится в тесной зависимости от структурных особенностей последних. Основным, объединяющим все подтипы модели и выходящим за ее пределы семантическим процессом этого периода был процесс уменьшения степени глагольности образованных от глаголов существительных, ослабления семантической связи между именем и соответствующей глагольной основой. В рамках этого общего для всех отглагольных имен направления их семантического развития со второй четверти XIX века начинается процесс разрушения видовой противопоставленности однокоренных существительных, образованных от основ совершенновидовых глаголов с приставками и соотносительных с ними основ несовершенного вида на *-ва-*, *-ива-*⁹. В языке XVIII века такие параллельные образования были очень многочисленны¹⁰. В большом количестве они фиксируются Словарем русского языка XVIII века. См., например: выбросение – выбрасывание и выбрашивание, вымучение – вымучивание, вскопание – вскопывание, вделание – вделывание, вскочение – вскакивание, вваление – вваливание, ввязание – ввязывание и т.д. Словарь Академии Российской также отмечает существование в языке таких пар: набеление – набеливание, перевязание – перевязывание, выписание – выписывание, распахание – распахивание, вбегание – вбегивание, разбросание – разбрасывание, взнуздание – взнуздывание и под. Ср. также их использование:

“Пшеница, после тщательного вывеяния и подсеяния, чтоб все посторонния зерна отделить, вымывается” (В. А. Левшин, Словарь поваренный..., 1797); “Повторяя вывевание, очистить оную [рожь] от пыли” (Словарь ручной натуральной истории..., перев. с фр. яз. ...Василием Левшиным, 1788); “Стебель поднимается вверх, обвиваясь по длинным тычинам, втыкаемым нарочно для поддержания онаго” (Дружеское введение к познанию природы..., 1793); “К удобнейшему поддерживанию растения” (Философия ботаники..., 1800). Параллельное функционирование в языке подобных существительных поддерживало их тесную семантическую связь с противопоставленными по виду производящими глагольными основами. В условиях видовой корреляции производных имен последние сохраняли в своей семантике совершенновидовые и несовершенновидовые глагольные значения – краткость или длительность действия, его законченность или незаконченность и т.д. Однако уже в начале XIX века образование имен на *-ние* от основ perfectивных глаголов с приставками, соотносительных с основами глаголов несовершенного вида на *-ва-*, *-ива-*, теряет свою продуктивность. Прекращается процесс производства новых слов, выходят из употребления многие свободно использующиеся в XVIII веке существительные типа разварение, выстреление, созревание, окопание, уговорение, выпровождение и т.п. Причиной и условием сохранения в языке подобных образований могло являться наличие у производящего глагола переносных, отвлеченных значений, с которыми устанавливалась и закреплялась семантическая соотносительность производных существительных. В этом случае параллельные образования от основ несовершенновидовых глаголов на *-ва-*, *-ива-* оказывались семантически связанными с прямыми, конкретными значениями глаголов. Ср.: “Стихотворец отдал свою трагедию на рассмотрение известному критику” (Пушкин, Отрывки из писем, мысли и замечания) и “Товарищ прокурора <...> потребовал, прежде рассматриванья вещественных доказательств, прочтения врачебного исследования трупа” (Л. Толстой, Воскресение). Разрушение семантического параллелизма между именами, образованными от основ соотносительных по виду глаголов, способствует ускоренному развитию значений этих существительных. В образовани-

ях от глаголов совершенного вида глагольная основа, не несущая в себе значения процессуальности, не мешает развитию у существительного результативно-отвлеченных и предметных значений. Ср. семантическую эволюцию таких слов, как ограничение, показание, предсказание, взыскание и под. Производство существительных от несовершенновидовых глагольных основ на *-ва-*, *-ива-* не только сохраняет, но и увеличивает свою продуктивность. Однако степень глагольности их семантики уменьшается. Этому способствует выход из употребления многих параллельных образований от основ глаголов совершенного вида, утрата видовой противопоставленности имен¹¹.

Уменьшение глагольности наблюдается в XIX веке и в семантике продолжающих оставаться продуктивными (хотя и в меньшей степени, чем в XVIII веке) образований от основ бесприставочных несовершенновидовых глаголов с суффиксом *-а-* (брюзжание, лежание, мерцание и под.). Аналогичная тенденция отмечается и в развитии семантики существительных, образованных от бесприставочных глаголов несовершенного вида на *-ить* и *-еть* (соление, сушение, смотрение и под.). Продолжается развитие у этих имен непроцессуальных значений, в своих неглагольных значениях активно используются существительные, развившие их в более ранние периоды (владение, мучение и др.), некоторые имена утрачивают значение действия (напр. творение). Многие свободно функционирующие в языке XVIII века существительные, образованные от глаголов несовершенного вида на *-ать*, *-ить*, *-еть*, перестают использоваться (любление, грущение, болевание, меняние, гнание, порчение и под.). Лишь определенная часть подобных выходящих из употребления слов имела в языке синонимичные однокоренные, продолжающие активно использоваться существительные. Ср.: меняние – мена, гнание – гонка, порчение – порча и т.п. С уходом других слов язык утрачивал возможность обозначения отвлеченного, опредмеченного действия по значениям соответствующих глаголов. Так, после выхода из употребления слов кричание, любление, болевание, шумление и под. в языке остались лишь однокоренные имена с лишенными глагольности значениями (крик, любовь, болезнь, шум)¹².

Высокой продуктивностью характеризовались в языке XIX века существительные, образованные от основ глаголов на *-ова-*, *-ствова-* (боронование, согласование, рисование, бодрствование; ср. также образования от основ заимствованных глаголов – комплектование, шлифование, трактование и под.), а также имена, произведенные от иноязычных глаголов с суффиксом *-ирова-* (минирование, анатомирование, декламирование и под.). Характерной особенностью перечисленных имен была их закрепленность за книжными стилями и способность к легкой терминологизации. Стилистически ограничено употребление существительных, образованных от глаголов на *-ничать*, типа бражничание, модничание. Причиной подобных ограничений выступает оценочность этих имен и связанная с ней окраска разговорности¹³.

Процесс ослабления значения глагольности в производных существительных менее всего был ощутим в группе имен, образованных от основ совершенновидовых глаголов с суффиксом *-и-*, соотносительных с основами глаголов несовершенного вида на *-а-*. Дело в том, что эти существительные вообще отличались меньшей степенью глагольности значения по сравнению с другими группами имен на *-ние*. Они одинаково соотносятся как с глаголами совершенного вида, так и с их несовершенновидовыми коррелятами, проявляя таким образом индифферентность по отношению к перфективным и имперфективным значениям глагольной основы. Существительные названной группы не обнаруживают зависимости и от залоговых значений глагола. Ср.: обучение — обучить – обучать, обучиться – обучаться; отправление — отправить – отправлять, отправиться – отправляться; такая же соотносительность у слов предохранение, переселение и под. Одинаковая связь как с глаголами с возвратной морфемой *-ся*, так и с глаголами без *-ся* обуславливает наличие в подобных именах наряду со значением отвлеченного действия и значения состояния (см. семантику слов подчинение, обогащение, затемнение, углубление и под.). Имена рассматриваемой группы и в более ранние эпохи свободно развивали различного рода результативные значения. В XIX веке процесс образования у этих слов предметных значений продолжается. Очень часто семантическая структура

производного существительного складывается из значений глагольных и неглагольных (помещение, подразделение, оснащение, угощение, обвинение, отправление, посвящение и др.)¹⁴.

В болгарских письменных памятниках XIX века широко представлены распространенные в народной речи отглагольные имена с суффиксом *-не*, восходящим к древнеболгарскому *-ныѣ* – фонетическому варианту суффикса *-ниѣ*. Народное существительное на *-не* могло быть образовано от любого глагола несовершенного вида, независимо от структурных различий несовершенновидовых основ. Ср.: вбиване, налапване, милване, мигане, хръкане, прескачане, идене, канене, мльчене, жалене, живеяне, боричкане, тропкане, льготене и под. См. также существительные, которые образуются от распространенных в народной речи глаголов, заимствованных из греческого и турецкого языков: аресване, сколасване, фтикясване; сардисване, бастисване, кайдисване и под.

Ничем не ограниченное словопроизводство имен на *-не* от основ несовершенновидовых глаголов позволяет квалифицировать эти имена как глагольные формы и включать их в глагольное спряжение. Эта особенность образования существительных с суффиксом *-не* сохраняется и в современном болгарском литературном языке, имеющем возможность выражения отвлеченного действия по значению любого глагола несовершенного вида. В лексической же системе современного русского литературного языка при многих несовершенновидовых глаголах “клеточки”, предназначенные для слов, которые обозначают соответствующее действие абстрактно, пустыют (см. выше).

В болгарском языке XIX века отмечается большое количество однокоренных, семантически тождественных существительных на *-не*, образующихся от несовершенновидовых глагольных основ с различными суффиксами: вдовуване и вдовѣние (от вдовувамъ и вдовѣѣ), вдльбване, вдльбуване и вдльбание (от вдльбвамъ, вдльбвамся, вдльбувамъ, вдльбувамся и вдльбамъ, вдльбамся), озвѣриване и озвѣриане (от озвѣривамся и озвѣриамся), изчѣплюване и изчѣплиане (от изчѣплювамъ и изчѣплиамъ) и под. (Сл. Герова).

Основное назначение существительных с суффиксом *-не* – выражение отвлеченного действия по семантике соответствующего глагола. Значение имен на *-не* отличается ярко выраженной глагольностью, процессуальностью. Тем не менее даже эти существительные способны развивать конкретно-предметные значения. В болгарском языке XIX века в своих неглагольных значениях широко употребляются, например, имена бръкане («месиво», причем от существительного в этом значении даже образуется уменьшительная форма бръканийце), варене («пища, приготовленная посредством варения»). Существительные владане («имение, имущество»), имане («1. имение, имущество, богатство, деньги; 2. товар; 3. клад»), падене («пища») отличаются от имен с глагольным значением местом ударения (см. Сл. Герова).

Под влиянием церковнославянского и, позднее, русского языка в произведениях эпохи болгарского Возрождения резко увеличивается количество и частотность использования не свойственных народной речи отглагольных существительных на *-ние*. Очень много таких имен, часто в церковнославянско-русском фонетическом оформлении, находим у Паисия Хилендарского, Софония Врачанского, П. Берона, А. Кипиловского, Н. Рыльского, П. Пиперова, И. Богорова, Л. Каравелова и др.¹⁵ По характеру производящей глагольной основы эти существительные многообразны. Широко употребляются как образования от совершенновидовых глагольных разносуффиксальных основ (въстание, отчаяние, создание, воздержание, наказание, воспитание, прѣдсказание, повеление, онѣмѣние, прѣзрѣние, сотворение, явление, искушение, рождение, притѣснение, утѣшение, унижение, увѣрение, отвращение, просвѣщение, освящение, отступление, побуждение, опустошение и под.), так и имена, образованные от глагольных основ несовершенного вида (знание, звание, желание, писание, внимание, обѣщание, завѣщание, сияние, бдѣние, зрѣние, видѣние, благоговѣние, творение, учение, служение, воевание, чарование, мждрование, ползование, благовѣствование и благовѣствование, бѣдствование, безумствование, балзамирование и др.). Среди подобных существительных много генетических древнеболгаризмов: бѣдѣние, сѣздание, вѣздръжание, наказание, повелѣние,

ѠВЛЕНІЕ, ИСКУШЕНІЕ, ОСВѠЩЕНІЕ, СЪСПАСЕНІЕ и др. Определенная часть этих слов, вероятно, непрерывно использовалась в устном общении образованных слоев населения еще со времен существования древнеболгарской книжности: спасение, създание, искушение, писание, крщение, избавление, учение, видѣніе, поржгание и нек. др. В результате действия старой книжной традиции многие отглагольные имена на *-ние* (по составу они выходят далеко за границы корпуса слов с этим суффиксом, зафиксированного в дошедших до нас 18 классических древнеболгарских рукописях) часто употреблялись в языке дамаскинов. Так, в исследованных нами статьях “Слово на рождество Христово” и “Слово на цветоносие” (листы 232-247 об.; 248-256 Тихонравовской рукописи) из состава Тихонравовского дамаскина – памятника новоболгарского языка второй половины XVII столетия – отглагольные существительные на *-ние* встречаются довольно часто: бдѣніе, благоволеніе, благословеніе, възведеніе, въздржаніе, въскрсеніе, закланіе, знаменіе, исканіе, написаніе, писаніе, повелѣніе, погребеніе, положеніе, поѠченіе, похваленіе, привидѣніе, прѣгрѣшеніе, прѣдложеніе, прѣстѠпленіе, срѣтеніе, събраніе, съгрѣшеніе, създаніе, съмотреніе, съпасеніе, хотѣніе и нек. др. Использование большей части этих слов в Тихонравовском дамаскине обусловлено наличием их в тексте, послужившем оригиналом для новоболгарских переводов. К этому выводу приводит сопоставление текста указанных статей Тихонравовского со соответствующими частями Костенечского дамаскина – памятника, относящегося к группе так называемых “дамаскинов среднегорского типа”, т.е. дамаскинов на традиционном архаичном книжном языке, восходящих к созданному во второй половине XVI столетия “среднегорскому” (по терминологии Б. Цонева¹⁶) переводу с греческого. Тексты из архаичных дамаскинов этой группы были использованы как основа для переводов на новоболгарский язык – переводов, к которым восходит Тихонравовский список¹⁷. Сравните: в Костенечском — **«се е прѣстѠпленіе адамово»;** **«и показати слад'ѣише пролѣтіе своего хотѣніа»;** в Тихонравовском соответственно — «и това е прѣстѠпленіе адамово»; «и да покаже слад'кий пролѣтъ неговото си хотѣніе» и под. (см. рукопись Костенечского дамаскина, хранящаяся под № 503

в библиотеке софийского Центрального Историко-археологического музея при св. Синоде, и печатное издание Тихонравовского дамаскина, осуществленное Е. Деминой¹⁸). Свободное употребление в Тихонравовском дамаскине существительных на *-ние*, не сопровождающееся какими бы то ни было толкованиями или пояснениями, говорит о том, что они, очевидно, были достаточно распространены и хорошо известны широким народным слоям. Показательно также, что основная часть книжных имен на *-ние*, зафиксированных в “Слове на рождество” и “Слове на цветоносие” Костенечского дамаскина, не отмечается в новоболгарском тексте, представленном в тех же статьях Тихонравовского. Этот факт свидетельствует о стремлении переводчика (переводчиков) избегать существительных на *-ние*, неизвестных и непонятных простому читателю или слушателю. В числе таких слов, очевидно, были используемые в указанных статьях Костенечского дамаскина, но отсутствующие в соответствующих местах Тихонравовского имени БИЕНІЕ, ВЪЗЫСКАНІЕ, ВЪПЪЩЕНІЕ, ВЪПРОШЕНІЕ, ИСПАЛНЕНІЕ, МОУДРОВАНІЕ, НЕДОУМЪВНІЕ, ОБЫТАНІЕ, ПОВЪСТВОВАНІЕ, ПОКАЗАНІЕ, ПОМЪШЛЕНІЕ, ПОПЕУЕНІЕ, ПРИБОРЪТЕНІЕ, СЪКРАЩЕНІЕ и под. Распространение таких существительных в новоболгарских текстах начинается с конца XVII века и связано с появлением и широким употреблением в Болгарии русских церковнославянских печатных книг. В последние годы настойчиво подчеркивается значение церковнославянского как языка-посредника, через который древнеболгарский участвует в формировании лексического состава современного болгарского литературного языка¹⁹.

Большое количество используемых в произведениях XIX столетия имен на *-ние* было образовано в церковнославянском и русском языках: поселение, отдѣление, заведение, постановление, испарение, название, предъопредѣление, завоевание, умствование и др. Из русского языка заимствованы словообразовательные и семантические кальки западноевропейских слов типа расположение (франц. disposition), влияние (франц. influence), существительные с терминологическим значением, образованные от основ глаголов с суффиксом *-ирова-* (типа балзамирование).

Особенно много отглагольных имен на *-ние* отмечается в публицистической литературе периода Возрождения, в сочинениях учебно-просветительского и религиозного характера, в определенной части переводов на болгарский произведений русской художественной литературы. Что касается переводов с русского, то частое или редкое использование в них книжных существительных на *-ние* находится в прямой зависимости от культурно-идеологических позиций переводчиков, от их принадлежности к той или иной литературно-языковой школе. Так, большое количество книжных имен с этим суффиксом в переводе повести А. Ф. Вельтмана “Райна, королевна болгарская”, выполненном Йоахимом Груевым (1852 г.)²⁰, и незначительное число таких слов в переводе той же повести, принадлежащем Елене Мутевой (1852 г.)²¹, – свидетельство и следствие различных идейно-художественных установок авторов переводов. При переводе имен на *-ние* Мутева чаще всего использует народно-разговорные слова и словосочетания, конструкции с глаголами. Сравните:

<i>Вельтман</i>	<i>Груев</i>	<i>Мутева</i>
«устроить славное и пребогатое <u>угощение</u> »; «и посереди всеобщаго <u>онемения</u> »	«...славно и прѣбогато <u>угощение</u> » (7); «и всрѣдъ всеобщето <u>онѣмѣние</u> » (37)	«да направѣтъ голѣмѣж гостѣж» (8); «и кога сичкы стомахъ като поцѣпаны» (48).

Основная часть книжных образований на *-ние* использовалась в произведениях XIX века с результативно-абстрактными и результативно-конкретными значениями. Однако многочисленны и случаи употребления таких слов со значением отвлеченного действия. Большую конкуренцию книжным именам на *-ние* с глагольным значением составляли народные формы на *-не*, специализированные на выражении отвлеченного действия по значению соответствующего глагола. Кроме этого, использованию определенных книжных существительных с глагольным значением, очевидно, мешало наличие у этих имен, наряду с процессуальным, и различного рода предметных значений. В этом отношении показательно, например, употребление

слова изображение в уже упоминавшемся переводе Груева. Это существительное, видимо, воспринималось переводчиком, в первую очередь, как носитель субстантивного значения: “Райна по-внимателно загляда изображение-то” (96); “украшена съ изображеніа на сватители” (20) и др. С глагольным значением слово изображение употребляется Груевым только один раз, причем параллельно с тем же значением процессуальности используется форма изображаваніе (народная форма — изображаване): “и сѣ забавлявалъ съ милж-тж си работж — съ изображеніе иконы” (84); “мѣдна мастилница, перо, кычица за изображаваніе и различни бои” (63). Интересно также, что книжное слово пение Груев употребляет с неглагольным значением, в то время как для выражения процессуальности используется народная форма: “учихъ мѣзыкж и пѣніе” (85) и “На улицж-тж идѣше гжлчъ и пѣкотъ, пѣваніе и играніе; народъ сѣ трѣпаль на веселж” (62); “Свѣтославова-та войска съ пѣненіе излѣзе изъ шѣмж-тж въ поланж-тж” (132).

Долгое время суффикс *-ние* выступает в качестве книжного варианта народного суффикса *-не*²². Стремление к “олитературиванию” народно-разговорных слов особенно ярко и последовательно проявляется в языке публицистики. Народные отглагольные существительные с суффиксом *-ние* довольно характерны и для произведений художественной литературы: пипание, бавение, радвание, бучение, чакание, лелечение, плашение, излизание, милвание, врыцание и под. Точно так же *-не* воспринимается как народно-разговорный вариант книжного суффикса *-ние*. В указанном переводе Мутевой, например, отличающемся простотой изложения, высокой степенью глагольности и народности языка, книжные существительные используются с суффиксом *-не*. Замена суффикса вызвана, вероятно, необходимостью снять специфическую стилистическую окраску этих имен: дозволеніе, соболѣзнованіе, прѣдвѣщаніе, утѣшеніе и нек. др.

В языке XIX века суффикс *-ние* активно участвует в процессах словообразования. С его помощью, например, образуются существительные от глаголов на *-ирам*, заимствуемых из западноевропейских языков (первоначально через посредничество сербского языка). См. например: “Първото начеваніе се направи съ авансираніето на 30,000 Лири...”

(газ. “Свобода”, 1888). Параллельно используются и формы на *-не*. Особенно интересны случаи присоединения суффикса *-ние* к основам совершенновидовых народных глаголов: *отхраняние, заобиколение, удавление* и под. С течением времени осознается необходимость формально-смыслового разграничения народных существительных на *-не* и книжных на *-ние*²³. Хорошо известно сделанное по этому поводу в 1892 году высказывание Ивана Вазова и последовавшие за этим авторские изменения во втором издании романа «Под иггом» (1894)²⁴. Принято считать, что отграничение существительных на *-не* от существительных на *-ние* в формальном и семантическом отношении происходит после Освобождения.

Таким образом, в русском литературном языке XIX века основным направлением в развитии категории отглагольных существительных на *-ние* является уменьшение степени глагольности этих имен, интенсивный процесс образования и закрепления за существительными с этим суффиксом непроцессуальных, предметных значений. Для формирования этой категории имен в новоболгарском литературном языке большое значение имеет сильное церковнославянско-русское языковое влияние. Не прекращаясь и на протяжении XX столетия, это влияние в значительной степени предопределило историю развития значений отдельных существительных на *-ние*. Однако основные направления семантической эволюции этой категории имен были обусловлены особенностями болгарской языковой системы.

Глава I

Развитие значений русских существительных на *-ние* и семантическая история их болгарских параллелей

Церковнославянско-русское языковое влияние связывается, в первую очередь, с активизацией в болгарском литературном языке XIX века целого ряда словообразовательных моделей и процессом интенсивного лексического заимствования. В произведениях эпохи Возрождения резко возрастает, в частности, количество и частотность употребления отглагольных существительных с суффиксом *-ние*. Среди этих имен много генетических древнеболгаризмов, возвращающихся в болгарский литературный язык через посредничество церковнославянского и русского, часто с новыми, развившимися в двух последних языках значениями. Приведем некоторые примеры для иллюстрации этого утращения. В древнеболгарском языке существительное отъвращение называло действие по значениям глаголов (см. *Slovník jazyka staroslověnského*. Praha, вып. 24, 1973, с. 592). С глагольными значениями это имя употреблялось и в древнерусском языке. Сл. XI – XVII вв. приводит следующие значения существительного отвращение (отовращение): 1. “Действие по глаг. *отвратити-отвращати* (в знач. 1)” [см.: «отвратити и отовратити 1. Отвернуть, повернуть в сторону; тж. образно и перен.»]; 2. “Удаление от чего-л.” [ср. следующие значения глаголов отвратити (отовратити) и отвратитися: соответственно “заставить отказаться от чего-л., отвлечь, отдалить от кого-, чего-л.” и “отказаться, отступить, отдалиться от кого-, чего-л.”]; 3. “Отказ от чего-л.” [ср. только что приведен-

ные значения глаголов, а также значение “отказываться, отступаться от кого-, чего-л., избегать кого-, чего-л.” глагола отвращаться (отовращаться); 4. “Предотвращение чего-л.” [ср. значение “отвратить, отклонить, отвести; предотвратить” глагола отвратити (отовратити)]²⁵. По наблюдениям Е. С. Копорской, в языке XVIII века отглагольное имя отвращение активно используется в значении «устранение чего-либо опасного, неприятного, вредного; предотвращение чего-либо»²⁶. Сочетаемость слова в этом значении была очень широкой. См. приводимые Е. С. Копорской примеры: “Четвертый департамент будет наблюдать починку улиц и каналов, надобных для отвращения нечистот в городе” (Десницкий, Представление об учреждении...); “...ради отвращения больше особенных, нежели всеобщих неудобств” (Фонвизин, Рассуждение о нац. любочестии); «...ко умножению человеческого удовольствия и к отвращению нужды» (Новиков, О главных причинах, относящихся к приращению художеств и наук) и др.²⁷ Несколько реже существительное отвращение называет действие по другому значению глагола отвратить – “отвлечь, отклонить, удержать от чего-либо, обычно плохого, порочного” (“для отвращения своих граждан от пороков” Козельский, Философические предложения). Особенно широко слово отвращение употребляется в этот период для наименования действия и состояния по значению “избегать кого-, чего-либо, отказываться от чего-либо” возвратного глагола отвращаться: “От сего обстоятельства... часто рождается повсеместная в народе унылость духа и великое отвращение от трудолюбия” (Третьяков, Рассуждение о причинах изобилия...); “*Апатия*. Гр. Нечувствительность, лишение всякого чувства, от всего отвращение, ни к чему непривязанность, ничего нежелание” (Яновский, Новый словотолкователь)²⁸. По мнению Е. С. Копорской, формированию современного значения существительного отвращение (“крайне неприятное чувство, вызываемое кем-, чем-либо”) способствует абсолютное использование этого слова, причем очень часто в контекстах, в которых оно противопоставляется существительному желание: “Склонность к тому, что мы почитаем за добро, называется желание, а удаление от того, что мы почитаем за худо, называется отвращение. Воля

имеет в себе некоторые свойства, как то: желания или отвращения, которые философы называют страстями” (Козельский, Философические предложения). Новое значение слова закрепляется в языке к концу XVIII века. Обусловленная этим значением новая форма зависимого имени с предлогом к вытесняет из употребления старую предложно-падежную конструкцию несколько позднее. Параллельное использование конкурирующих форм наблюдается и в XIX столетии. См. в начале его у Яновского: “[гидрофобия] между прочими припадками, наводит ужас и отвращение к воде и к другим влажностям”; “*Гидрофоб*. Беснующийся от угрызения бешеного зверя, и имеющий отвращение от воды и всякой влажности” (Новый словотолкователь)²⁹.

На протяжении XIX века существительное отвращение все еще называет действие по значениям глаголов (см. БАС, VIII, 1300-1301). В разговорной речи этого периода данное слово употребляется и в значении “гадость, мерзость”. См. у Глеба Успенского в “Нравах Растеряевой улицы”: «Она одна по целым дням сидела дома, и ей не с кем было слова сказать... – Отвращение! – с сердцем говорила она» (там же, 1301). В современном русском литературном языке отглагольное имя отвращение однозначное. Его значение – “крайне неприятное, гадливое чувство, вызываемое кем-, чем-л.” (МАС, II, 670).

То же значение имеет и болгарское существительное отвращение, также однозначное в современном языке. При болгарском слове и в настоящее время наблюдается параллельное употребление имен с предлогами от и към: “Кой може да не чувствува презрение и отвращение към един вероломник и клетвопрестъпник?” (С. Радев, Строители на съвременна България, I, 1973, 343)³⁰; «Никога не би изпитвал такъв ужас и такава отвращение от ужаса» (Е. Манов, Бягството на Галатея, 1963, 109). В этом значении существительное отвращение было широко распространено в болгарской литературе второй половины XIX века. См. например: «...Ликургъ скрыль джлбоко то си отвращение към подобно предложение...» (Н. Михайловски, И. Момчилов, Очерки из историята и народните сказания, (перевод), 1865, 145); “...а тайно-то ѝ щомъ изгъзе на явѣ, то става безобразно, като му сж насити сѣкѣй, по-

лучава отъ него отвращение...” (Ц. Гинчев, Две тополи, 1872, 3); “Прочее, ползувамъ се отъ тоя ви комплиментъ, за да ви изразж своето най-дълбоко отвращение” (газ. «Нова България», 1877, 236). Слово отвращение использовалось в этот период и в форме множественного числа: “...стенете редове-те си, побѣдете ваши-ти стари отвращеніа на които причины-ти вещь днесъ сжществувать...” (газ. “Д. Зора”, 1868, № 47, 178). Сравните в русском литературном языке второй половины XVIII века: “...разумная душа в желаніях и отвращеніях своих наподобіе тела, когда оно жегомо бывает огнем, страдательною себя представляет, поколику сам бог один избирает и производит в ней желанія и отвращенія” (Аничков, Слово о разных способах...)³¹. В литературе болгарского Возрождения отмечаются случаи употребления существительного отвращение в значении “гадость, мерзость”, с которым русское имя было известно в разговорной речи XIX века: “Ето отъ дѣ излиза, че, отъ една страна, [Баринг] като открива сторените турски варварщини съ сичките имъ ужаси и грозни отвращенія, отъ друга – оправдава турските власти...” (газ. “Нова България”, 1876, 151). Болгарское существительное использовалось во второй половине XIX столетия и со значением действия по глаголу. См., например: “Като българинъ азъ ся чувствувахъ длъженъ да направѣ това и ако можъ да подѣйствувамъ въ нѣщо за отвращение на злото, което угрожава народѣтъ ми и отечеството ми” (П. Р. Славейков, Последнето ми ходяние в София, 1883, 41).

Отглагольное имя направление, не используемое в сохранившихся классических древнеболгарских рукописях, но зафиксированное в ранних памятниках русского церковнославянского, было, очевидно, известно и древнеболгарскому литературному языку (см. *Slovník jazyka staroslověnského*, Praha, вып. 19, 1969, 304; *Миклошич Ф. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum*. Vindobonae, 1862-1865, 409; *Филкова П.* Староболгаризмы и церковнославянизмы в лексике русского литературного языка. Учебный словарь, 1986, II, 677). В древнерусском языке существительное направление неоднозначно. В “Материалах для словаря древнерусского языка” И. И. Срезневского зафиксированы значения “указание, наставление”, “путь” (II, 311). Помимо этих значений, Сл. XI – XVII вв. отмечает воз-

возможность использования существительного для наименования действия по глаголу, а также более поздние употребления слова в значениях “исправление, приведение в порядок” и “снаряжение” (X, 190). На протяжении последующих веков происходит формирование ряда новых значений этого существительного, отдельные его значения устаревают. В первые десятилетия XIX века слово направление используется со значениями, приводимыми Сл. 1847 г.: “1) То же, что направка³². 2) Сторона, въ которую движущееся тѣло направляетъ свой путь; также линия, по которой дѣйствуетъ сила. *Направление движенія. Направление сѣверное, т.е. къ сѣверу, восточное, т.е. къ востоку, и т.д. Свободно движущаяся магнитная стрѣлка имѣетъ вездѣ параллельное направление съ меридіаномъ, отклоняясь только не много къ востоку или западу.* 3) Течение. *Послѣ сильныхъ дождей наша рѣка приняла другое направление.* 4) Стремленіе къ опредѣленной цѣли; назначеніе. *Вышему училищу дано камеральное направление.* 5)* Руководствованіе къ чему либо. *Воспитанію юношества необходимо хорошее направление*” (II, 393).

Использование существительного с новым отвлеченным значением, реализующимся в сочетаниях типа направление ума, мысли; направление журнала, литературного произведения, в 30-ые годы XIX столетия делается обычным. Как замечает Ю. С. Сорокин, в этот период “все постоянное и определеннее становится употребление слова в смысле, близком значению франц. *tendance*, т.е. для определения той или иной идейной устремленности кого-либо. Ср.: «[Жюль Жанен] до выхода “Лелии”... не понимал направления “Индианы” и “Валентины”» (Библиограф. для чт., 1834, № 5, Смесь, с. 130); “Не зная различия эпох, направлений, образований духа человеческого, хотят судить Державина по уложению английского, греческого, немецкого суда” (Н. Пол., I, с. 4); “Журнал, будучи сборником хороших статей, должен быть еще и журналом, т.е. иметь свое направление, свой характер, словом, быть выразителем своей мысли” (Бел., III, с. 176) и т.п. Так складывается новое значение, обозначающее совокупность определенных взглядов, идейную основу литературного органа, писателя, произведения и т.п.”³³ Необыкновенная

популярность существительного направление в данном значении, мода на него в середине века объясняется, очевидно, актуальностью выражаемого им понятия. В этом отношении интересны и показательны высказывания современников, приводимые Ю. С. Сорокиным. См., например: «Теперь многих увлекает волшебное словцо “направление”» (Белинский, Взгляд на русскую литературу 1847 года); «После Белинского все заговорили о направлении, все стали выставлять напоказ свои убеждения, и даже те, у кого их нельзя было выбить и дубиной, являлись в публику с либеральными ярлыками, только отъявленные не совестились показаться людьми ретроградными. Это был шаг вперед; начинался день, когда козлам понадобились овечьи шкуры, в которые они и наряжались» (Г. Е. Благодетлов, Русск. слово, 1864, № 7)³⁴. С течением времени происходят некоторые изменения в сочетаемости существительного в этом значении. В современном языке устоявшиеся синтагматические связи слова дают возможность определить его значение следующим образом: “Путь развития какого-л. действия, явления и т.п. ... // Определенная направленность, устремленность к чему-л.” (МАС, II, 383).

В середине XIX века за словом направление закрепляется еще одно значение – “общественное, литературное, научное и т.п. течение, школа”. Ю. С. Сорокин обращает внимание на то, что немецкое слово Richtung претерпевает аналогичные сдвиги в семантике³⁵. В этой связи вероятным можно считать семантическое влияние иноязычного существительного. Ср. также значения французского слова tendance – 1. “тенденция, стремление, склонность”; 2. “политическая фракция”. Появление в последней четверти столетия производных имен направленец, направленство, направленский³⁶ также является свидетельством популярности слова направление в его новых значениях. В XX веке семантический объем слова расширяется. Оно начинает использоваться со значениями “участок фронта, откуда развиваются военные операции в сторону пункта, дающего наименование этому участку” (берлинское направление, курское направление) и “документ о назначении на работу; официальная бумага с предписанием о лечении, обследовании и т.п.” (направление на завод, направление в санаторий, направление на анализ крови).

В болгарском литературном языке второй половины XIX века слово направление широкоупотребительно. Оно находит отражение в “Словаре болгарского языка по памятникам народной словесности и произведениям новейшей печати” А. Дювернуа (I, 1334). В середине столетия, однако, существительное еще не было известно широкому кругу читателей и использование его нуждалось в дополнительных пояснениях. См., например, у С. Радулова в “Изяснение за нѣкои лица, мѣста, ...и не всѣкому разумителны думы...”: “Направленіе, 1) движение къмъ опрѣдѣленж точкж, посока. 2) Течение. 3) Стремление къмъ опрѣдѣлена цѣль. 4) Руководствованіе къмъ нѣчто” (Галерея из Монтионовски премии..., (перевод), 1857, 258). Легко заметить, что приводимые С. Радуловым значения повторяют неглагольные значения русского слова направление и взяты из Словаря церковнославянского и русского языка 1847 года (см. выше). Таким образом в болгарский литературный язык сознательно принимаются и закрепляются в нем значения русского существительного.

В первом из указанных С. Радуловым значений слово направление вступает в синонимические отношения с существительным посока, называющим “мѣсто-то, чръта-та, пжть-тъ, по който едно нѣчто врѣви, камъ който сочи” (Сл. Герова, IV, 220). Так появляется в языке пара стилистических синонимов посока – книжн. направление. Последнее слово в данном значении сохраняет оттенок книжности и в современном болгарском языке. См., например, его употребление в научно-популярной и учебной литературе: « – Да речем, че сме залютели слабо махалото в направление север — юг» (Г. Томалевски, Астрономия за народа, 1958, 82); “Светлинен лъч, който е преминал през прозрачна плочка с успоредни стени, се отмества от първоначалното си направление, като остава успореден на падащия лъч” (П. Таргов, Физика за VII кл., 1965, 103). Сравните использование существительного с этим значением во второй половине XIX века: «...три пжти на день сж записвали въ свои-тѣ книжки сила-та и направленіе-то на вѣтроветѣ...» (Д. Витанов, Физ. география, (перевод), 1873, 21); “...тя грубо затвори своята врата и пжтника... тръгна въ показаното му направление” (Свобода, 1894, № 1503, 2).

В этот период слово направление часто употребляется в значении “указание, наставление, руководство”: «Общитѣ Губернатори ще иматъ чрезвычайна власть споредъ временни-те и особни-те направления.., и ще иматъ тѣ сами да ся отвѣщаватъ» (Цариградски вестник, 8. IX. 1856, № 293, 60); “Мы официјално ся извѣстихме отъ мѣстните власти на Видинска-та областъ че нѣкой си Никола., като ся наортачилъ съ оногова който собираше данокъ-атъ отъ годината 1272, слѣдовалъ да собира данноцы-те противъ всяко направленіе и противъ всяка Царска воля...” (там же, 21. IX. 1857, № 347, 169); “Всичките войводи сж длѣжни да слѣдватъ направленията и наставленията на главния си Войвода...” (З. Стоянов, Записки по българските въстания, I, 1884, 79). Впоследствии это значение существительного, также как и в русском языке, устаревает.

Особенно многочисленны примеры использования слова направление в значении “идейная ориентация, устремленность кого- или чего-л., настроенность мыслей и чувств кого-л., система взглядов и убеждений кого-л.”, т.е. в том значении, в котором слово было наиболее популярно в русском литературном языке середины XIX века. См., например, употребление существительного в сочетаниях направление кого- или чье-либо: “...въсичкійатъ си животь работихъ непрестанно, направленіето ми можеше да послужи за примеръ на съвършенна добродѣтелна похвала...” (Х. Пашов и др., Цветоносното панерче, 1858, 119); “Главатаръ на едно домакынство, или на нѣкое си общество, за то са наричя глава, защото има вліяніе на другытѣ; неговый духъ, неговый поглѣдъ и неговото направленіе са отражяватъ въ онова домакынство, или общество” (ж. “Училище”, I, 1871, 68); “Самите нрави, обичаи., способности и направления на бжлгарете, който живѣятъ на сѣверъ отъ балканъгъ, различатъ отъ тия, що живѣятъ на югъ отъ него...” (газ. «Нова България», 1876, 19); см. также в сочетании с прилагательным и в абсолютном употреблении: “Като мохамедане и особенно като народъ съ азиатски духъ и направление, Турцитѣ не можихж, разбира се, да се ползуватъ отъ добринитѣ на европейската цивилизация по духа на християнството...” (Периодическо списание..., 1882, 139); “Той има чувства български, но нѣма българско възпитание. Ромжнския животь му е далъ пе-

чатъ и направление, окончателно” (И. Вазов, Съч., XXIV, 144). Так же как и в русском литературном языке, слово направление используется для обозначения идейной основы, ориентации газеты, журнала, политики и т.п.: “...вѣстникътъ взе повечето политическо отколкото научно направление” (Периодическо списание..., 1889, 101); “ – Но, ако правителството издава вѣстникитѣ на обществена смѣтка, какъ може да не имъ контролира направлението?” (Е. Белами, След сто години, (перевод), 1892, 110); “...да чака направлението, което синъ му... ще даде на руската политика” (Свобода, 1894, № 1510, 1); “...зашото прѣди да ся докаже какво направление ще държи една силна държавя, ...една лудостъ ще бжде да ся отвори обща война помѣжду другитѣ сили” (газ. “Дунав”, 3. X. 1876, № 1110, 2). В дальнейшем в лексических связях существительного в этом значении наблюдаются определенные изменения, в частности, оно перестает использоваться в сочетаниях направление кого-либо, чье-либо. Описание претерпевшего развитие значения аналогично толкованию современного значения русского слова (см. выше).

Литературные сочинения второй половины XIX столетия дают также примеры употребления существительного направление в значении “политическое, религиозное, литературное и т.п. течение, школа”: “...ако той клеветѣше въ стълповетѣ си плаватаритѣ на Българский народъ и прѣдставителитѣ на самостоятелното народно направление въ духътъ на православието, че сж руски оржда...” (Периодическо списание, 1888, 640); “Между прѣдставителитѣ на едно умѣрено радикално направление въ гръцката книжина личеше на първо мѣсто и Кораи” (И. Шишманов, Константин Фотинов, неговият живот..., Сборник за народни умотворения..., XI, 1894, 641-642). Использование слова в данном значении, так же как и в русском литературном языке, не претерпевает существенных изменений до настоящего времени.

В период активной борьбы за чистоту болгарского литературного языка существительное направление передает свои значения (“путь развития какого-л. явления, действия и т.п.” и “общественное, литературное и т.п. течение”) слову насока, призванному вытеснить из употребле-

ния заимствованное имя. Тем не менее параллельное использование этих синонимов продолжается.

В современном болгарском литературном языке существительное направление имеет еще одно значение – “выданный медицинским учреждением документ с предписанием о лечении, обследовании” (медицинско направление). Ср. приведенное выше более широкое значение русского слова. Следует также отметить, что во второй половине XX века продолжает использоваться русизм направлявам [“направлявам... (рус.) Насочвам, напътвам” БТР, 506]³⁷. Поэтому не вызывают удивления случаи употребления существительного направление со значением действия по глаголу: “Проведе се централизирано събиране на реализираните от предприятията амортизационни отчисления и плановото им направление за финансиране на строителството” (Д. Тер., ПДНП, V).

В древнеболгарском литературном языке отглагольное существительное вълнение имело значение “колебание водной поверхности” (см. Старославянский словарь (по рукописям X – XI веков). М., 1994, 119). Словарь русского языка XI – XVII вв. помимо значения “волнение (о море)” [ср. прямые значения глаголов волновати и волноватися – соответственно “вздымать, поднимать волны” и “волноваться, приходиться в колебательное движение, образуя волны”] отмечает также значение “мятеж, смута” [ср. переносное значение указанных глаголов – “проявлять недовольство, бунтовать”] (II, 315-316). В XVIII веке у русских глаголов волновать, волноваться и отглагольного имени волнение на основе метафорических употреблений появляются новые значения. Глагол волновать активно используется в значениях «приводить в быстрое, беспокойное движение, течение (кровь, соки тела); возбуждать, подымать (чувства, страсти, мысли); беспокоить, тревожить, возбуждать кого-л. чем-л.» (Сл. XVIII в., IV, 40). За глаголом волноваться закрепляются значения “приходить в быстрое, беспокойное движение от болезни, возбуждения и т.п. (о крови, соках тела и т.п.); приходиться в возбужденное состояние, с силой проявляться, возникать, быстро сменять друг друга (о чувствах, мыслях); быть в возбуждении, беспокойстве, тревоге (о человеке)” (там же). Существительное волнение приобретает способность называть действие и состояние по при-

веденным значениям глаголов. См., например: «Волнение влажностей, соков в человеческом тѣлѣ. ФРЛ II 451... Старанья всѣ мои напрасны Волненье мыслей усмирить! Нел.-Мел. 19» (там же, 39). Во второй половине XVIII столетия за существительным закрепляется значение “возбужденное состояние; беспокойство, тревога” (там же). См.: “После великого волнения, рыдания и слез он мне сказал...” (Фонвизин, Повествование мнимого глухого и немого); “В сем общем радостном волненье, Царей, Героев прославление, чье имя первое в устах...” (Карамзин, Освобождение Европы)³⁸. На протяжении всей истории своего семантического развития слово волнение сохраняет прямое значение – “колебание водной поверхности”. Претерпевает эволюцию значение “мятеж, смута”. По мере архаизации у глаголов волновать и волноваться значений соответственно “побуждать к недовольству, протесту” и “проявлять недовольство, выражать протест” утрачивается непосредственная связь между семантикой существительного и глагола. Данное значение имени начинает выражаться преимущественно формой множественного числа. См. его толкование в БАС: “*Полит.* Массовое проявление недовольства; движение, выступление против властей” (II, 614). Например: студенческие, рабочие, крестьянские волнения, волнения в армии и т.п.

В литературе болгарского Возрождения существительное вълнение многозначно. См. его употребление в значении “колебание водной поверхности”: “Китѣтъ е въобще животно безвредно, опасно за мореплавателитѣ само тогазъ, когато съ ненадѣйното движениѣ на опашката му или съ своето потопяваніе въ водата и излазѣніе на повърхнината ѝ причинява вълненіе, което може да превърти и потопи кораба” (С. Бобчев, Пътуване около света, (перевод), 1873, 306-307). Ср. также метафорическое использование имени: «Той [антрацитѣтъ] ся намира повечето на мѣста, които сѣ были изложени на силны подземны вълненія, които сѣ дѣйствивали силно върху земнѣ-тѣ корѣ» (Изводи от в. “Зорница” за 1877 г., 189). Существительное вълнение употребляется и в значениях “массовое выражение недовольства, выступление против властей” и “возбужденное душевное состояние”: “Въ законодателство то на Солона было постановено, че сѣкій гражданинѣ, кой то

при народны вълненія не са присъединявалъ на никоя партія, да са наказва съ лишение то на граждански тѣ си права” (Н. Михайловски, И. Момчилов, Очерки из историята и народните сказания, (перевод), 1865, 161); “Растреперанъ [един от българите] не отъ страхъ, нъ отъ волнение, става на крака и ся сега не бой да стой на срѣща и да глѣда право въ очи му [на владиката]” (Блъсков, Изгубена Станка, 1867, 55). См. также использование этого слова в сочетаниях, аналогичных распространенным в русском литературном языке XVIII – XIX веков устойчивым сочетаниям волнение страсти, волнение души, волнение сердец, волнение чувств, сердечное волнение и под. (см. Сл. XVIII в., IV, 39; БАС, II, 614): “...ако бждещето поколение поиска да узнае предшествующите вълнения на духовете и причините на Априлското вжзстание...” (З. Стоянов, Записки по българските въстания, I, 1884, 254); “Отъ искуствата у тѣхъ цвѣтѣла музиката, като непосредственно изразение на духовнытѣ вълненія” (Н. Михайловски, Ръководство към всеобщата история, (перевод), I, 1873, 2).

Большая часть распространившихся в болгарских сочинениях XIX века существительных на *-ние* была образована в самом церковнославянском и русском языках. Попробуем проследить и сравнить семантическую историю, например, отдельных русских новообразований XVIII столетия в русском и болгарском литературных языках.

Новообразования русского языка XVIII века впечатлеть(ся), впечатлеть(ся), впечатление находятся в тесной формальной и семантической связи с древнеболгаризмом печатльѣти. Глагол впечатлеть, помимо прямого значения “впечатать, втиснуть во что-л.; оставить отпечаток, след”, имеет в XVIII веке и значения переносные – “вкоренить, привить, внедрить, внушить, вложить (в ум, сердце) что-л.; привести во что-л.”, “запечатлеть что-л. в сознании, памяти” (см. Сл. XVIII в., IV, 110-111). Ранние использования отглагольного существительного исследователи отмечают в сочинениях Тредиаковского³⁹. XVIII век дает примеры употребления существительного в значении отвлеченного действия. САР I фиксирует значение “вперение, вкоренение. *Впечатление любви к добродетели*”. Ср. также пример, помещенный в Сл. XVIII в.: “<Разум и нравы> болѣе зависят от воспитания, которое человекѹ, не только к

впечатлѣннѹ благонаравия... есть весьма нужное в жизни. Зыб. 1777 35” (IV, 109-110). Е. С. Копорская приводит данные словарей, свидетельствующие об использовании существительного впечатление в значении, связанном с прямым значением глагола: “Впечатлеваю, eindrücken, imprime. Впечатление, см. впечатлевание... Впеч, der Eindruck, l’impression” Сл. Нордстета; “Impression. Натиск, надавление, впечатление” Лексикон Татищева⁴⁰. Результативное конкретное значение “отпечаток, оттиск, след” фиксирует у имени Сл. XVIII в. См. приводимые им примеры: «Почти каждой <каменный> листок на своей поверхности имѣл впечатлѣнне или... отрывок листа какого произрастения. Ист. Бюф. I 290»; «Весма мягкия <минералы>, принимающія впечатлѣнне ногтя: мыловка, мѣл, селенит, талк и проч. Минер. Сврг. 1809 I 52» (IV, 110). Развитие других значений у слова впечатление — а) “*Научн.* Отпечаток, отражение в органах чувств и сознании человека, получаемые при восприятии предметов и явлений внешнего мира”, б) “*чаще мн.* Ощущения, чувства от восприятия чего-л., знакомства с кем-, чем-л. и след от них в памяти, сердце человека”, в) “воздействие, влияние на кого-, что-л.” (Сл. XVIII в., IV, 110) — связывается исследователями с семантическим влиянием немецкого слова Eindruck и французского impression⁴¹. См. иллюстрации Сл. XVIII в.: а) “Когда голос бьет в слуховой барабанчик, не лзя не произойти в мозгу впечатлению. Муза II 234”; “Каждое око получает особое впечатлѣнне от одного предмета. Рдщв. Чел. III 63”; б) “Именитые чиновники, уstraшенные народным впечатлѣнием болѣе, нежели самым происшествием <падением вечего колокола>, ...старались успокоить граждан. Крм. МП 327”; в) “<Позолота> не может противиться дождю и впечатлениям воздуха. Сл. комм. II 418”; “Но по сему сколь же натуральна и сила примѣра родительскаго во младых, всяким впечатлениям отверзтых сердцах дѣтей! Приб. МВ 1783 33” (там же). Интересна история закрепления в языке двух последних значений. В XVIII веке, реализуя эти значения, существительное впечатление характеризовалось довольно широкой сочетаемостью. Так, выступая в значении “чувства, ощущения, вызванные знакомством, соприкосновением с кем-, кем-л.”, слово часто занимало позицию прямого объекта после глаголов сле-

дать, учинить, произвести. (Ср. фр. faire impression sur quelqu'un), водворить, оставить и др. См. у Карамзина: “Красота Лизы при первой встрече сделала впечатление в его сердце”; “[пьеса] не сделала во мне никакого приятного впечатления”. Ср. также широкие возможности управления родительным падежом имени: «Дух кротости ослабляет только в нас впечатлительные человеческих несовершенств, не со всем нас ослепляя. Зрит. III 224» (Сл. XVIII в., IV, 110). Постепенно из этого значения выделяется его оттенок – “оценка, мнение, сложившееся у кого-л. в результате знакомства с чем-, кем-л.”. См. в языке XVIII века: “Много надобно актеру искусства и дарований, чтоб первое не выгодное для себя впечатление цѣлаго собрания перемѣнить в свою пользу. Зрит. III 35” (Сл. XVIII в., там же). С течением времени существительное теряет часть своих старых связей, устанавливается тот круг словосочетаний, в которых оно реализует названное значение и его оттенок: произвести на кого-л. хорошее, приятное, плохое впечатление; оставить хорошее и т.п. впечатление; поделиться, обменяться впечатлениями; рассказать о чьих-л. впечатлениях; создается, складывается впечатление, что... и нек. др.

Во второй половине XVIII – первой половине XIX века свободными являлись синтаксические связи существительного впечатление в значении “влияние, воздействие на кого-, что-л.” Кроме приведенного выше примера, см. также: “Таковые многократно повторяемые юношеству впечатления укрепляют душу” (Фонвизин, Рассуждение о национальном любочестии); “Посему ноги менее имеют теплоты, и впечатление внешнего воздуха бывает в них сильнее” (Новиков, О воспитании и наставлении детей); “Может ли состояние быть восхитительнее, как состояние человека чувствующего впечатления живописи, музыки, танцованья и стихотворства” (Батэ, О свободных науках)⁴². На использование существительного в этом значении также оказывают влияние синтаксические связи французского слова: “Люди, которых знал я, и увижу через нѣсколько лѣтъ, дѣлают неизъяснимое впечатление на мысли мои. ММ III 158”; “Все объекции Амелота и кардинала я не оставил без опровержения, ...так что если и несовѣм их склонил, то надѣюсь, нѣкоторое впечатлѣние на них произвел. Кнт.

Деп. 129” (Сл. XVIII в., IV, 110). Впоследствии сочетаемость слова в данном значении ограничивается, что приводит к сужению самого значения. В современном языке оно реализуется только в словосочетаниях произвести (сильное и т.п.) впечатление на кого-л.; находиться под впечатлением и нек. др.

Что касается значения действия по глаголу впечатлеть (“внушить, укоренить, внедрить; запечатлеть в чем-л.”), то оно еще отмечается у существительного впечатление в первой половине XIX века. См. у Карамзина: “Читатель заметит, что описываю деяния не врознь, по годам и дням, но совокупляю их для удобнейшего впечатления в памяти” (История государства Российского). В дальнейшем существительное в этом значении выходит из употребления.

Рамками XVIII – первой половины XIX века ограничено использование слова впечатление в значении “след, отпечаток, оттиск чего-л.” См. у Пушкина: “Уж перстня верного утрата впечатленья, Растопленный сургуч кипит...” Сожж. письмо (БАС, II, 762).

Болгарские литературные памятники Возрождения дают многочисленные примеры использования существительного впечатление в трех основных значениях. Ясно дифференцируется ограниченное сферой научной речи значение “отпечаток, отражение в органах чувств человека, его сознании предметов и явлений внешнего мира”: “Зрѣніето и слуха най-много впечатления докарватъ” (ж. Читалище, 1871, кн. 23, 717); “Понятіе за нѣкоя вещь ся нарича впечатлѣніе-то, което остава на ум-а ни, кога тая вещь падни подъ чувства та ни или докачи до тѣхъ” (И. Момчилов, Писменица на славянския език, 1847, 1); “Отъ всички-тѣ зари, кои-то излизать отъ предметъ-тѣ и падатъ на око-то, произвождатъ впечатлѣние само тѣзъ, кои-то влизать в челичиць-тѣ” (И. Н. Гюзелев, Физика, 1874, 302).

Сочетаемость существительного впечатление в значении “чувства, ощущения от восприятия или знакомства с чем-, кем-л., а также след от них в сердце человека, его памяти” в болгарских памятниках Возрождения аналогична сочетаемости этого слова в русском языке второй половины XVIII – первой половины XIX века: “Азъ не сжмъ въ сжстояние да ви опиша ония впечатлѣния, които испи-

та сърцето ми, когато са запрѣхъ на това мѣсто...” (П. Хитов, Моето пътувание по Стара планина, 1872, 12); “Гората въ Загребѣ бѣше заобиколена отъ едно многобройно множество... Азъ хвърлихъ възъ него единъ бързъ погледъ и първото ми впечатление нѣма наистина нѣщо неприятно” (ж. Читалище, 1875, кн. II, 511); в сочетании с глаголами права, произвеждам, оставям, причинявам, учинявам и под.: “Паданието и изгонванието на Митхатъ-паша произведох между тукашното смѣсено население и смѣсени впечатления” (газ. Нова България, 1877, 271); “Възстание то при Шаръ-кѣйой... е оставило у тѣхъ дълбоко впечатление” (там же, 1876, 94); “Това е първий Християнинъ, кой станжлъ паша, и въ Арнаутско тойзи случай е учинилъ голѣмо впечатление” (газ. Бълг. дневница, 1857, № 12, 47); в сочетании с зависимым родительным падежом имени: “Австрийцитѣ очакватъ отъ единъ способенъ дипломатъ, да имъ ся възвърне онзи характеръ, когото изгубихъ отъ впечатлението на ипленнитѣ пушки” (газ. Дунав, ч. II, № 133, 1866, 2). Отчетливо выделяется и оттенок значения – “оценка, мнение, представление, сложившееся у кого-л. после знакомства с кем-, чем-л., контакта с кем-л.”: “...ако да бѣхъ имали тѣзи гражданскъ свободъ за кождо говорѣщѣхъ негли... да ни оставятъ много по-приятно впечатление за тѣхното достоинство” (ж. Читалище, 1871, кн. 17, 519); “Когато го попита Кияни-паша за впечатлението на сѣдебниятъ въпросъ, дѣто е присѣдствувалъ, той му отговори, че му са сторило срамно” (газ. Нова България, 1876, 106).

Значение “влияние, воздействие на кого-, что-л.” – третье и последнее из основных значений слова впечатление, зарегистрированных в памятниках болгарского Возрождения⁴³: «До сега тие [българите] сѣ биле сѣвсѣмъ чужди отъ политически впечатления...» (газ. Нова България, 1876, 34); “Това обстоятелство, растълкувано и обяснено, направи силно впечатлѣние на настроенитѣ въ полза на унията прости умове” (Периодическо списание на Българското книжовно дружество, 1888, 653); “...образуваха се малки групи, които оживлено гълчаха подъ впечатлението на проповѣдъга” (И. Вазов, Соч., XXIII, 138). Очевидно, определенная часть не свойственных современному языку синтаксических связей существительного впечатление поддер-

живалась значениями функционирующих в болгарском языке XIX века глаголов впечатлявам (“предизвиквам, внушавам някакво чувство у някого”; “запазвам, задържам, затвърдявам в съзнанието си нещо” РБЕ, II, 379), впечатлявам се (“дълбоко се затвърдявам в съзнанието на някого” там же). Выход из употребления этих глаголов⁴⁴ должен был оказать определенное влияние на развитие сочетаемости и значений существительного впечатление. Это развитие шло в том же направлении, что и в русском языке, поэтому основные современные значения слова в обоих языках совпадают. В то же время наблюдаются некоторые различия в синтаксических и лексических связях русского и болгарского слов. Так, например, если из вариантов передачи французского faire impression sur... в русском языке сохраняется производить впечатление, то в современном болгарском языке закрепляется правя впечатление. Примеры, подобные приводимым ниже, осознаются носителями языка как результат русского влияния: “В кръговете на посолството поведението на Соболева бе произведено и без това лошо впечатление” (С. Радев, Строителите на съвременна България, I, 1973, 364); “Страх ни е само да не ни спипат. В смисъл, да не произведем някому лошо впечатление” (Й. Попов. Дефект на зрението, Из живота на пророците, 1982, 59). См. невозможность дословного перевода на русский язык болгарского выражения оставам с впечатление(то), че... (“схващам, разбирам, подразбирам, помислям, струва ми се, че...” РБЕ, II, 378). Ср. рус. мне кажется, что..; у меня создается, складывается впечатление, что... Ср. также болгарские конструкции прави впечатление фактъг, че..; прави впечатление, че... и русские производит впечатление (тот) факт, что..; производит впечатление то, что... (обязательная замещенность позиции грамматического субъекта в главной предикативной части русских конструкций) и под. Естественно, что с процессом фразеологизации связано развитие значений, закрепленных за сочетанием слов в целом. См., напр., болг. “прави ми (направи ми) впечатление на някакъв. *Разг.* Мисля, струва ми се. ...Направи ми впечатление на честен човек” (РБЕ, II, 378); ср. рус. производить, произвести впечатление кого – “казаться, показаться кому-л. кем-л.; вызывать,

вызвать у кого-л. мысли о себе как о ком-л.": Он произвел на меня впечатление честного человека.

Со втором половины XVIII века в русском языке получает распространение существительное значение. Авторы исследования "Лексические новообразования в русском языке XVIII в." приводят один из ранних примеров его употребления: "Сей власти в Российской империи кроме монархов никто в полном значении не может иметь" (Десницкий, Материалы для комиссии об Уложении, 1768, 34)⁴⁵. См. также: "В театральном смысле означает оно [слово *акциденция*] оброк или пошлину с имеющих в судах дело; но прямое значение его есть то, чтоб искусно пообедать у просителя..." (Неизвестный автор, Опыт вещественного Российского словаря, 1791). Параллельно активно используются синонимы знаменованіе, разум, смысл: "Бесподобно, беспримерно. Оба сии слова то ж имели знаменованіе у предков наших, как и у нынешних щеголих; с тою только разницею, что употребляют их неодинаково, или, лучше сказать, и совсем в противном смысле" (Опыт модного словаря щегольского наречия, 1772); "Часто без разбору говорится: он ведет жизнь беспорочную, добродетельную, честную; но чтоб узнать, все ли сии выражения единообразно употреблять можно, надлежит определить разум каждого" (Фонвизин, Опыт Российского сословника, 1783). См. также синонимичное использование слова означение, которое, подобно существительному значение, является новообразованием XVIII века⁴⁶: «Словом, надобно из содержания всей речи распознавать, в каком означении употреблено таковое название» (там же). В XIX столетии слово значение расширяет сферу своего использования. Сл. 1847 г. фиксирует еще только одно его значение: «Значеніе... Понятіе, соединенное съ какимъ либо словом; знаменованіе. *Объяснять значеніе словъ*" (II, 93). Даль приводит несколько значений: "Значенье ср. смыслъ, содержанье, знаменованье; вага, важность; сущность, истость. *Значенье надписи этой неясно. Значенье слова «коса» различно. Не придавай случайности особаго значенія. Значенье этого сановника велико, по власти, влиянію, уму и пр.*" (I, 689). В толковании и иллюстрациях Даля по существу уже представлены почти все основные значения существительного, в которых оно используется и в настоящее время.

См. употребление слова с этими значениями в XIX веке: а) “содержание, сущность, смысл чего-л.” – “Ее тревожит сновиденье. Не зная, как его понять, Мечтанья страшного значенье Татьяна хочет отыскать” Пушкин, Евг. Онегин (пример из Сл. Пушкина, II, 154); б) “важность, значительность, ценность кого-, чего-л.” – “Пушкин, не утрачивая в настоящем и будущем своего значения как поэт великий, тем не менее был и поэтом своего времени” Белинский, Соч. А. Пушкина (пример из БАС, IV, 1300); в) “роль, назначение кого-, чего-л.” – “Нужно же понять, наконец, значение писателя, нужно понять, что его оружие – слово, убеждение, а не материальная сила” Добролюбов (пример из МАС, I, 618). Некоторые из оттенков значения этого существительного, которые были ему свойственны в XIX веке, в настоящее время устарели. См., например, использование слова в значении “власть, влияние” Мельниковым-Печерским: “При отсутствии помещиков и управляющих, так называемые тысячники пользовались большим значеньем. Вся промышленность в их руках” В лесах (пример из БАС, IV, 1301).

Те же значения данного существительного представлены в литературных памятниках болгарского Возрождения: а) “За много време Римляни-тѣ сж недоумѣвахж за значеніе-то на той гадателный отвѣтъ...” (П. П. Славейков, Смесна китка, 1852, 31); “...щомъ се земе думата въ конкретното ѝ значение...” (Протоколите на Учред. нар. събрание, 1879, 7); б) “Това правило, за да придаде по-вече значение на первенството епископско, задължава всички-тѣ епископи да познаватъ едного, като глава...” (И. Тонев, Иерарх. наредба на черквата (перевод) – Периодическо списание..., 1873, кн.7 и 8, 50); “Всички-те тѣзи прѣдмети, – едни да показватъ национални-те обичаи, други да засвидетелствуватъ завоевания-та – сж отъ историческо значение” (Летоструй, 1874, 245); в) “Това като е тѣй, службата и значението на младежа въ общественый животъ ставатъ отъ най важнитѣ” (Читалище, 1870, 97-98). С этими значениями существительное употребляется и в современном болгарском литературном языке. Известный в XIX веке оттенок значения “власть, влияние” в настоящее время, так же как и в русском языке, устарел: «...ослабилъ значеніе-то на дрѣжявный съборъ и присвоилъ всичкж-тж дрѣжявнж

власть» (Й. Груев, Кратка всеобща история (перевод), 1858, 93).

Отглагольное существительное огорчение также относится к числу новообразований русского языка XVIII века. Авторы указанной выше монографии отмечают, что «слово огорчение начиная с 30-х годов XVIII в., когда оно начинало входить в широкое употребление, и на протяжении всего XVIII в. встречается только в сочетаниях “приводить в огорчение” или “приходить в огорчение”»⁴⁷. См. примеры: “Но Купидон всегда меня принуждал, чтоб ея повесть в его храм, за что всегда она на меня в огорчение приходила” (Езда в остров любви, перевод Третьяковского, 1730); “Пойду расскажу ей все его умыслы, приведу на него в крайнее огорчение” (В. И. Лукин, Мот...); “Такая бесподобная вольность может ли нас когда нибудь противу мужей приводить в огорчение” (Живописец, 1772)⁴⁸. В этих сочетаниях слово огорчение выражает значение состояния, причем из приведенных выше примеров видно, что семантика имени соотносится с устаревшим в настоящее время значением глагола огорчиться (огорчаться) “обидеться, оскорбиться”. Во второй половине XVIII века существительное огорчение встречалось, однако, и в других сочетаниях, реализуя при этом значение “чувство горечи, душевная боль”: “А как я от рождения моего не знал, что есть стыд, ...а меньше еще того разумел о неприличности, то ...влюбился в комнатную дома нашего девку ...и сделался в короткое время невольником рабы своей. Таковой случай причинил немалое огорчение и самым моим родителям...” (Неизвестный автор, Следствия худого воспитания, Живописец, 1772). Ср. также в записках А. Болотова: “И мы не могли без огорчения слушать того, что она нам об нем, по возвращении своем, рассказывала; ибо не можно было, чтоб не сожалеть о сем добром и честном старике...”; “...а к умножению огорчения его и жена, оставшаяся после онаго [сына], сделалась негодною и только стыд и беззачестие его фамилии наносящею” (Жизнь и приключения Андрея Болотова...). В других контекстах значения “чувство” и “состояние” трудно дифференцировать: “Единая привычка его [фельдмаршала Бутурлина] часто подгуливать и даже пить иногда в кружку с самыми подлыми людьми, наводила на всех и огорчение, и негодование превели-

кое” (там же). Сл. 1847 г. приводит два значения существительного: “1) Дѣйстви́е огорчившаго. 2) Состояніе огорченнаго. *Придти въ огорченіе*” (Ш, 46). Пушкин использует слово в значении “чувство горя, горечи, душевная боль” (Сл. Пушкина, Ш, 79). Это существительное может выражать у Пушкина и состояние: “19 июля пришел проститься с графом Паскевичем, я нашел его в сильном огорчении” (пример из Сл. Пушкина, см. там же). Сл. Пушкина фиксирует и оттенок значения слова: “то, что кого-н. огорчает, доставляет неприятности... Н. избирает себе в наперсники Н<евский> Проспект – он доверяет ему все свои домашние беспокойства, все семейственные огорчения. Планы...” (Ш, 80). Сравните с данными Сл. Даля: “Огорченье ср. дѣйст. и состн. по гл. на тъ и на ся; // самое дѣло, случай, что огорчаетъ” (Ш, 647). См. там же значения глаголов: «Огорчатъ, огорчить кого, оскорбить, опечалить; обидѣтъ; больно затронуть сердце, нравственную сторону. ...-ся, быть огорчаему; // печалиться, скорбѣть, грустить, горевать; обижаться, оскорбляться чѣмъ»⁴⁹.

Дальнейшее развитие значений существительного связано с семантической эволюцией глаголов огорчить (огорчатъ), огорчиться (огорчатся). С течением времени в их семантике перестают дифференцироваться элементы “оскорбить, обидеть”, “оскорбиться, обидеться”, а также “скорбеть”. Суживается и значение отглагольного имени. См. толкования современных словарей: “чувство досады, горечи, вызванное какой-либо неудачей, неприятностью” (БАС, VIII, 637); “душевная боль, расстройство” (МАС, II, 588); “неприятность, душевная боль” (Сл. Ожегова, 380). Обратим внимание на то, что чувство, называемое современным существительным огорчение, не может сравниться по глубине и силе со страданием, горем или скорбью, т.е. это чувство или состояние вызываются не столь значительными причинами. Сравните, однако, у Пушкина: “С беспокойством я выпрыгнул из кибитки, и вижу: матушка встречает меня на крыльце с видом глубокого огорчения. – Тише, – говорит она мне, – отец болен при смерти и желает с тобою проститься” Капитанская дочка (БАС, VIII, 637).

В болгарском литературном языке втором половине XIX – начала XX века существительное огорчение широ-

ко използва се в значении “неприятность, вызывающая чувство горечи, обиды, скорби; несчастье”: “Горкій! сърцето му не предчувствуваше никакъ, че тамъ щеше да намѣри по голѣмъ угорченіа!” (П. Кисимов, Откритието на Америка (превод), II, 1876, 181); “За гърците паданието на Митхатъ-паша бѣше голѣмо огорчение, защото тѣ считаха отдавна тоя министръ за покровителъ на тѣхните интереси въ Турско” (газ. Нова България, 1877, 272); “Отъ тогивашното правителство сж биле гонени, ...отъ своитѣ си – ускорбявани, и тия добри хорица, безъ да глѣдатъ на множеството спжнки и угорчения, ...съ голѣмо търпение сж следвале свято то дѣло [народното образование]” (И. Блъсков, Двама брата, 1888, 85); “...съ това бихъ я отървалъ, тая прѣлестна сирота, отъ толкозъ люти огорчения, и бихъ я направилъ щастлива...” (И. Вазов, Под игото); “При послѣдното му гостуване въ Бѣла-Черква, му се случи едно голѣмо огорчение и отъ тогава не се върна вече” (И. Вазов, Нова земя). Иван Вазов използва это слово также в значении “оскорбление, обида”: “...днесъ видяхъ очуденъ, че моите добри чувства са били заподозрени и ми се нанесе незаслужено огорчение” (Писма до Евгения Марс); “Царю, азъ бѣхъ твой врагъ, нашия родъ бѣ дълбоко обиденъ отъ Ивана-Асѣня. Но надъ личнитѣ огорчения стои България” (Съч., XX, 51). Сравните значения глаголов: огорчавам (огорча) “причиняю душевную боль, вызываю чувство горечи, скорби; обижаю, оскорбляю”; огорчавам се (огорча се) «испытываю чувство горечи, скорби; обижаюсь, оскорбляюсь» – “...щото би могло и най-малко да ги огорчи или да произвѣде въ тѣхните сжрца неприятно осѣшание” (газ. Знание, I, 1875, № 8, 124); “...Желашъ ли да надвиешъ врага си безъ оръжје? желашъ ли да го огорчишъ и да го направишъ да побѣснѣе?” (А. Гранитски, Поучителни речи на старите философи (превод), 1854, 101); “Има чловѣци които излизатъ изъ скърби-тѣ и страданія-та си очистени... Но има и други чловѣци, които никакъ не ся ползуватъ отъ скърби-тѣ и страданія-та си; тѣ ставатъ твърдоглави, огорчаватъ ся и ся отчайватъ” (Изводи от в. Зорница за 1877 г., 156). Значение “обижаю, оскорбляю” глагола огорчавам, очевидно, имело оттенок “вызываю недовольство, возмущение, негодование”, а глагол огорчавам се мог употребляться со значением “испы-

тъваю недоволство, возмущение, прихожу в негодование”: “...сѣка проляна капка отъ славянска кръвь тежко ще падне на милиони сѣрдца... – ще огорчи и распали Чехите, Поляците, Русите” (газ. Нова България, 1876, 87); “Софтите и улемите сѣ много огорчени на Мидхатъ паша, и са каятъ, за дѣто сѣ го вѣзвисили когато той не билъ юначень” (там же, 36); “Това унизително условие за Прусия вмѣсто да утвърди вліяніе-то на Наполеона, докара на-противъ, поскоро негово-то паданіе; защо-то, отъ една страна прусскій народъ ся огорчи до най-висока степенъ противъ френскія завоеватель, а отъ друга улесни умноженіе-то на прусска-та войска” (Летоструй, 1871, 212). С этой глагольной семантикой было связано еще одно значение существительного огорчение – “недоволство, возмущение, негодование”: “ – Въ Англия е закипяло огорченіе противъ турците...” (газ. Нова България, 1876, 56); “Страхъ ни е, че английското огорчение е закѣснѣло, и не ще може да прѣчи на войната измежду Русия и Турция...” (там же, 129).

Так же как и в русском языке, семантическая структура существительного огорчение с течением времени видоизменяется. В связи с утратой отдельных значений глаголов устаревают и соответствующие значения существительного. В болгарском литературном языке XX века слово огорчение продолжает использоваться в значении “событие, происшествие, вызывающее чувство неудовольствия, горечи; неприятность”: «Щомъ се оженятъ, щѣлъ да напусне службата и да отвори бакалница въ село. Ще се нареждатъ, ще си заживѣятъ... Но огорченията не закѣснѣха да се явятъ» (Г. Райчев, Златният ключ, 1942, 174). Столь же широко это существительное употребляется в значении “чувство горечи, душевная боль”: “Голямо и тежко огорчение скѣта той в сѣрцето си” (Л. Дилов, Почивката на Боян Дарев, 1961, 8). Толковые словари объясняют значение слова следующим образом: “Остра душевна болка, причинена от някого или от нещо; мъка, скръб, тъга” (РСБКЕ, II, 333); “Душевна болка, неприятност, скръб” (БТР, 573). Существительное вошло в состав книжного фразеологизма изпивам (изпия) чашата на огорчението – “търпеливо понасям всички страдания до край” (РСБКЕ, II, 333). См. у И. Вазова: “Аз изпих чашата на огорченията до дѣното и

сега жадувам да вкуса от сладкия нектар на отмъщение-то” (РСБКЕ, там же). Сравните формы русского фразеологизма: пить (выпить, испить, допить) <горькую> чашу до дна; пить (выпить, испить, допить) <до дна> горькую чашу чего. В языке последних десятилетий существительное огорчение, так же как и в современном русском литературном языке, очевидно, уже не способно обозначать чувство, которое можно было бы толковать с помощью слов “мъка, скръб, тъга”. Называемое существительным чувство не столь мучительно, сильно и глубоко. Ср.: «”Уж го е напуснала, а все за него говори...” – отсъжда с огорчение Виктор” (Д. Асенов, Тази кръв..., 1976, 105); “...залата бе “взривена” от възмущение и нескривано огорчение, когато на въпрос от залата “Вярно ли е, че правителството си е подало оставката?” Петър Младенов отговори утвърдително” (газ. Поглед, 5. II. 1990, № 6) и под.

По свидетельству авторов монографии “Лексические новообразования в русском языке XVIII в.”, первая лексикографическая фиксация отглагольного существительного исключение дана в “Российском с немецким и французским переводами словаре” Нордстета (1780-1782)⁵⁰. Памятники деловой и научной письменности 60-х годов XVIII столетия дают примеры его использования в сочетаниях за исключением чего-, кого-л., с исключением чего-, кого-л.: “...сборы за исключением издержек при оных столь маловажны, что не стоят и старания” (Десницкий, Материалы для комиссии об Уложении, 1768); “А те вещи, которыми какой человек пользуется один с исключением других называется собственная его вещи” (Я. Козельский, Философические предложения, 1768)⁵¹. В эти же годы существительное начинает фиксироваться в значении “отступление, отклонение от общего порядка, общих правил”: “Когда в каком законе исключения, ограничения и умерения не надобны, то гораздо лучше их не полагать” (Наказ е.и.в. Екатерины Вторья..., 1767)⁵². Сл. 1847 г. отмечает три значения этого слова: “1) Дѣйствіе исключающаго и исключившаго. Исключеніе изъ службы. 2) То, что исключено. Нѣтъ почти правила безъ исключенія. 3) Мат. Освобожденіе уравненій отъ нѣкоторыхъ неизвѣстныхъ величинъ” (II, 135). Последнее значение связано с терминологическим значением глагола исключать – “Мат. Осво-

бождать уравненія отъ нѣкоторыхъ неизвѣстныхъ величинъ” (там же). У Пушкина существительное исключение называет действие по глаголу и отклонение, отступление от нормы, общих правил: “Автор чистосердечно признается, что он выпустил из своего романа целую главу, в коей описано было путешествие Онегина по России. ...П. А. Катенин <...> заметил нам, что сие исключение, может быть и выгодное для читателей, вредит однако ж плану целого сочинения”; “Книгопродавец. Люблю ваш гнев. Таков поэт! Причины ваших огорчений Мне знать не лъзя; но исключений Для милых дам ужели нет?” (Сл. Пушкина, II, 237). С этими основными значениями существительное продолжает употребляться на протяжении всего XIX века и в современном русском литературном языке.

В болгарских литературных памятниках второй половины XIX века слово исключение используется как с глагольным, так и с результативным значением: а) “...третій, основный законъ за мысленіе, кой-то е извѣстенъ подъ имя законъ за исключеніе третето или срѣдне-то...” (Й. Груев, Кратка логика (перевод), 1861, 31); “А ако искать, правителствата на тѣзи държави могат да удържатъ строга неутралность и камъ двѣте страни, безъ исключение обаче на правото да може и сама-та държава да продава храна и други военни припаси, на която ще отъ воюющите страни” (газ. Нова България, 1876, 34); “...за обикновеннитѣ прѣстѣпници амнистія не може и да има. Тѣхното изключение отъ руско-австрийското прѣдложение е оправдано...” (газ. Пряпорец, 1903, № 85, 1); б) “При всичко това законътъ не е общъ, нъ има много исключенія, кои-то произлизать отъ мѣстни причини” (И. Н. Гюзелев, Физика, 1874, 433); “Слѣдъ обѣдъ... слушаше приходящиты за своѣ работж и расправж и приѣмаше сѣкыго безъ изключеніе...” (ж. Читалище, 1875, кн. 4, 156)⁵³.

В современном болгарском литературном языке существительное исключение используется лишь в значении “отклонение, отступление от общих правил”. Глагольное значение слова устарело.

В русском языке с начала XVIII века существительное завоевание употребляется со значением действия по глаголу завоевать “захватить, покорить вооруженной силой”: “Знатнейшая экспедиция к завоеванію города Баку клоня-

щаяся” (Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие, 1763, IV, 318); “Из Мексики выступил, ...отложив конечное завоевание царства вашего” (Сумароков, Разговор в царствии мертвых..., 240)⁵⁴. Со второй половины этого столетия у слова фиксируется результативное значение “завоеванные земли, захваченная территория; то, что завоевано”: “Римляне начинали уже тогда быть знаемы, расширив свои завоевания за Италию” (Переводы из Энциклопедии, I, 35-36); “Узнав победу Волк, да и Медведь, В завоеваньи часть задумали иметь” (Державин, Соч., III, 431)⁵⁵. В XIX веке за словом завоевание закрепляются и переносные значения: действие по глаголу завоевать “приобрести что-л., добиться чего-л., овладеть чем-л. путем борьбы, труда, настойчивости и т.п.” и результативное “достижения, успехи, победы”. См., например, у В. В. Стасова: “[Ге] шел к открытиям и художественным завоеваниям истинно крупным и еще небывалым у него” (БАС, IV, 317).

В болгарских памятниках Возрождения представлены как прямые, так и переносные значения этого слова: “Съ дорійското завоеваніе на Пелопонесъ са свършва героическїтъ периодъ на древня Гръція, и са наченва собствено историческїтъ...” (Н. Михайловски, Ръководство към всеобщата история (перевод), 1873, I, 64); “Подиръ Асѣневата смъртъ въ Търново станѣхъ голѣми смущенія, отъ които са възползува Византія и отцѣпи отъ Асѣнево царство новитѣ му завоеванія, отъ които и направи двѣ особени княжества...” (Р. Каролев, Уроци по българската черковна история, 1873, 36)⁵⁶; “И тъй кротостята на Прѣсіяна е направила по-голѣмо нравствено завоеваніе и е докарала по-голѣми ползы на отечеството отъ колкото широкоитѣ завоеванія на стрыка му Крума” (П. Р. Славейков, Примери исторически, 1868, 55); “Ето обществената система, която си въобразихъ нѣкои си че ще бѣде драгоцѣнно завоеваніе на бѣдѣщето” (ж. Читалище, 1871, кн. 14, 423). В современном болгарском литературном языке существительное завоевание уже не используется в глагольных значениях. Они выражаются сейчас только словом завоюване.

По свидетельству авторов исследования “Лексические новообразования в русском языке XVIII в.”, Словарь Ака-

демии Российской — первый из лексикографических трудов, фиксирующих существительное донесение⁵⁷. Сл. 1847 г. приводит два значения этого слова: “1) Дѣйствиѣ донесшаго. 2) Письменный или словесный докладъ, представляемый начальствующему отъ подчиненнаго лица или мѣста” (I, 351). В конкретном значении существительное фиксируется в источниках с 70 — 80-ых годов XVIII века: “Буде капитан пришедшего военного корабля желает послать рапорт или донесение, то карантинному приставу принять оное в разчеп длинной палки, окурить в карантинном доме” (Полное собрание законов Российской империи, 1786)⁵⁸. С тем же значением в памятниках XVIII века встречаются слова рапорт, реляция, ведомость, известие, доношение и нек. др.⁵⁹ Что касается слова доношение, то еще в XVII веке оно было широко известно в значениях “доклад” и “донос”. См., например: “А Минню Силевестрова за тайное ложное неправдивое доношение для образца иным велѣл наказан[ъ]е учинит[ъ]” 1664 (Сл. XI — XVII вв., IV, 316). К середине XVIII столетия существительное доношение чаще своих синонимов употребляется в значении “доклад, письменное уведомление, сообщение о чем-н. начальству”, но после появления слова донесение не выдерживает конкуренции и, по наблюдениям авторов указанной монографии, в памятниках конца века уже не встречается⁶⁰. Тем не менее Сл. 1847 г. еще фиксирует это существительное, см. также в Общем церковно-славяно-русском словаре 1834 г.: “Доношеніе... 1) Писменное донесеніе или прошеніе о чемъ, подаваемое въ присутственныя мѣста... 2) Извѣщеніе отъ нижнего мѣста въ высшее...” (I, 659). Очевидно, употребление этого слова не выходит за границы первой половины XIX века. См. его использование Пушкиным в Словаре языка Пушкина (I, 687).

Вытесняя из употребления свой синоним, существительное донесение замещает его в двух значениях. Первое — “доклад, официальное сообщение каких-либо сведений начальству, а также документ, содержащий такое сообщение” — актуально и в настоящее время. См. у Пушкина: “В Русском инвалиде”, в нынешнем 1836 году, напечатано несколько донесений от полковника Платова к войсковому атаману Семену Никитичу Сулину” История Пугачева

(Сл. Пушкина, I, 686). Второе значение – “донос” – в современном языке устарело. См. у Тургенева: “[Ратч] помыкал мною, заставлял меня переписывать свои длинные и лживые донесения Семену Матвейчу, поправлять в них орфографические ошибки” Несчастливая (БАС, III, 980).

Оба слова – доношение и донесение – широко используются в болгарском литературном языке второй половины XIX века. Первое существительное зафиксировано в двух значениях – “доклад, сообщение каких-л. сведений” и “донос”: “Ще речете, че това правосъдие [Турско] – въ дълбокото свое човѣколюбие и праводушие – като не можеше изведнажъ да повѣрва изложенията на европейските комисаре, испрати свои собстенни очи на мѣстото, за да види, да ли не сж сгрѣшили те въ доношенията си” (газ. Нова България, 1876, 123); «Юлия <...> – Станете, стига вече. Или искате, чрѣзъ кавалерски учтивости да влѣзете въ покаяние за своеволственнитѣ доношения на жена ви?» (ж. Читалище, 1875, кн. 14, 12-13).

Что касается слова донесение, то мы не располагаем примерами его употребления в значении “тайное уведомление начальства, представителей власти, сообщение, содержащее обвинение кого-л. в незаконных действиях, предосудительном поведении и т.п.”, и хотя в этот период, кроме существительного доношение, это значение выражает слово донос, также заимствованное из русского языка («...кадели тамянь на гнилото и отживялото, а хулели и правели доноси на младите дѣятели» З. Стоянов, Записки по българските въстания, I, 1884, 82), нельзя утверждать, что оно не было свойственно и существительному донесение. См. однако его использование в первом значении: “Въ първия часть подиръ ставанье то му отваряли донесенията отъ разны тѣ мѣста на господарство то. Подиръ туй царь ть... отиваль въ храма” (Н. Михайловски, И. Момчилов, Очерки из исторята и народните сказания (перевод), 1865, 28); “Таквозь [лаконическо] е на пр. знаменитото извѣстие на Юлія Цезара до Римский сенатъ за неговитѣ побѣды въ Галлія... Подобно има много отъ донесенията на Суворова къмъ Русската императорица Екатерина за удържанитѣ отъ него побѣды въ Австрія...” (Т. Шишков, Теория на словесността (перевод), 1873, 45).

Дальнейшая болгарская история этих слов аналогична

русской. Существительное доношение устаревает и замещается в обоих значениях словом донесение, однако в отличие от русского языка, в котором с течением времени слово донос вытесняет из употребления существительное донесение в соответствующем значении, в современном болгарском языке это значение выражается обоими именами. См. использование слова донесение в XX в.: «Във всеки случай в своите донесения в Петербург Лишин влагаше едно постоянство и една страст, които много подействуваха върху Гирса» (С. Радев, Строителите на съвременна България, I, 1973, 256); “ – Старата ли те издаде? – Майка ти? Едва ли... Ако знае за мене, не знае за тях... А донесението е общо, срещу всички ни... – Излиза, че предателят е между вас...” (Д. Асенов, Тази кръв..., 1976, 216). Отметим, что первое значение существительного (“доклад, сообщение каких-л. сведений начальнику, руководителю”) современные толковые словари болгарского языка сопровождают пометами “канц.” или “офиц.” (РСБКЕ, I, 276; БТР, 175; РБЕ, IV, 279). Остается добавить, что в болгарском литературном языке последних десятилетий XIX века было возможно употребление слова донесение в глагольном значении, которое в русском литературном языке к этому времени уже устарело: “...и така онъ да намѣри время да ся сприкаже съ ѣдка за онова що бѣхъ ся съ него противу Атила увѣщали, и за донесение-то на злато-то, кое-то онъ бѣше рекль че трѣба да ся раздаде на оныя кои-то ще му помогнѣтъ” (Г. Кръстевич, История българска, I, 1871, 303).

Существительное упущение распространяется в русском литературном языке с 30-ых годов XVIII столетия, первоначально в значении действия по глаголу: “...в упущении назначеннаго срока” (Примечания к Ведомостям, 1733); “Из того немалая тяжесть и упущение времени происходит” (Материалы Екатерининской законодательной комиссии)⁶¹. Однако в конце века это слово чаще употребляется со значением результативным: “Всякое упущение [в воспитании] причиняет вечной вред, естли не будет примечено и поправлено заблаговременно” (Прибавление к Московским ведомостям, 1783); «В природе нет никакого упущения, никакого внезапного прехождения от одной крайности к другой» (А. Брянцев, Слово о всеобщих и главных законах природы..., 1799)⁶². В литературе XIX столе-

тия существительное упущение выражает как глагольное, так и результативные значения. См. данные словарей: “Упущение... Дѣйствие упустившаго; неисполнение должнаго. *Взыскивать за упущения...*” (Сл. 1847 г., IV, 356); ср. значения глагола: “упускать... 1) Подавать случай уйти или улетѣть... 2) Пропускать... 3)* Не исполнять должнаго...” (там же); “Упусканье, упущанье дл. упущенье ок. упускъ м. об. дѣйств. по гл. Упущенье, недоглядъ, недосмотръ, ошибка отъ лѣни, невниманья, беззаботности, забывчивости” (Сл. Даля, IV, 506). См. также некоторые примеры использования этого существительного: а) “действие по глаголу упустить” – “Нехлюдов был так взволнован, что не заметил упущения оговорки об отсутствии намерения лишить жизни” Л. Толстой, Воскресение (пример из МАС, IV, 509); б) “то, что упущено, не исполнено; ошибка по небрежности, недосмотр” – “Неуважительное отношение к пьесам авторов, создающих родной театр, есть не только нарушение справедливости и приличия, но и упущение по службе” А. Островский, Зап. по поводу проекта “Правил о премиях” (пример из БАС, XVI, 798); в) “то, что пропущено, пропуск чего-л.” – “С удивлением заметили мы непонятное упущение <...>: он [автор некролога] не упомянул о двух отроках, приведенных отцом на поля сражений в кровавом 1812-м году!” Пушкин, О “Некрологии генерала от кавалерии Н. Н. Раевского” (пример из МАС, IV, 509). В настоящее время значение “действие по глаголу” у слова упущение устарело. В современном литературном языке устарело также известное XIX веку значение «разлад, упадок, запущенность»⁶³. См. у Гоголя: “Он увидел тотчас величайшее расстройство и упущение в хозяйственных делах; все это решился он непременно искоренить” Старосветские помещики (пример из БАС, XVI, 798).

Болгарскому литературному языку середины – второй половины XIX века был известен глагол упускам (упустя): “Той глѣда само да не упусти случай-тъ, кой му са представилъ, да си подрѣнка на вѣтръ-тъ, и какво ще излѣзи отъ това, не знай” (Цариградски вестник, 1860, № 478, 1); «...моля ся на онова присуствено място, отъ кое то ще зависва той мой ать завѣтъ, ...да получава отъ душеприказчики тѣ секагодишна та вѣдомость <...> на приходъ ать, и расходъ ать, и да поправа, что сж упустили, или погре-

шили” (Заветът на В. Евстатиев..., 1849, 15). Тем не менее распространившееся в литературном языке второе половины XIX – начала XX века отглагольное существительное имеет несколько иную звуковую форму – опущение. Наиболее вероятной кажется соотнесенность этого слова с двумя русскими именами – упущение и опущение. В XIX веке глаголы опускать (опустить) и упускать (упустить) являлись синонимами в нескольких значениях. См. данные Словаря церковнославянского и русского языка: «Опущать... 2) Выпускать изъ рукъ. *Опустилъ птицу.* <...> 4) Пропускать. *Опустилъ время. Опуститъ излишнее въ сочиненіи*» (Второе издание, 1867, III, 156). Сравните с приведенными выше значениями глагола упускать (упустить). Существительное опущение не только выражало действие по глаголу (“опущение... Дѣйствіе опустившаго и опустившагося” там же, 157), но и использовалось в значении “пропуск чего-л.” (БАС, VIII, 983). См. у Чернышевского: “Со временем, конечно, опущения, теперь сделанные [в издании], будут пополнены” Соч. Н. В. Гоголя (см. там же, 984). Однако этому слову, очевидно, не было свойственно значение “то, что не исполнено, ошибка из-за невнимательности, небрежности, недосмотр”, выражавшееся существительным упущение. В болгарском литературном языке слово опущение в только что названном значении начинает свое распространение, скорее всего, с памятников официально-делового стиля: “За опущения при изпълненіето на рѣшеніята, сѣдовный членъ, освѣтъ гдѣто подпада подъ възисканіята които сѣ изобщо опредѣлены въ законътъ за опущенията по службата, но ся еще подвърга, ...да бждатъ възисканы отъ него капиталтъ, лихвытъ и другитѣ разноски...” (Временни правила за устройството на судебната част в България, 1878, 55).

В конце XIX – начале XX века слово активно используется в значениях “удаление, изъятие, пропуск чего-л.”, а также “пропуск в каком-л. тексте, сокращение, купюра”: “Много съм стеснен от това, което ми пишете за размера на III том. За първите два тома аз направих големи опущения на стихотворения, които заслужава да влязат в тях; сега ми предлежи, според Вашето изрично желание, да изпускам още стихотворения из III том...” (И. Вазов, Непубликувани писма, 22); “Това, което тя [критиката] е счела за

погрѣшки, състои въ съкращения и опущения обмислено направени по единъ общъ и отрано опрѣдѣленъ планъ...” (К. Величков, Пълно събр. на съч., VIII, 1914, 114); “Критиката бѣше... вѣрна въ онова, що се стремѣше да докаже. Пърличевъ не се е придържалъ вѣрно о текста, ...и си е позволилъ голѣми опущения” (там же, 108). Къ средине XX столетия эти два значения, очевидно, устареваетъ. По даннымъ современныхъ толковыхъ словарей, существительное опущение однозначно: “Опущение... Неволно пропускане на нещо...” (РСБКЕ, II, 371); “Опущение... [от рус.] Пропускане по недоглеждане; грешка. *Работиш ли разсеяно, опущенията са неизбежни...*» (БТР, 591). См. также: “Присѣствието на Борис сковаваше всички. Това проклето хлапе забеляваше безпогрешно най-малките опущения...” (Д. Димов, Тютюн, 1951, 35); “... – набива се в очи фактъг, че цехъг има капацитет 32 000 тона, а трябва да бѣде 15 000 тона... Сега опущението се поправя и в никакъв случай не трябва да се прави въпрос за неоправдани разходи” (газ. Стършел, 5. VII. 1968, № 1169, 3); “– Единият е дошъл в дружината си с половин ден закъснение, а другите са се явили със занемарено въоръжение, с нередности в сбруята на конете и прочие опущения от тоя род” (А. Гуляшки, Златниятъ век, 1973, 89). В языкѣ последнихъ десятилетий слово опущение приобрѣло стилистическую окраску книжности. В нейтральной речи с подобными значениями используются синонимы грешка, погрешка, заимствованное из русскаго языка существительное пропуск и нек. др.

Существительное заведение фиксируется в русскихъ литературныхъ источникахъ с 30-ыхъ годов XVIII века⁶⁴. В этотъ периодъ оно используется со значениемъ глагольного действия: “И радуемся, что мы случаи имеемъ известно учинить, коимъ образомъ Россія... в заведении всякихъ изрядныхъ искусствъ и наукъ шастливою была” (Примечания къ Ведомостямъ, 1731, 4). В последней четверти XVIII столетия развиваются и закрепляются новые, резулътативные значения этого слова: “Да и какая, государь наш, польза в такихъ заведенияхъ, которыя не наградятъ трудовъ крестьянина” (Экономический магазин, I, 357); “Вотъ пчельникъ и десять ульевъ полныхъ сотовъ, все суть ихъ [царя и царицы] заведения” (Россійский магазин, I, 56)⁶⁵. В это же время существительное

заведение активно используется для наименования общественных учреждений, чаще учебных: “Тысячи общественных учебных заведений... воспламеняли в них огонь рачения” (Слово о начале и успехах наук., 1791, 17); “[На Каменном острове] находится его высочества дворец и благодетельное премудрое заведение Инвалидной дом” (Российский магазин, I, 26)⁶⁶. См. толкование результативного значения этого существительного в Словаре Даля: “Заведенье также самый предмет, что заведено, устроено; заводъ, учрежденье” (I, 561). Ср. в Сл. 1847 г.: «Училище или другое какое мѣсто, заведенное для чего либо. Учебное, хозяйственное заведение» (II, 6).

На протяжении всего XIX века, помимо действия по отдельным значениям глагола завести (заводить), слово заведение выражает и ряд предметных значений, реализующихся чаще всего в сочетаниях существительного с прилагательным. Из этих предметных значений современный русский литературный язык сохраняет лишь значение «учреждение, предназначенное для воспитания, обучения и т.п.» (МАС, I, 499). См. *среднее, высшее учебное заведение*; см. также: “ – Я за то, чтобы детей растить. Но в специально предназначенных для этого заведениях – яслях, очагах и тому подобное” Катерли, Бронзовая прялка (пример из МАС, см. там же). Другие субстантивные значения в настоящее время устарели: «*Устар.* Учреждение (преимущественно предназначенное для помощи, содействия кому-, чему-л.). *Исправительные заведения. Лечебные заведения...*»; «*Устар.* Торговое или промышленное предприятие (мастерская, магазин, трактир и т.п.). *Кожевенное заведение. Прачечное заведение. Питейное заведение* (трактир). *Увеселительное заведение* (сад с эстрадой и рестораном, кабаре и т.п.)...” (МАС, там же); «*Устар.* Отдельная часть, отрасль большого хозяйства. ... – Видел я все заведения твоего отца, – начал опять Базаров. – Скот плохой, и лошади разбитые. Строения тоже подгуляли. Тург. Отцы и дети” (БАС, IV, 279). Устарело в современном общенародном языке и известное XIX веку просторечное значение слова заведение. См. у Даля: “установленье, обычай. <...> У насъ такое заведенье, бабы не косятъ” (I, 561).

В болгарском литературном языке существительное заведение широко используется уже со второй четверти

XIX века. Оно имеет широкое значение “предприятие, учреждение, организация, хозяйство”, которое конкретизируется в сочетаниях с согласованными или несогласованными определениями, а также в широком контексте: “Има много хубавы садены, учены и челоуѣколюбивы заведенія” (И. Богоров, Всеобща география за децата (перевод с русского), 1843, 134); “Да додим сега за онѣзи новата черква, и за дѣвический метох... Днес тѣзи заведенія не сж друго освѣн свѣрталище на постѣдѣйковци...” (газ. Гайда, 1863, № 10, 76); “...въ онова врѣме всякъ гърцкый градъ ся въздигнѣхъ учебны заведенія...” (Д. зора, 1868, № 3, 10); “Говори ся че порта ще взѣмни отъ австрийскаго кредитнаго заведенія 80 милиона фюр...” (Българска дневница, 1857, № 4, 14); “Има сградены кѣщи за нѣкои хѣдожници, както стѣкларны тѣ заведенія, ковачници тѣ...” (Т. Шишков, Първа храна (перевод), 1860, 52); “...нѣкои капиталисты, които държѣтъ голѣмы чифлицы и други землѣделческы завѣденія...” (Читалище, 1872, кн. 16, 723); “...читалищата бържѣ са обрѣнахъ на театра и на заведенія за развлеченіе” (там же, кн. 17, 768). В отличие от современного русского литературного языка современный болгарский литературный язык сохраняет большинство этих частных значений. См.: здравни, лечебни заведенія; търговски заведенія, увеселителни заведенія, учебни заведенія и т.п. Уже в XX столетии происходит выделение и обособление значения “търговско предприятие за общественое хранене” (РБЕ, V, 179), которое реализуется и при абсолютном употреблении слова: “Хората си отиваха и заведението бе почнало да се изпразва” (Д. Димов, Тютюн, 1952, 113); “Посетителите седят наредени в кръг край стените на заведението – около малки масички” (С. Минков, Другата Америка, 1946, 25).

В XVIII веке в русском литературном языке получает распространение слово опустошение. См. у А. Болотова: “Село сие в самом деле было уже нашими разорено наужаснейшим образом. ...Во всей армии говорили тогда, яко бы причину к таковому опустошению подали сами прусские жители...” (Жизнь и приключения Андрея Болотова...). Сл. 1847 г. отмечает лишь глагольное значение этого слова: “Опустошеніе... Дѣйствіе опустошающаго” (III, 75). Однако уже во второй половине XVIII – начале XIX века

синтагматические связи существительного создают условия для развития у него результативного, неглагольного значения: “Сей торговый город, построенный в самой глубокой древности выходцами Гераклеяскими, сохранял еще в X веке бытие и славу свою, не смотря на великие опустошения, сделанные дикими народами в окрестностях Черного моря, со времен Геродотовых Скифов до Козаров и Печенегов” (Карамзин, История государства Российского, I, гл. IX). Неглагольное значение этого слова фиксируется Словарем Даля: «Опустошенье, дѣйствие по гл. // Опустошенное мѣсто. *Вокругъ одно опустошенье*» (II, 688). Ср. также толкование БАС: “Опустошение... Действие по знач. глаг. опустошить, опустошать... // Следы, результат этого действия” (VIII, 979). Там же см. примеры: “Пульхерия Ивановна не могла не заметить страшного опустошения в лесу” (Гоголь, Старосветские помещики); “Только враждебные чары пустыни произвели уже более глубокие опустошения в буйной и требующей сильных движений душе” (Короленко, Марусина заимка)⁶⁷. Употребления, подобные последнему, способствуют формированию у слова значения, синонимичного значению существительного опустошенность – “состояние человека, лишенного духовных, нравственных сил; духовная, нравственная пустота”: « – Эта жизнь ведет к полному опустошению, к нравственной смерти». Каверин, Косой дождь (пример из МАС, II, 633).

Болгарские литературные памятники второй половины XIX века дают многочисленные примеры использования слова опустошение. Широко распространено оно в глагольном значении: “Тозь князь три пѣти му остава невѣренъ, а покорява му са само когато виждаше нападанъето и опустошеніето на областитѣ си” (С. Бобчев, Съкратена османска история, 1871, 49); “Ако турските войски не водеха съ себе хайдутските чети отъ черкези и башибозуци да имъ доставятъ храна и други потребности чрезъ опустошения на селата и градовете, то тези войски трѣбваше да умратъ отъ гладъ...” (газ. Нова България, 1876, 38). В определенных синтаксических условиях это существительное могло выражать более общее значение “военное нападение, набег”: “Послѣ това страшно опустошеніе чувахъ ся выкове-те на ранены-те, но никой на помощъ не имъ

отиваше...” (Цариградски вестник, 14. II. 1856, № 285, 57); «...освѣнь избиты-тѣ войскы, то [списанието] обема еднѣ часть отъ граждане-тѣ, кои-то умрѣли отъ военны-тѣ опустошенія...» (Изводи от в. Зорница за 1877 г., 258). Более редкими являются случаи употребления слова с резултативными значениями: «Удоволствието което зависи отъ върховното побужденіе подкопава силата на чловѣчеството, и не оставя нищо за старья вѣкъ освѣнь незадоволеніе и опустошеніе» (П. Димитров. Какво влияние се извлича отъ изучаването на природата (перевод), ж. Читалище, 1870, кн. 3, 89); “И всякой единъ, кой-то непрестанно и безстыдно тича къмъ тѣхъ [греха и развратността], толкось ожесточява сърдце-то си, что-то не внимава вече на издигваніе-то на тѣхно-то беззаконіе, докжтъ едно опустошеніе и настрѣхваніе го събуди отъ тѣхнѣ-тѣ литаргій» (А. Кръстевич, Водачѣт по пътя на живота (перевод), 1870, 67). См. также использование существительного опустошение с резултативным значением, которое позднее Словарь современного болгарского литературного языка истолкует как “развалины, съсипни” (РСБКЕ, II, 371): “Дъщеря ми, която бѣ излѣзла съ мене, да погледа на туй опустошение, обърна вниманието ми върху единъ жгълъ на каменна постройка, който се бѣше показаль задъ една отъ съсипанитѣ стѣни” (Е. Белами, След сто години (перевод), 1892, 19). В настоящее время, несмотря на сильную конкуренцию со стороны народной формы на -не, слово опустошение все еще используется с процессуальным значением: “Подражанието е опустошение на всичко, което съществува” (А. Гетман и др., Словото на Бешков, 1973, 141). Гораздо чаще, однако, оно употребляется в резултативном значении “следи прошедшего действия, опустошенное место”, т.е. в том значении, которое в современном русском литературном языке устарело: “През последните месеци синѣт Боби бе успял да продаде чипровския килим, ...пердето, ...и всички крушки от полилея... Семейството седеше сред цялото това опустошение и мълчеше” (П. Незнакомов, Хуморист. разкази, 1950, 7); “И вечерта, ...когато звездите затрептяха с милионите си неспокойни усмивки и от полето нахлу тъжното уханье на разорана земя и опустошение, есенната нощ отново взе своя неприкосновен дял от времето” (И. Петров, Мъртво вълнение,

1961, 86); “Бе открил опустошението в библиотеката, с която се гордееше...” (Е. Станев, Иван Кондарев, III, 1962, 109). Отметим также современное использование слова в значении “духовная, нравственная пустота”: «С необыкновенна безпощадност великият писател разкрива леността, развратеността и пълното духовно опустошение на господарите в “Плодовете на просвещението”...» (Н. Лилиев, Толстой и драмата, Съч., III, 1964, 203). Параллельно с тем же значением употребляется также заимствованное из русского языка существительное опустошеност: “...за съдбата на литературния <...> маниак, за неговата вътрешна опустошеност...” (газ. Литературен фронт, 1958, № 9, 2).

В русских источниках XVIII века зафиксированы два основных значения слова брожение. Вместе с существительным бродня, которое Сл. XVIII в. сопровождает пометой “просторечное”, оно использовалось для обозначения действия по глаголу бродить “ходить без определенной цели, не спеша, в разных направлениях или в разное время”: “В лѣности и брожении время терять. ЛВ I 233. Бродня мнѣ наскучила. САР I, I 330” (Сл. XVIII в., II, 142). Второе значение существительного брожение было связано с глаголом бродить в значении “закисать”. См. в Сл. XVIII в.: “Брожение (-ѣе), (един.) Брождение, я, ср. и Брод, а, м. *Хим.* Ферментациею или тихим брожением от соли и земли очищенная вода к варению чая бывает очюнь вкусна. Прим. Вед. 1735 78...” (II, 143). См. описание этого значения в Сл. 1847 г.: “Въ Химіи: внутреннее движеніе, происходящее въ органическихъ тѣлахъ и въ жидкостяхъ, содержащихъ въ себѣ органическія части, помощію заквасы. Винное, спиртовое броженіе” (I, 83).

В первой половине XIX века происходит формирование третьего, метафорического значения существительного. Этому способствует расширение сферы употребления слова, появление у него новых синтагматических связей. Ю. С. Сорокин отмечает, что уже для 30-ых годов XIX столетия обычны словосочетания типа брожение ума. “Трудно сказать, – продолжает далее исследователь, – находятся ли они генетически в связи с химическим, терминологическим значением. Во всяком случае, в прозе XIX в. нередко имеют место такие контексты, где ассоциации с химическими представлениями очевидны и даже акценти-

рованы. Ср., напр.: «Брось это понятие в новую, чистую душу..., оно тотчас жадно соединится с нею, как желчь с кислотой; оно приведет ее в брожение; оно проникнет в сердце, разоидется с кровию, пережжет кровь, чувства и воображения и сзернуется в твердый кристалл, светлый, алмазный, мерцающий волшебными огнями вожделения, надежды и счастья» (О. Сенковский. Вся женская жизнь в нескольких часах; Библия для чт., 1834, I, с. 64)...»⁶⁸. См. у Пушкина: «По журналам вижу необыкновенное брожение мыслей; это предвещает перемену Министерства на Парнассе» Письмо Л. С. Пушкину, февр. 1825 (БАС, I, 636). В конце века Академическим словарем 1891 г. фиксируется значение «волнение умов, смятение в обществе или в народе».

Современный язык сохраняет два значения этого слова: а) «процесс распада органических веществ, происходящий под влиянием микроорганизмов»; б) «волнение, возбуждение» (МАС, I, 116). Именно в этих двух значениях используется существительное брожение в болгарском литературном языке второй половины XIX века: а) «Това свойство принадлежи на нейното [на ракията] най-главно вѣщество, т.е. на ракиенниятъ спиртъ [на алкохолътъ], който произхожда отъ брожението... на преобразившиятъ са сахаръ» (газ. Знание, I, 1875, № 15, 232); «[глината] като задържа гниението, въ това сѣщо време задържа и онова брожение или разложение на сѣставните части на почвата, което е нужно за успѣшното хранение на растенията...» (газ. Ступан, 1. II. 1875, № 3, 21); б) «Гонението произвело обикновенното си дѣйствиe. Брожението въ умоветѣ се е усилвало и числото на фанатицитѣ, готови да търпятъ мѣчение и смъртъ за «новото учение» захванало силно да се увеличава» (Д. Писарев, Промяна в умственния живот на средновековна Европа (перевод), 1889, 39); «Извѣстието, че Цоло кнезътъ, Вълчо и други сѣ арестовани, а послѣ и послѣчени е произвело минутно опадание на духоветѣ, но скоро мѣстото на послѣчени сѣ застѣпили сѣщо такива енергически лица, и брожението на духоветѣ прѣстанѣло» (Д. Маринов, Сборник за народни умотворения, наука и книжнина, II, 1890, 100). Значение «процесс распада органических веществ» устаревает в болгарском литературном языке к 50-ым годам XX столе-

тия. В 30-ых годах оно еще живо: "...Сжщата захарь ще служи и като изходенъ материяль за правене на спиртъ и други продукти отъ брожение" (ж. Природа и наука, 1932, кн. 4, 64). Ср. более позднее употребление слова в этом значении: "...ятрохимиците изказват смелата мисъл, че "жизнените сокове" при човека съдържат "ферменти", които благоприятствуват извършването на ония явления, без които няма живот. Долавяли така също, че има известно сходство между «брожението» (алкохолната ферментация), от една страна, и някои процеси в животинския и човешкия организъм, от друга" (Б. Койчев, Биохимия, 1964, 25). Показателно, что значение "ферментировать", с которым глагол бродя, очевидно, широко употреблялся в XIX веке (см. Сл. Герова, I, 72), в академическом Словаре болгарского языка сопровождается пометой "диалектное" (см. РБЕ, I, 797). Современное значение существительного брожение словари толкуют следующим образом: "Кипеж всред обществото; буйно недоволство, вълнение" (БТР, 69); "Книж. Обществена проява на недоволство; вълнение" (РБЕ, I, 798). Сочетательные возможности болгарского слова шире, чем у русского имени в том же значении: "Глухото селце оживява и се превръща в едно от безбройните огнища на класовата борба, без брожението на които няма съвременна България" (Г. Бакалов, Избр. произв., 1953, 448); "Шилер чрез Будевска и В. Кирков блясва с ярка светлина на родната сцена. Оттук започва осезателно брожението у първите сили на колектива срещу казионното попечителство на случайни хора върху художественото им дело..." (С. Грудев, Адриана Будевска, 1967, 59). Остается отметить, что семантическая структура болгарского существительного шире той, что очерчена толкованием современных словарей. Помимо элемента "общественное недовольство, волнение масс", она включает и более общие смыслы "возбуждение, волнение, движение": «Сега Ангелика знае... за детето ми, за Ружа. Хазайката не е пропуснала да ѝ каже, преди още да е купила обувките. Това беше като светла искра сред мрачното брожение на всички други негови мисли тая нощ, в огромната скръб, която го потискаше..." (Д. Талев, Гласовете ви чувам, 1966, 159); "Тези букви на битието [атомите], на вселената, не са ли надарени със собствена енергия? Иначе откъде би се взело това непрекъ-

снато брожение?” (С. Боянов, Светлини от кладата, 1970, 240).

К числу новообразований русского языка XVIII века принадлежит отглагольное существительное изъяснение. См., например, у Карамзина: “Но великая причина всего пребывает, и должна пребывать, для нее [души человеческой] тайною; самая любовь и все удовольствия не терпят изъяснений” (из отдела “Смесь” газ. “Московские ведомости”, 1795). Сл. 1847 г. приводит следующие значения этого слова: “1) Дѣйствиѣ изъясняющаго и изъяснившаго. 2) Открытіе чувствъ своихъ. *Изъяснение въ любви*. 3)* Оправданіе, извиненіе. *Отъ взаимныхъ изъясненій часто прекращаются споры*” (II, 129). См. также толкование значения глагола: “изъяснять... Дѣлать яснымъ, вразумительнымъ; толковать” (там же). Ср. у Дала: “Изъяснять, изъяснить что, кому, разъяснять, объ(у)яснять, пояснять; изъяслять, сообщать ясно, передавать вразумительно словами, письмомъ или знаками; излагать понятно, толковать, толмачить... // изъяснять свои мысли или чувства; говорить... Изъясненье ср. окнч. дѣйст. по знач. гл.; то что изложено на письмѣ или обстоятельно сказано устно, объясненье, изложенье. *Изъясненье въ любви*, обнаруженье, признанье” (II, 39). Пушкин использует это слово как в глагольных, так и в результативных значениях: а) действие по глаголу изъяснить (изъяснять) в значениях “высказать, выразить что-л.”; “объяснить, разъяснить что-л.” – “...даже в простой переписке мы принуждены создавать обороты слов для изъяснения понятий самых обыкновенных”; «...будучи доволен изъяснением причин, по которым заключили они мир, я хотел бы знать и условия онога»; б) “слова, выражения, высказывания, излагающие, поясняющие, разъясняющие что-л.” – “Антон Пафнугич стал вертеться около молодого французца, покрывкая и откашливаясь, и наконец обратился к нему с изъяснением”; “Предложение князя Лобанова льстит моему самолюбию, но требует с моей стороны некоторых изъяснений”; в) “выяснение отношений, признание, объяснение и т.п.” – “Заговоры, изъяснения любовные, государственные совещания, праздненства – все происходит в одной комнате!” (примеры из Сл. Пушкина, II, 213). В современном русском литературном языке вместе с устаре-

ванием глаголов изъяснить и изъясниться устарело и существительное изъяснение.

В литературе болгарского Возрождения отглагольное имя изяснение, так же как и в русском языке, многозначно. Оно способно обозначать действие по глаголу: “За изяснение на движеніето на небеснитѣ свѣтила има двѣ системи: Птоломеова и Коперникова” (И. Богоров, Всеобща география за децата (перевод), 1843, 360-361). См. толкование значения глагола в Сл. Герова: “Изяснявамъ (да изяснѣ), гл. д. Правѣ да стане ясно, да ся разбира, да ся види, че е така, разяснявамъ, тлъкувамъ; изъяснять, объяснять” (II, 324). В этот период слово изяснение выражает также неглагольные значения: “то, что указывает на причину чего-л., истолковывает, объясняет что-л.”; “то, что поясняет что-л., делает что-л. более понятным, ясным; пояснение, примечание к тексту” – “...ученитѣ ся захванахъ да намѣрятъ естественното изяснение на това явление [фосфорирането на морето]” (ж. Читалище, кн. 3, 1870, 94); «Небо-то по изяснение-то на Симеона Солунскы означава благодать-та и слава-та Божія» (З. Петров, Й. Наумов, Черковно богословие (перевод), 1872, 17); “Нъ г. Тонджоровъ или не е знаяль или не е щѣль да знае всичкы тѣзи алгебрическы термини, които той трактува безъ всекой смысль, въ начало-то на Алгебрж-тж въ свои-тѣ “изясненія и забѣлѣжаванія”, сж толкова важны въ учебникъ-тъ колкото е необходима за ученикъ-тъ азбука-та за да може да чете” (Г. Килков, Критика, ж. Читалище, 1874, № 2, 52); “Изяснение: За да ся изяснятъ прѣхвати-ти на сложение-то трѣбува да ся спомни това, что ся каза въ (§ 27, 28...)...” (Й. Груев, Кратка логика (перевод), 1861, 38). Современный толковый словарь не сопровождает значения существительного изяснение пометами: “изяснение ср. 1. Действие по глаг. изяснявам. *Въпросът върви към пълно изяснение*. 2. Думи, казани за изясняване. *Тези изяснения са достатъчни*” (БТР, 313). См. также: «Мисля, тук е необходимо малко историческо изяснение, за да се определи епохалността и на моята лудория» (Т. Генев, Дневник с обратна дата, 1968, 13). В последние десятилетия, однако, семантический объем слова сузился. Присущие ему в XIX веке неглагольные значения выражаются в настоящее время его синонимами обяснение, разяснение, пояснение и нек. др.

Определенная часть образованных в русском языке XVIII века существительных на *-ние* находит распространение в болгарских памятниках Возрождения, но в XX веке выходит из употребления. См. в одном из переводов Й. Груева: “Това дѣйствиѣ като най-высокъ стѣпнь отъ вниманіе придруженъ съ углѣбненіе въ прѣдмѣта.., наричатъ вникваніе...” (Кратка логика, 1861, 18). Сравните одно из значений, с которыми существительное уплубненіе использовалось в русском литературном языке XIX века, – «*Впереніе мыслей во что либо» (Словарь церковнослав. и русского языка.., Второе издание, 1867, IV, 674). См. также употребление заимствованного из русского языка глагола: «Истинныйтъ задаткъ на романа, или по-право на писателя на романа е да ся углѣби въ народный животъ, да изнесе отъ него мысли, които движатъ тозь животъ...» (Медникаров, Що е роман, ж. Читалище, кн. 3, 1870, 82). Многие из подобных существительных вышли из употребления и в современном русском литературном языке. Такова, например, история слов дозволеніе и ходатайствованіе, использующихся в произведениях русской литературы XVIII – XIX веков со значениями соответственно “позволение, разрешение” и “действие по знач. глагола ходатайствовать”. См. в болгарских сочинениях середины – второй половины XIX столетия: “Воп. Кой царь имъ даде това дозволеніе?” (Кратка Свещенна история Ветхаго и Новаго Завета, 1843, 20)⁶⁹; “...отъ прѣписката се види, че е било нужно дълговрѣменно ходатайствование и настояваніе отъ страна на Генералъ Майоръ Хорватъ, до като да бѣдѣтъ приети и заселени тия прѣселенци на русска територия” (Периодическо списание.., 1891, 184). См. также употребление в произведениях Возрождения существительных умствованіе (“размышление, рассуждение”) и чувствованіе (“чувство”), которые в данных значениях устарели и в современном русском языке: «Пжрвата [система] е основана на свидѣтелство на чюствата ни, а втората на умствованіе и на опитъ» (И. Богоров, Всеобща география за деца (перевод), 1843, 361); “Всяко чувствително сърдце обзема въ величественны чувствованія като погледне блѣдній мѣсець” (ж. Читалище, 1872, кн. 18, 838).

Таким образом, в болгарском литературном языке XIX века рассмотренные заимствованные существительные на *-ние* в большинстве случаев используются со всеми основными значениями, известными русскому литературному языку этого периода. Дальнейшая семантическая история заимствованного имени может быть подобна истории его аналога в русском языке, чему в известной степени способствует продолжающееся русское языковое влияние, но может быть и специфична, что обусловлено особенностями болгарской лексической системы, характером устанавливаемых парадигматических и синтагматических связей заимствованного слова. В русском и болгарском языках у сопоставляемых существительных могут устаревать одни и те же значения или проявляться одинаковые тенденции к сужению семантики слова (значение, огорчение). В болгарском языке заимствованные имена, не выдерживая конкуренции с однокоренными существительными на *-не*, могут выходить из употребления в своих глагольных значениях (исключение, завоевание), однако значения действия по глаголу часто устаревают у слов в обоих языках (донесение, рус. упущение, болг. опущение). Глагольное значение имени вообще может не заимствоваться болгарским языком (заведение). В русском языке существительное может утрачивать меньше или больше значений по сравнению с его аналогом в болгарском языке (соответственно упущение и донесение, заведение, опустошение). Часть русских новообразований XVIII века на *-ние* в XX веке устаревает в обоих языках (напр. дозволение, ходатайствование) или только в русском (напр. изъяснение) и только в болгарском языке (напр. углубление).

Глава II

Семантика современных русских и болгарских параллелей на *-ние*

Огромное количество современных русских отглагольных существительных на *-ние* не имеет одинаковых по форме параллелей в современном болгарском литературном языке. Прежде всего это касается обширной группы имен со значением действия, образующихся от глаголов различных классов, и в первую очередь от глаголов с суффиксом *-ива-* (*-ва-*). Не имеют болгарских параллелей на *-ние* и многие русские существительные, использующиеся также с неглагольными значениями (см., например, крепление, мышление, нагромождение, отвлеченное, углубление, удобрение и др.). Среди современных болгарских имен на *-ние* тоже есть небольшая группа слов, неизвестных современному русскому литературному языку. См.: вцепенение, двоумение, зadължение, закъснение, изражение, намаление, настървание, насърчение, обезщечение, поделение, подобрение, помирение, посаждение, притежание, провинение, раздразнение, разклонение, сдружение, споразумение, тежнение, трептение, удължение, улеснение, усамотение, ухание, учленение. В этой группе преобладают существительные с конкретными значениями (обезщечение, поделение, разклонение, удължение и др.). Часть имен используется с отвлеченными значениями (провинение, тежнение и нек. др.), со значением состояния (вцепенение, раздразнение и др.). Единичные существительные называют действие по глаголу (напр. намаление). В числе приведенных слов есть имена, использующиеся в совре-

менном языке только в качестве терминов. См.: поделение «воен. Войскова част от полк (или самостоятелен батальон) нагоре» (БТР, 672); учленение «ез. Изговор на звукове от човешката реч; артикулация» (там же, 1055); трептение “Физ. Периодично късо и бързо движение. Електромагнитни трептения” (РСБКЕ, III, 427). Некоторые из перечисленных выше существительных отмечаются уже в памятниках древнеболгарского языка. См.: закъснѣнїе, притажанїе, съдрожнїе (Slovník jazyka staroslověnského, Praha, вып. 12, 1966, 646; вып. 29, 1975, 320; вып. 39, 1986, 256). Идентичные по форме и значению параллели отдельных болгарских имен использовались и в русском литературном языке. Так, Сл. XI – XVII вв. фиксирует значение “промедление, мешканье” у существительного закоснение (вып. 5, 223). Ср. также в словаре “Староболгаризмы и церковнославянизмы в лексике русского литературного языка” П. Филковой: “Закосневание, закоснение. Совр. нет. Задержка, промедление” (I, 416). Сл. Филковой отмечает также использование в русском литературном языке слов притяжание, удолжение, ухание (см. II, 1034; III, 1339, 1368). В XIX веке, в период наиболее интенсивного заимствования болгарским языком имен на *-ние*, эти существительные в русском литературном языке или уже не употреблялись, или выходили из употребления, или были известны в других значениях. Существительное притяжание фиксирует Сл. 1847 г.: “1) Дѣйствїе притяжавшаго. 2) Стяжанїе, прїобрѣтенїе; имущество” (III, 503). В БАС это имя уже отсутствует, а Сл. Даля сопровождает его пометой “црк.” (см. III, 455). Слово ухание, приводимое Сл. 1847 г. с пометой “Церк.” (IV, 376), уже не имеет в этот период значения “благоухание”, зафиксированного Сл. Срезневского (III, 1328) и Сл. Филковой (III, 1368). Несмотря на то, что Сл. 1847 г. еще отмечает у глагола закосневать (закоснеть) значение “замедливать, долго оставаться, замѣшкиваться” (II, 28), существительное закоснение называет в это время, очевидно, только действие и состояние по переносному значению глагола (см., напр., Сл. Даля, I, 590). Слово удолженье в значении действия по глаголу фиксируется Сл. Даля (IV, 474), но, скорее всего, не отличается широкой употребительностью. Нельзя утверждать, что все подобные имена попали в болгарские литературные сочинения в более ранние периоды из церковносла-

вянского языка. Такие существительные, как закъснение, вероятно, употреблялись в традиционном литературном языке непрерывно со времен древнеболгарской письменности и пришли в новоболгарский язык через памятники среднеболгарского периода и дамаскины. Однако использование существительного в церковнославянском фонетическом оформлении говорит о роли церковнославянского языка в его распространении. См.: “Този фактъ на челоувѣческѣтѣ природѣ може да служи, между другытѣ, да докаже колко правото на притяжаніето е законно...” (ж. Читалище, 1871, кн. 20, 616).

В составе группы современных болгарских имен на *-ние*, не имеющих в современном русском литературном языке тождественных по форме параллелей, есть существительные, заимствованные из русского языка, но претерпевшие процесс болгаризации. Сравните семантику русского слова выражение со значениями болгарского имени изражение, зафиксированными в Словаре болгарского языка (см. РБЕ, VI, 602). См. также приводимые болгарскими исследователями данные об использовании И. Вазовым существительного виражение и замене писателем в более поздних изданиях своих сочинений этого слова калькой изражение⁷⁰. Сюда же, вероятно, следует отнести и болгарское имя раздразнение. Ср. его значения, приводимые БТР (843), с семантикой русского существительного раздражение⁷¹.

В XIX веке, в период словообразовательной активности суффикса *-ние*, в болгарских литературных произведениях использовалось немало существительных с этим суффиксом, образованных от основ совершенновидовых народных глаголов: изцерение, обезсръдчение, отдалечение, разширочение, утъкмение⁷² и под. См. употребление таких слов во второй половине века: “Азь изучихъ всичко, философия, право и медицина; ...кѣдѣ ма заведе този дълѣкъ преговоръ? на сумнѣнието и на обезсърдчението” (ж. Читалище, 1875, кн. 12, 567); “...причината на отдалѣчението ни отъ предметъ е, да покажемъ цивилизацията на Македонците Славяне...” (там же, 1871, кн. 7, 216); “Идеята за таквъз разширочение на правителственитѣ функции ми се вижда до нѣйдѣ съсипателна” (Е. Белами, След сто години, (перевод), 1892, 36); «...за утъкмение-то на Унно-Римски-ты распри...» (Г. Кръстевич, История българска, I, 1871,

318). Как видно из примеров, подобные существительные использовались со значением действия или состояния по глаголу. Впоследствии такие образования выходили из употребления, не выдерживая конкуренции с именами на *-не*. В XX веке прекращается практика замены в народных существительных суффикса *-не* книжным суффиксом *-ние*⁷³. В современном языке сохраняются лишь единичные образования такого типа. См., например, развившее новое значение слово трепение. Следует отметить, что в болгарском литературном языке наших дней могут устаревать и имена, образованные от основ глаголов совершенного вида и имеющие предметные значения. См. выход из употребления существительного надебеление, зафиксированного Болгарским толковым словарем со значением “по-дебела, надебелена част на нещо” (БТР, 489). Вот один из примеров его использования в середине XX столетия: “Лемежите са трапецовидни с надебеление в задната част, служещо за изклепване при изхабяване” (М. Дуковски и др., Селскостопански машини, 1957, 67). С тем же значением в настоящее время употребляется существительное удебеляване. (О развитии предметных значений у имен на *-не* см. ниже).

В настоящей главе сопоставляются значения современных русских и болгарских отглагольных имен на *-ние*, форма которых в обоих языках одинакова.

Несомненно, особый интерес должно представлять исследование семантики тех болгарских существительных на *-ние*, русские соответствия которых могут обозначать действия или состояния по значениям мотивирующих глаголов. Закономерно уже чисто теоретическое заключение о том, что существование в болгарском литературном языке особой категории имен с суффиксом *-не*, специально предназначенных для выражения отвлеченного действия и регулярно образующихся от несовершенновидовых глагольных основ, сделало бы невозможным длительное сохранение большой группой слов на *-ние* процессуальных значений, дублирующих значения существительных с суффиксом *-не*. Попробуем сопоставить семантическую структуру русских имен на *-ние*, использующихся лишь со значением действия или действия и состояния⁷⁴, с семантикой их современных болгарских параллелей. Основную часть

таких параллелей находим при русских существительных, образованных от совершенновидовых глагольных основ на *-и-*, соотносительных с основами глаголов несовершенного вида на *-а-*. В русском литературном языке XIX века, в период интенсивных заимствований болгарским языком русской лексики, эта группа слов характеризовалась высокой продуктивностью⁷⁵. Интересно, что входящие в нее имена соотносятся, за редким исключением, как с невозвратными, так и со соответствующими им возвратными глаголами, если такие имеются: нарушение – нарушить, нарушать; нарушиться, нарушаться; избавление – избавить, избавлять; избавиться, избавляться; отрезвление – отрезвить, отрезвлять; отрезвиться, отрезвляться и под. Поэтому имена этой группы способны объединять в своей семантической структуре значения действия и состояния. Важно также, что они не проявляют зависимости от видового значения глагольной основы. «Имена действия, образованные от основ глаголов сов. вида на *-и-*, соотносительных с глаголами несов. вида на *-а-*, – отмечают авторы «Очерков по исторической грамматике русского литературного языка XIX века», – нейтральны к видовому значению основы и поэтому наименее глагольны среди других имен на *-(е)ние*: они называют действие вне отношения ко времени его протекания, законченности, длительности и т.д.» И далее: «Безразличие к видовым и залоговым значениям основы, совмещение лексических значений действия и состояния характеризуют эти имена как наиболее «субстантивные»...»⁷⁶. В силу этой своей особенности существительные названной группы легко развивают неглагольные, результативные значения. Часть этих слов, тем не менее, продолжает использоваться в современном русском языке только со значениями действия или состояния. Болгарские параллели имеются при следующих подобных именах: запрещение, избавление, изобличение, исполнение, истребление, исцеление, нарушение, обновление, освобождение, освящение, осквернение, отмщение, отрезвление, отстранение, перевоплощение, переселение, покушение, посещение, похищение, появление, прекращение, примирение, принуждение, присоединение, причисление, прояснение, разделение, разложение, разорение, разъединение, распространение, расхищение, расцепление, расчленение,

сближение, смягчение, сохранение, уничтожение, употребление, усложнение, усмирение, уяснение. Меньшее число параллелей находим при употребляющихся со значением действия или состояния русских существительных других словообразовательных групп. Они отмечаются при некоторых именах, входящих в достаточно продуктивную в XIX веке группу образований от несовершенновидовых бесприставочных глаголов с суффиксами *-а-, -е-, -и-*: молчание, общение, роптание, рыдание, рыкание, стенание, тление, лечение; при отдельных существительных из числа утративших к XIX веку свою продуктивность образований от основ приставочных совершенновидовых глаголов, соотносительных с основами глаголов несовершенного вида на *-ива-, -ва-*: перевоспитание, переименование, приготовление, расслоение, растление, успокоение; а также при единичных именах, принадлежащих иным словообразовательным группам: истязание, почитание, пребывание, прекращение, прикосновение, сотворение, сотрясение, сочетание, увещание.

Русские существительные на *-ние*, использующиеся исключительно со значением действия по глаголу, и их болгарские параллели.

Русские образования от основ совершенновидовых глаголов в зависимости от условий употребления способны обозначать действие как процесс и результативное, законченное действие. Ср.: *Уничтожение волков продолжается и После полного уничтожения волков резко увеличилось количество зайцев; заняться перевоспитанием подростков и не верить в возможность перевоспитания человека* и под. В современном болгарском литературном языке некоторые соответствия этих русских имен сохраняют способность аналогичного использования: “...готови да изградят клади, в чиито пламъци да изгорят коварството, омразата, унищожението и унижението на човека” (К. Странджев, Жарк. българи, 1981, 93-94) и “Използването на химичните торове в този район довело до унищожението на рибата в местните езера”; “...наред с глутниците вълци..,

лисици и други хищници са бродили и много мечки-стръвници, които са нанасяли щети на народното стопанство и за това са били обявени за вредни и подложени на изстребление” (Природа и знание, 1981, кн. 10, 23) и “Пълното изстребление на тези животни ще наруши равновесието в екосистемата”; “За срещата на Звезделския превал вече можеха да разкажат само неколцина манастирци, преминали оттам по време на преселението и останали като пращинки от големия път към Светулчица” (Н. Инджов, Попътна повест, 1981, 40) и “След преселението племената започнали да водят заседнал живот”. Сравните паралелно употребление существительных с суффиксом -не: “Унищожаването на девствената витوشка растителност е започнало още от римско време...” (М. Тошков и др., Наши резервати..., 1970, 19); “В наше време, когато техническите възможности за изстребването на човека са толкова фатално мощни...” (Н. Хайтов, Публицистика, 1975, 74); “Ако не се отказват [българите] от преселването, да им разправят, че султанът гарантира за живота и имотите им” (Д. Яръмов, Балканска поема, 1981, 167). Возможность синонимичного использования приведенных имен (на *-ние* и на *-не*) подтверждается данными современных словарей. См.: “унищожение... Действие на глаг. унищожа; премахване, изстребване, опустошение” (БТР, 1045); “унищожение – изстребление, изстребване, избиване, погубване, ликвидиране, ликвидация, премахване, затриване *нар...*” (БСР, 250); «изстребление... (рус.) Унищожение» (БТР, 308); “изстребление – унищожение, изстребване, избиване, погубване, ликвидация, ликвидиране, затриване *нар.*” (БСР, 86); “преселение... Преместване на друго място за живеене; преселване” (БТР, 775). Однако подобные толкования словарей не являются гарантией взаимозаменяемости однокоренных имен на *-ние* и на *-не*. Существительное с суффиксом *-не* в зависимости от контекста может обозначать не только совершающееся, но и законченное действие. См. замечание Л. Андрейчина о том, что имена на *-не* при необходимости «могат да означават и свършения глаголен вид, както е с несвършените глаголи и при сегашно историческо време, срв. *през време на падането* (смисъл на несвършен вид!) и *след падането* (смисъл на свършен вид!)»⁷⁷. При наличии однокоренного имени на *-ние* с глагольной семантикой может

наблюдается тенденция к дифференциации значений существительных: имя на *-не* чаще означает процесс, а существительное на *-ние* – совершившееся действие. Ср., например: “Нужно е да кажем няколко думи върху творческия метод на актрисата при конкретното изучаване на ролята и сътворяване на образа” (С. Грудев, Адриана Будевска, 1967, 158) и “Наистина странна гора, чиста и непокътната, сякаш това беше първият ден на нейното сътворение” (П. Вежинов, Сините пеперуди, 1970, 60); “На приятеля си той дължи изпълнението на заветните си желаня”; “Хубав план, но лошо изпълнение” (БТР, 302) и “А сега бързаше да изпълни това, което бе решил, и бързаше още повече затова, че то беше много трудно за изпълняване” (Д. Талев, Самуил, II, 1959, 250). Казалось бы, такое разграничение семантики слов на *-не* и на *-ние* в силу видовой противопоставленности глагольных основ должно было бы проявляться регулярно. Однако при многих подобных парах четкой семантической дифференциации по признаку “совершающееся – совершившееся действие” не наблюдается.

Устранение дублетности однокоренных разносуффиксальных образований может идти по другим направлениям. Так, преимущественное употребление в определенных контекстах приводит к закреплению у имени на *-ние* значения, не свойственного существительному с суффиксом *-не*. Например, в современном языке со значением “излизам пред публика с литературни, музикални и др. номера” (БТР, 302) глагола изпълнявам (изпълня) оказывается связанным лишь существительное изпълнение: “Не можем да не отбележим на това място и бележитото изпълнение на Васил Кирков в ролята на Фердинанд” (С. Грудев, Адриана Будевска, 1967, 55); “Артистът от Русенската опера споделя вълнения за своето изпълнение не пред публика от сноби, а пред кооператорите от Добруджа” (В. Йосифов, Размисли и страсти, I, 1980, 132); “Певицата даде рядко по красота изпълнение” (БТР, 302). Возможность использования слова в этом значении без объектных распространителей говорит о его большей, по сравнению с русским существительным, “субстантивности”. Ср. в русском языке: исполнение сценической роли, исполнение песни, исполнение танца и т.п., но: “Игра [Яковлева] в роли Отелло всего бо-

лее понравилась московской публике” С. Аксаков, Я. Е. Шушерин (МАС, I, 628).

Имя на *-ие* в современном болгарском языке может соотноситься лишь с одним из значений (чаще переносным) невозвратного или возвратного глагола при соотнесенности существительного с суффиксом *-ие* со всеми глагольными значениями. См., например, связь слова разцепление исключительно с переносным значением глагола разцепвам се (разцепя се) “раскалываться (о партии, организации, движении и т.п.)”. Существительное называет действие или состояние по этому значению (ср. рус. раскол)⁷⁸: «...истинският му мотив бе обаче да държи Каравелова със себе си, за да не стане едно ново разцепление на либералната партия” (С. Радев, Строителите на съвр. България, II, 1973, 235); «...тя [групата] предлагаше сега да не се правят вече пред него [Цанков] никакви нови постъпки, считайки разцеплението за свършен факт» (там же, I, 1973, 440). Сравните использование имени на *-ие*: “ЦК сигнализира, че Гемето открито работи за откъсване на земеделците от Отечествения фронт или, ако това не му се удаде, за разцепване на съюза им и минаване в опозиция” (В. Нешков, Настъпление, II, 1958, 18); “В сегашно време урановите руди се търсят и ценят още повече за получаване на урана, от който по изкуствен начин – чрез разцепване на атомното му ядро – се добива и атомната енергия” (Геология, IX кл., 1951, 118); разцепване на летви, на плочи и т.п.

В значении, синонимичном значению существительного разцепление, может употребляться слово разединение: “По този начин в Съюза ще се появи разединение и разложение” (Е. Каранфилов, 1975, 41-42). См. также данные словаря синонимов: “разцепление – разединение, разкол, разединеност” (БСР, 211). В русском языке существительное разъединение также способно называть действие или состояние по переносному значению глагола разъединиться – разъединяться “потерять связь, утратить единство”. Интересно, однако, что в болгарских литературных произведениях находим примеры использования со значением состояния некоторых близких по семантике имен, русские параллели которых имеют лишь значения действия, напр.: “Сираков се замисли за разделението между командуване-

то и моряците” (Н. Антонов, В открито море, 1967, 164). Не толкова важен въпрос о нормативности подобных употреблений, сколько тенденция к семантическому развитию имени. См. также в словаре синонимов: “разчленение – раздробеност” (БСР, 212). Сравните использование существительных разделение и разчленение со значением действия: “...последователното разделение на този народ бе от европейска точка зрение не по-малка политическа грешка” (С. Радев, Строителите на съвр. България, I, 1973, 197); “Теорията на Монтеско за разделение на властите означавала ограничение властта на краля” (История за Х кл., 1951, 9); “Заедно с класовото разчленение на българското общество на буржоа и пролетарии беше създадена почвата за разпространение идеите на научния социализъм...” (Г. Бакалов, Избрани произведения, 1953, 14).

Приведем еще один пример, когда имя на *-не* продолжает использоваться с глагольной семантикой, а однокоренное существительное с суффиксом *-ние*, изменяя сочетаемость, развивает свое значение в сторону “субстантивации”. См. употребление слова посещаване: “Посещаването на тези места е задължително за всички поклонници”; “Четвъртък и неделя са дни за посещаване на болните”. Имя на *-ние* также может управлять существительным с предлогом *на*, которое называет объект действия: “При посещенията на градове и селски райони в Бирма ние видяхме, че...” (газ. Народна армия, 1955, № 2252, 4); “При него пътуването не е служебна командировка..., нито туристическо посещение на чужди земи – а съдба” (Е. Каранфилов, 1975, 196). Изменение сочетаемости связано с отходом имени от мотивирующего глагола: “Най-удобно е посещението в Мадара да започне от голямата пещера” (С. Михайлов, Екскурзии из българските старини, 1959, 15); “...недели и четвъртъците бяха дни за посещения в болницата, които тя не пропускаше” (Е. Манов, Ден се ражда, 1959, 17). Сравните также частое использование этого существительного при управляющем семантически опустошенном глаголе: “Най-напред хубавецът Александър направи посещение на султана в Цариград...” (А. Каралийчев, Птичка от глина, 1946, 195); “Направих посещение на новия си колега” (БТР, 734). Ср. рус. нанести визит; см. также: “Надо было сделать, по приказанию папá, визиты,

которые он мне сам написал на бумажке” Л. Толстой, Юность (МАС, I, 175). Употребление имени на *-ние* в позиции прямого объекта снижает степень его глагольности.

Дифференциация значений существительных с суффиксами *-не* и *-ние* может наблюдаться и в тех случаях, когда производящей для слова на *-ние* является основа глагола несовершенного вида. Так, если существительное лекуване используется, как правило, с наиболее общим значением отвлеченного действия по глаголу, то семантика слова лечение конкретнее – оно обозначает “определенные лечебные мероприятия, процедуры”. Ср.: “Нора обаче е извършила при намиране на парите за лекуването на съпруга ѝ едно престъпление...” (С. Грудев, Бележити българи, 1960, 61); “Апендицитът е възпаление на апендикса. Единственият начин за лекуване е операцията” (Г. Налбантов, Анатомия за VIII кл., 1965, 60) и “Всеки болен, на който лекарите са предписали такова лечение, има възможност да получава помощ тук бесплатно” (газ. Раб. дело, 14. X. 1970, № 287, 4); «Наследниците на Харизанов обаче направили всичко възможно, за да изпратят стария на психиатрично лечение» (Й. Попов, Балсам за наивни очи, 1982, 138).

Разграничены значения существительных почитане и почитание. Слово почитане называет отвлеченное действие: “Място за почитане на боговете били светилищата и храмовете” (А. Данов и др., История на стария свят, V кл., 1980, 92). Генетический древнеболгаризм почитание, в современном русском языке имеющий лишь значение действия по глаголу, в болгарском языке в настоящее время используется со значением «глубокое уважение; внешнее его выражение»⁷⁹ (сравните болг. почит, чест, рус. образование от основы совершенновидового глагола почтение, а также честь, почести): “...Сашо веднага забеляза, че лицето му излъчваше особено почитание” (П. Вежинов, Нощем с белите коне, 1975, 181); “Симеон го изпроводи до външния коридор, почитание, което не оказваше дори на епископа” (А. Гуляшки, Златният век, 1973, 105).

Болгарские соответствия находим при некоторых русских именах на *-ние*, образованных от основ глаголов несовершенного вида и обозначающих действие и звуки этого действия: стенание, роптанье, рыдание. Болгарское существительное стенене независимо от наличия в языке

однокоренного образования на *-ние* способно называть и действие, и его звуки: “Сестра Евлампия не обузда устни и изтича пребледняла навън със стенене, прекъсвано от ридания” (Д. Вълев, Заговезни, 1981, 84); “Дочу се приглушено стенене”. Слово стенение, чаще в форме множественного числа, обозначает, как правило, сопровождающие действие звуки: “Обръщаме се да видим откъде идва стенението...” (И. Радичков, Ние, врабчетата, 1970, 7); “В бранно и странно стенение тъне безсънен Балкан” (В. Марковски, Предания заветни, 1978, 110). Дифференциация значений по признаку “действие – звуки этого действия” наблюдается в паре книжных существительных ридаене – ридание: “Тя прекара деня си в ридаене” и “...гласът на тропета прилича на ридание” (Н. Антонова, Надали, 1987, 79); «Глухи ридания и хълцания изпълниха тишината. Ваз.» (БТР, 880). В паре роптаене – роптание имя на *-не* называет действие по глаголу: “Само роптаене няма да ни спаси”. Существительное с суффиксом *-ние* способно выражать как значение действия, так и значение “недовольство, возмущение, протест” (сравните болг. ропот, рус. ропот): “Принудата идеше от роптанието на целия народ срещу вандалските изстъпления...” (Ц. Драгойчева, Повеля на дълга, 1972, 78); “Той остана глух за народното роптание”. См. невозможность выражения болгарским именем роптание значения “глухие сливающиеся звуки, невнятный шум” (ср. рус. “Издалека Лишь дуновенье ветерка Роптанье листьев приносило. Лермонтов, Демон” МАС, III, 731) из-за отсутствия значения “издавать невнятный шум” у глагола роптая.

Болгарские параллели на *-ние* имеют отдельные русские существительные с этим суффиксом, использующиеся со значением действия по глаголу и с оттенком этого значения, например: истязание («Действие по знач. глаг. истязать. // обычно мн. ч. ...Жестокое мучения, пытки» МАС, I, 693); увещание (“Действие по знач. глаг. увещать... // Назидание, наставление” там же, IV, 451). В современном болгарском литературном языке эти оттенки глагольных значений выражают имена на *-ние*: “ – Разговорът ще бъде изтезание и за двама ни...” (А. Наковски, Без сенки, 1970, 123)⁸⁰; «...Въкрил няма да приеме никакви добронамерени съвети и увещания...» (Г. Караславов, Обикновени

хора, IV, 1966, 178); “После се сеща [Виктор] за увещанията на майка си: да се ожени за богато момиче; да се подреди за жилище; да се погрижи за образованието си!” (Д. Асенов, Тази кръв..., 1976, 56). Существительные с суффиксом *-не* называют отвлеченное действие: “При щабовете на дивизиите имало особени “специалисти” за изтезаване и разстрелване на пленниците” (В. Коларов, Против хитлеризма..., 1947, 54); “Увещаването отне много време”. Со значением действия, однако, могут использоваться и имена на *-ние*: “А турците имаха голям опит в изтезанията. Те започнаха с набиване на клечки под ноктите...” (Г. Дръндаров, Велчова завера, 1960, 61). См. также: “увещание – убеждаване, увещаване, уговаряне, кандърдисване *разг.*, агитация *разг.*, придумване *нар.*, навивка *разг.*” (БСР, 246).

Интересное явление представляет использование в современном болгарском языке с глагольным значением имен на *-ние*, не имеющих связи с соответствующим глаголом из-за его отсутствия: «...И не може да се дойде до единно мнение, защото винаги има пререкания, застъпват се различни становища, гледища и концепции» (газ. Стършел, 29. V. 1970, 2); “Роклята ѝ се долепяше до коляното на Бранкова: това прикосновение произведе тръпки по цялата му снага...” (И. Вазов, Съч., XXVI, 19); “...според други журналисти ЦРУ е участвувало в заговори за покушения върху живота на чужди държавни ръководители” (газ. Раб. дело, 16. V. 1975, № 136, 5); “Тогавя някои английски критици героично закрещели срещу автора и го обвинявали, че той с дребната битова подробност за сапуна ще извърши много едро покушение срещу... националната чест на балканските народи!” (Т. Генев, Дневник с обратна дата, 1968, 84); “Покушението срещу генерал Касем беше извършено на 7 октомври към шест и половина часа вечерта на улица “Рашид”...” (Б. Темков, Ирак, 1962, 46). Сравните значения русских существительных: “пререкание... Действие по знач. глаг. пререкать; препирательство”; “прикосновение... Действие по знач. глаг. прикоснуться”; “покушение... Действие по знач. глаг. покушаться – покушаться... // Попытка убить кого-л.” (МАС, III, 383, 416, 254). Потеря связи с глаголом и его значениями может сказываться на развитии сочетаемости и семантики этих болгарских имен. См., например, использование в начале XX столетия слова поку-

шение с несвойственным ему в настоящее время значением: “Положителни сведения имаме, че князът е натоварен и изпратен задграница. Заповядано е на офицерите, които го съпровождат, ако в случай стане покушение за неговото освобождение от някого, да се постъпи с княза съгласно с дадените на офицерите инструкции” (С. Радев, Строителите на съвр. България, II, 1973, 96). Сравните един из отенков значения русского глагола: “покуситься.. Попытаться сделать что-л. недозволенное, необычное, трудное и т.п.” (МАС, III, 254). В первой половине XX века в болгарском языке спорадически использовался глагол прикосвам се, управляющий именем с предлогом до (ср. допирам до...): “Тамъ светитѣ моци стояле цѣла недѣля, дорде всички отъ града са извървѣли да имъ се поклонятъ и съ вѣра да се прикоснатъ до тѣхъ” (Т. Влайков, Преживяното, I, 1934, 178). Сравните употребление с теми же связями существительного: “Нашата поезия изцело страда от един съществен недостатък, който се състои в значителна... откъснатост на поета от живите извори на поезията, от допирането до чернозема, до оная почва, прикосновението до която вливаше всичките сили на Антей” (Г. Бакалов, Избр. произв., 1953, 443). Для имени прикосновение была характерна и другая сочетаемость: “Нашата природа не може да изтърпи прикосновението съ другия миръ...” (И. Вазов, Съч., XXIII, 184). Сравните аналогичное использование этого книжного слова в современном болгарском языке: “Но днес можем да разберем порива на ония високи умове, които във верността си към църквата не ослепяват за човешката необходимост от прикосновение с изкуството” (Н. Драгова, Кл. Охридски, 1966, 32). В данном случае мы имеем дело с сохранением болгарским существительным связей, утраченных его русской параллелью. Управление творительным падежом имени с предлогом с было свойственно русскому слову прикосновение еще в XIX веке (см. БАС, XI).

Отдельные болгарские параллели русских существительных на *-ние*, употребляющихся только со значением действия по глаголу, могут, помимо глагольного, иметь и конкретное значение. См. значение “вноска за изплащане на дълг” слова погашение (БТР, 668).

Значительная часть болгарских имен на *-ние*, использовавшихся, так же как и их русские соответствия, с глагольными значениями, в настоящее время устарела. Они могли быть вытеснены из употребления однокоренными образованиями на *-не* (отъждествение, отъждествяване → отъждествяване; преименование, преименуване → преименуване; прекращение, прекратяване → прекратяване и под.), а также сознательно устранены из языка с помощью специально создаваемых для их замены слов с суффиксом *-а* (появление, появяване → поява, появяване). Существительное на *-ние* могло устареть вместе с глаголом (рикам, рикая, рикание). Не встречаясь в настоящее время в свободном употреблении, имя с этим суффиксом может сохраняться в составе устойчивых сочетаний. Такие сочетания часто имеют терминологический характер. См. данные Словаря болгарского языка: “◇ Под запрещение съм (намирам се). Юрид. Ограничен съм в имуществените си права, които се упражняват от попечител. Поставям/поставя някого под запрещение. Юрид. Ограничавам някого в имуществените му права, които се упражняват от попечител” (РБЕ, V, 592).

См. примеры имевшего место ранее использования отдельных устаревших в настоящее время слов: «...да разрушат препятствията, които пречат за въдворението на свободата и щастието. К. Величков, ПССъч. VIII, 27» (РБЕ, II, 519); “Англия до скоро отказваше да подпише протокола, защото Россия не са сжгласяваше да са обезоружи. Англичанете казваха: нѣма обезоружение нѣма и подписание на протокола” (газ. Нова България, 1877, 277); “Разбира се, че за предотвращението на болѣстѣта е важно да знаеме точно оние условия, които сж необходими за сжхранението на здравието” (газ. Знание, I, 1875, № 19, 296); “...за торжественното пръвзглашеніе на коѣто [догма] само бѣше ся свикаль отъ Святый Отець Римскокатолический Вселенский Съборъ” (ж. Читалище, 1871, кн. 15, 451); “...не им се дава възможност да се изкажат, когато се предложи прекращение на дебатите” (Г. Георгиев, Избр. произв., 1953, 366); “Разбира се, че странните костюми, появлението на българи на сцената и без никаква драма... пак щяло да произведе своето действие” (З. Стоянов, Христо Ботйов, 95);

“Едрата буржоазия... е на дело против запрещението на войната...” (В. Коларов, С перо и слово..., 1947, 156).

В языке последних десятилетий наблюдается процесс архаизации и некоторых других имен на *-ние* с глагольным значением. “Български тълковен речник” еще приводит без помет существительные отстранение, уяснение, общение (с. 618, 1055, 569). См. примеры их употребления: “...но по-неже жена му пишеше в С. Петербургские ведомости против управлението на генералите и опровергаваше кореспонденциите на Молчанова, Соболев поиска и неговото на Головин отстранение” (С. Радев, Строителите на съвр. България, I, 1973, 374); «А въпросът за половия нагон не може да бъде разгледан без уяснение на въпросите за произхода на пола и т.н.» (А. Златаров, Избр. съч., III, 1966, 187); “...вие ще откриете плодоносните резултати от общението с руската литература...” (В. Йосифов, Размисли и страсти, I, 1980, 73). В наши дни, однако, названные имена вытеснены из употребления однокоренными существительными (отстраняване, изясняване и изяснение, общуване). Редкие случаи их современного использования воспринимаются как результат “общения с русской литературой”.

Многие болгарские существительные с суффиксом *-ние*, русские параллели которых имеют только глагольные значения, используются в составе устойчивых сочетаний слов, в том числе терминов и канцеляризмов: пристъпвам към изпълнение, в изпълнение на нещо, изпълнение на план, изпълнение на присъда, привеждам в изпълнение, при изпълнение на служебните си задължения, влизам в пререкание, велико преселение на народите, разделение на труда, внасям разцепление, от сътворението на света, удрям го на увещание и др. Эти сочетания большей частью заимствованы из русского языка или являются неполными кальками русских выражений. См. некоторые примеры их использования: “...Действие аз ще извърша тогава, когато поставя пред себе си задача и чрез заповед на волята пристъпя към изпълнение” (ж. Театър, 1954, кн. 5, 19); «Съобщаваме ви, че в изпълнение на нареждането ви разпоредихме да се постави на място снетият плакат на пл. “Славейков”» (газ. Вечерни новини, 22. VIII. 1959, 2); “Въпросът за топливото повдигна Надя, а ние го приведохме в изпълнение” (А. Гуляшки, МТ Станция, 1951, 288); «Тя е вли-

зала понякога в пререкания с режисьорите за своеволието им да поправят текста» (С. Грудев, Бележити българи, 1960, 47); “Човек не се срещаше, глас не се чуваше, като че ли пустота и мъртвило бяха царували из тия краища от самото сътворение на света” (А. Гуляшки, Златният век, 1973, 463); « «...Тръгвай с мен, ако не искаш да ти смеля кокалите»... Ударих го на увещание» (М. Гръбчева, В името на народа, 1970, 411). Использование имен на *-ние* в составе устойчивых сочетаний, очевидно, поддерживает в определенной степени и их свободное употребление.

Русские существительные на *-ние*, называющие только действие и состояние по значениям глаголов, и их болгарские параллели.

Значения действия и состояния чаще всего имеют те русские имена на *-ние*, которые образованы от основ глаголов совершенного вида на *-и-*, соотносительных с несовершенновидовыми глагольными основами на *-а-*. Те же значения могут выражать и существительные других словообразовательных групп (см., например, расслоение, сочетание, растление и под.). Некоторые болгарские параллели подобных русских существительных также способны соединять в своей семантической структуре значения действия и состояния, т. е. соотноситься как с невозвратным, так и со соответствующим ему возвратным глаголом. См. нарушение, обновление, освобождение, осквернение, разорение, разпространение, съхранение, употребление: “Всичко щеще да е прекрасно, ако не бе допуснато нарушение на инструкцията от страна на един от участниците...” (С. Трънски, Неотдавна, 1957, 102); “Излишъкът на въглеродороди предизвиква захарен диабет..., нарушения в обмяната и други болестни състояния” (Природа и знание, 1981, кн. 10, 8); “...лекарката иска да знае откога е започнало първото сериозно нарушение...” (К. Видински, Не се предавай, 1985, 59) [сравните одно из значений глагола нарушавам – “преступать, не соблюдать что-л., отступать от чего-л.” и значение глагола нарушавам се – “прекращаться, прерываться в своем нормальном ходе, прихо-

дить в расстройство”]; “...Но пък тоя човек е побъркан да прави някакво си обновление... Ами да си обновява харема – какво се меси в държавата...” (С. Дичев, За свободата, II, 1956, 665); “Вечното обновление в природата не спира своя ход” (Л. Галина, Пролетен танц, Лястовичката, 1960, 18) [сравните отдельные значения глаголов обновявам и обновявам се – соответственно “изменять, внося что-л. новое; заменять чем-л. новым что-л. старое, отжившее” и “возрождаться, оживать вновь”]; “Той вярваше, че ще измоли от светата божия майка прошка за своя грях пред нея, за осквернението на иконата ѝ...” (Д. Талев, Самуил, II, 1959, 254); “...всеки се бе пазил като от греховно осквернение да спомене името на хаджи Серафимовата внука” (Д. Талев, Железният светилник, 1952, 65); “...вместо любов на сърцето ѝ тежеше обида и осквернение” (И. Петров, Нонкината любов, 1956, 227) [ср. одно из значений глагола осквернявам – “*рел.* делать что- или кого-л. нечистым” и значение глагола осквернявам се – “унижать, оскорблять себя чем-л., становиться оскверненным”]; “Извън спор е, че кърджалийските години били преизпълнени с кръв и огън, с опустошително разорение на земите ни” (В. Мутафчиева, Кърдж. време, 1977, 5); “Тези хора съзряха, че стопанството ще ги избави от разорение” (Д. Вълев, Жега, 1973, 66) [ср. отдельные значения глаголов разорявам и разорявам се – «разрушать, опустошать» и “терять свой капитал, свое имущество, впадать в бедность»] и т.д.

Следует обратить внимание на тот факт, что значения действия и состояния русских и болгарских однокоренных существительных на *-ние* могут не совпадать полностью из-за различного семантического объема мотивирующих глаголов. Так, болгарские глаголы разпространявам и разпространявам се используются в меньшем количестве значений, чем русские распространять и распространяться [см., например, отсутствие у болгарских невозвратного и возвратного глаголов значений соответственно “увеличивать пределы, расширять границы чего-л.” и “делаться обширнее, расширяться”, присущих русским глаголам; в современном болгарском языке эти значения выражаются глаголами разширявам, увеличавам; разширявам се, увеличавам се], поэтому семантический объем у болгарского

отглагольного имени разпространение уже, чем у его русской параллели.

Болгарское существительное на *-ние* может соотноситься не со всеми значениями мотивирующего глагола. См., например, отсутствие такой соотнесенности между словом освобождение и значением “получать вещи по документу в ломбарде, на товарной станции и т.п.” глагола освобождавам – освободя (ср. у русского глагола освобождать – освободить нет этого значения). Действие по указанному значению глагола называет существительное с суффиксом *-не*: “След няколко дни изтича последният срок за освобождаването на кръстчето и медальона, а аз нямам нито пукнат лев” (Д. Спространов, Самообречениете, 1966, 155).

Употребление болгарского существительного на *-ние* может быть ограничено рамками книжной речи – обновление, осквернение, съхранение (ср. нейтральность русских параллелей). Когда этому же типу речи принадлежит и мотивирующий глагол, ограничено использование и существительного с суффиксом *-не* – см. съхранявам, съхранявам се, съхраняване, съхранение; в большом количестве контекстов употребляются исключительно синонимы этих слов пазя, опазвам, запазвам, запазвам се, пазене, опазване, запазване. Использование болгарского существительного на *-ние* в меньшем количестве контекстов по сравнению с его русским соответствием связано также с наличием у него однокоренного синонима на *-не*. Для выражения действия в его течении чаще выбирается имя с суффиксом *-не*. См., например: “Наистина много мило било от тяхна страна да платят глобата за нарушаване спокойствието на мирните граждани” (М. Бабек, Малкият емигрант, 1959, 42); “Необходими са капиталовложения за модернизирването и обновяването на морално остарялото и износено оборудване...” (ж. Отечество, 1977, кн. 10, 16). Функционирование в речи созданных по народной модели существительных на *-а* (обнова, употреба) уменьшает частоту использования однокоренных имен с суффиксом *-ние*.

Некоторые болгарские существительные на *-ние* могут обозначать действие и состояние, соотносясь обыкновенно только с возвратным глаголом: “...разединението на Европа на противостоящи блокове...” (газ. Отечествен

фронт, 18. II. 1958, 4); “По този начин в Съюза ще се появи разединение и разложение” (Е. Каранфилов, 1975, 41-42); “Соболев правеше първите опити за сближение с либералите в княжеството” (С. Радев, Строителите на съвр. България, I, 1973, 352-353); “Ние ставаме съюзници вече... Царице, нека остане тайно нашето сближение” (И. Вазов, Съч., XX, 134); «Премахването на спахийската система на свой ред “ускорило процеса на социалното разслоение сред раетските селяни...» (И. Унджиев, В. Левски. Биография, 1967, 12); “Разслоението в българското движение, което с течение на времето все повече се поляризираше, е исторически факт” (Т. Жечев, Българският великден..., 1975, 168); “У нас навсякъде сега се обсъжда въпросът за едно примирение с хората от опозицията...” (Г. Димитров, Съч., III, 1947, 515); “...на устните му трептеше неутолима печал. Не беше само печал, а тихо примирение с жестоката съдба...” (И. Петров, Нонкината любов, 1956, 229); “...със смесени чувства на съжаление и примирение гледахме как някоя женица от Варуша, току-що получила съобщение за убит съпруг или брат, с отчаян плач се прибираше в бедната си къщурка...” (Е. Станев, Търновската царица, 1974, 127-128). Русские параллели этих имен одинаково соотносятся как с возвратным, так и с невозвратным глаголом.

Как уже было отмечено, болгарские существительные на *-ние*, соотносясь с возвратным глаголом, легко обозначают состояние, т.е. то положение, в котором пребывает кто-либо или что-либо в результате совершающегося или завершившегося действия. В отличие от своих однокоренных синонимов, имена на *-не*, как правило, не выражают “чистых” состояний. Значение состояния, обусловленное специфической семантикой некоторых мотивирующих глаголов, сочетается у них со значением глагольного действия: “За да не настъпи разслояване на сместа, едната течност е диспергирана в другата под формата на огромен брой микроскопични капчици” (И. Малиновски, Химия и фотография, 1962, II). Значение действия у имени с суффиксом *-не* поддържається его глагольными связями. В контекстах, в которых существительное на *-ние*, выражая “чистое” состояние, реализует валентности субстантива, его замена однокоренным словом на *-не* невозможна: “Но макар да има малко разпространение, оловото е познато на

човечеството от най-дълбока древност” (ж. Космос, 1963, № 8, 13); сравните также примеры, приведенные выше.

Часть болгарских имен на *-ние* используется исключительно со значением состояния или с оттенком этого значения. В отличие от своих русских параллелей, мотивируемых как возвратными, так и невозвратными глаголами (и в зависимости от этого называющих состояние или действие), эти болгарские существительные соотносятся только с первыми: “...когато се почувствах по-добре, аз и мама поехме към богатия дом на чичо Нисим с някаква смътна надежда за изцеление” (С. Таджер, Печеловникът на мама, 1970, 156); “...Цанков предложи да се отслужи благодарствен молебен за избавлението на България...” (С. Радев, Строителите на съвр. България, II, 1973, 13); “Частната собственост върху средствата за производство се появява в периода на разложението на първобитно-общинния строй...”; «...въстанията на робите., разложението на армията и варварските нашествия унищожихи Западната Римска империя” (А. Данов и др., История на стария свят, V кл., 1980, 255); “ -...Като се върнах, съседите в кварталната ОФ-организация нещо шушукат за битово разложение. Но аз не допускам... С Боян сме приятели отдавна” (Б. Димитрова, Отклонение, 1973, 166); “И както над гробовете, над разложението и гниенето растат най-високите дървета, тъй и сред умиращите родове израстваха могъщи и мъдри хора...” (А. Дончев, Сказание за времето на Самуила..., I, 1961, 64). Сравните также русское слово сочетание, которое, соотносясь с невозвратным глаголом, называет действие, а при соотнесенности с возвратным глаголом – действие и состояние, а также имеет оттенок значения – “соединение, расположение” (см. МАС, IV, 214), и болгарское существительное съчетание, использующееся только со значением “соединение, комбинация”: “Тия стихотворения са едно възторжено съчетание на епоса и лириката” (Г. Бакалов, Избр. произв., 1953, 275); “...във вихрено темпо протича “Нестинарско хоро”. Големинов използва интересни темброви съчетания и непрестанно натрупва нова енергия” (Пеене и музика, VII кл., 1982, 46).

Среди болгарских имен на *-ние*, мотивируемых только возвратными глаголами, есть слова, которые соотносятся не со всеми, а лишь с определенными значениями глагола

с морфемой *се*. См., например, несоотносимость существительного разложение со значением “делиться, распадаться на составные части” глагола разлагам се (разложа се). Действие и состояние по этому значению называет однокоренное имя на *-не*: “...Това явление е известно под името разлагане или дисперсия на светлината” (Физика, X кл., 1951, 170).

Значение действия и состояния могут иметь русские существительные, соотносящиеся с некоторыми невозвратными глаголами, поскольку действие и состояние называют сами эти глаголы. При отдельных таких именах имеются болгарские параллели на *-ние*. Так, русское слово тление выражает действие и состояние по двум из трех значений глагола тлеть, а именно по значениям “гнить, разлагаться” и “гореть, сгорать без пламени; еле поддерживать собой горение” (Сл. Ожегова, 693). Болгарский глагол тлея имеет значения “гореть слабо и без пламени”, “терять силы, слабеть, чахнуть”, а также значение “гнить, разлагаться”, в котором он используется редко (см. БТР, 1013; БРР, 658). Книжное существительное тление соотносится лишь с последним значением глагола: “...то [изкуството] освобождава и наставка вечна радост и спасение, докато ние органически оставаме в тлението, промените и смъртта” (А. Гетман и др., Слово на Бешков, 1973, 150); “...всичко е напоено с дъх на есенно тление...” (Д. Асенов, Тази кръв..., 1976, 105).

Среди болгарских имен на *-ние*, русские параллели которых называют только действие и состояние по значениям мотивирующих глаголов, есть слова, использующиеся с неглагольными значениями. Очевидно, это новые значения, развившиеся на болгарской почве. Русское существительное перевоплощение обозначает действие по глаголу перевоплотить – перевоплощать и действие и состояние по глаголу перевоплотиться – перевоплощаться (см. МАС, III, 53). Болгарское книжное имя превъплъщение во многих контекстах соотносится с возвратным глаголом: “Но той вярвал в божественото превъплъщение на завоевателя” (Л. Стефанова, Вулканите на Мексико димят, 1969, 30); “...Белички си мислеше за човешките метаморфози, за волните и неволните превъплъщения на човека...” (Д. Фучеджиев, Реката, 1977, 132); “...за да ми разкриеш неразга-

даемата тайна на превъплъщението...” (С. Минков, Бълг. фантастика, 1976, 30). Это существительное используется также с несвойственным русскому слову результативным значением “тот (или то), в кого (или во что) кто-либо (или что-либо) перевоплотился (перевоплотилось), превратился (превратилось)”: “А това е толкова просто – вие сте мой прототип в живота, а аз съм вашето превъплъщение в художествен образ...” (П. Незнакомов, Чудният гост, След нас потоп, 1959, 152); “Смирненски нарисова цяла галерия от превъплъщениата на неговия образ: ковача, въглекопача, каменарчето, работничката, братчетата на Гаврош, милионите деца на капиталистическия град” (В. Йосифов, Размисли и страсти, I, 1980, 149). В русском языке отглагольное имя успокоение обозначает действие или состояние в зависимости от того, со значениями какого глагола – невозвратного или возвратного – оно соотносится (см. МАС, IV, 522). В современном болгарском языке существительное успокоение чаще связано по значению с возвратным глаголом: “ – Кое те накара да обърнеш гръб на пост и домашно огнище, за да търсиш успокоение и размисъл в тая пустош!” (И. Попов, Балсам за наивни очи, 1982, 39); “ – Поне да ми го бяха рекли, че са ми другари или нешо таквоз за собственото ми успокоение...” (А. Томов, Памет, 1985, 62). Это имя может соотноситься также с невозвратным глаголом: “Той се занимава с успокоение на нервите си”. Ср. также возможности использования этого слова в начале XX века: “До тогава има още много връме, а грижитѣ на силитѣ и на Портата сега все още сж насочени върху успокоението на Македония и въстановлението на порядъка” (газ. Пряпорец, 21. V. 1903, 4). В современном языке это существительное входит в состав устойчивого сочетания: “За успокоение на съвестта си и от страх пред наказанието агентите продължавали да стрелят” (М. Гръбчева, В името на народа, 1970, 215) [сравните рус. для очистки совести]. С формой множественного числа связано неглагольное значение “то, что говорится для подавления, устранения чьей-либо тревоги, беспокойства, волнения” [сравните значение “то, что говорится для ослабления, облегчения чьей-либо печали, горя” русского и болгарского существительного утешение]: “Особено след успокоенията на Гражев, че нищо лошо няма да му се слу-

чи, старецът за последен път се увери, че “българите съвсем не са диви хора”...” (И. Мартинов, Драва тече през славянски земи, 1946, 224); “И наистина, Доша с никого повече не бе споделяла съмненията си, че у Стоянови са влезли шумци... А що се отнася до нашите успокоения, те бяха само за пред старите” (М. Гръбчева, В името на народа, 1970, 336).

Процес семантическото развитие претерпевают и некоторые другие болгарские параллели русских слов на *-ние*, использующихся исключительно со значениями действия и состояния.

Русское существительное усложнение называет действие по значениям глагола усложнить – усложнять и действие и состояние по значениям глагола усложниться – усложняться (см. МАС, IV, 519). Однокоренное имя осложнение, помимо значений действия и состояния по невозвратному и возвратному глаголам, имеет также значения “обстоятельство, событие, осложняющее что-л.” и “новое заболевание, являющееся следствием какой-л. болезни” (там же, II, 648). В современном болгарском языке слово усложнение объединяет отдельные значения этих двух русских существительных. Оно называет состояние, соотносясь с возвратным глаголом: “Усложнение на международното положение” (БТР, 1049), – но чаще используется с двумя неглагольными значениями: “ – Ако се наложи – ще го арестуваме и без вашето съгласие! – Това ще предизвика усложнения не само тук, а и в правителството!..” (Д. Асенов, Тази кръв..., 1976, 151); “...в много случаи при тази практика могат да възникнат усложнения – некачествена работа, спорове и пр.” (Театър, 1954, кн. I, 26); “ – Окото е добре. Мисля, че можем да бъдем доволни. – Благодаря ви. А има ли опасност от усложнения, доктор Руменов?” (В. Балабанов, Избрани пиеси, II, 1982, 64). Закрепление указанных значений за существительным усложнение, выход из употребления встречающейся еще в середине XX века формы осложнение [см., напр.: “Надявам се, че не ще възникнат никакви сериозни осложнения, докато получа възможност да прекарам правилно лекуване” (Г. Димитров, Г. Димитров пред фашисткия съд, 1945, 173)] связаны, очевидно, с восточноболгарскими фонетическими особенностями – изменением в безударном положении *о* в *у*, при-

водящим к совпадению в звучании форм усложнение и осложнение и их отождествлению говорящими.

Существительное сотрясение в современном русском языке называет действие по значениям глагола сотрясать – сотрясти (“вызывать сильные и резкие колебания чего-л.”; “сильными, резкими движениями трясти кого-, что-л. или заставлять трястись”) и действие и состояние по глаголу сотрясаться – сотрястись (“приходить в колебание; трястись, дрожать”) МАС, IV, 212. В современном болгарском языке существительное сътресение не соотносится с глаголами из-за их отсутствия⁸¹. Тем не менее оно используется с глагольным значением: “В напуснатите галерии ние никога не чукаме с геоложкото чукче. Стените им обикновено са размекнати и могат да се съборят и от най-слабото сътресение” (Септември, 1954, кн. 3, 100); “...сеизмографите, които регистрират и указват силата и направлението на станалите сътресения на земната кора” (газ. Вечерни новини, 1958, № 2069, 4); “Ванчо се разположи върху тухлите. Сложки закрилническа ръка над капака на пианото. Смяташе, че така го варди от сътресение” (Б. Димитрова, Пътуване към себе си, 1972, 276). Смотрите толкование этого значения существительного в БТР: “разтърсване, раздрусване, раздвижване от удар или падане” (994). Болгарское имя сътресение употребляется также со значениями, которые в современном русском языке выражает слово потрясение, – “глубокое, сильное переживание” и “коренная ломка, затрагивающее основы чего-либо изменение”: “– Главата ти ще скъсам! – кресна Пешо, като хукна към улицата и остава дружинния ръководител в пълно душевно сътресение” (В. Цонев, Приключенията на Тинчето, 1971, 46); “– Ние не можем да предвидим, нито да осуетим всички сътресения, които очакват човека по житейския му път” (Б. Райнов, Третият път, 1977, 114); “Паисий... е роден в Самоковска епархия през 1722 година – време на големи политически сътресения в турската империя...” (П. Зарев и др., Литература за Х кл., 1965, 86). Значение “глубокое, сильное переживание” было свойственно и русскому существительному сотрясение. См. у Вяземского: “Не знаю, что мои черты обнаружили, но я никогда не испытывал подобного сотрясения” (БАС, XIV, 410). См. также в словаре Даля: “Душевное сотрясение, разстройство, отъ внезапнаго нравственнаго

влиян्या” (IV, 282). Сравните устаревшее в настоящее время переносное значение глагола сотрясаться – сотрястись – “приходить в крайне сильное волнение; испытывать потрясение” (БАС, XIV, 410). В значении “глубокое, сильное переживание” болгарское имя сѹгресение синонимично однозначному в болгарском языке существительному потресение: “Потресението им беше трудно за описване, седяха като гръмнати...” (В. Мутафчиева, Случаят Джем, 1977, 107); “Грашев с потресение си мислеше за страшното невежество, в което живееха хората, за унижителната беднотия” (Д. Фучеджиев, Реката, 1977, 72). Ср. также переносное значение существительного потрес (см. БТР, 741).

Русские существительные на *-ние*, помимо значений действия или состояния имеющие и другие значения, и их болгарские параллели

Болгарские параллели указанных русских имен также могут объединять в своей семантической структуре значения действия или состояния по мотивирующему глаголу и другие значения. См. семантику следующих болгарских существительных: гадание, деление, зablуждение, изображение, изобретение, изпарение, изпитание, колебание, мечтание, наблюдение, обединение, объяснение, отражение, отрицание, повествование, повишение, подражание, потвърждение, преображение, преувеличение, приложение, продължение, размишление, разпределение, разрушение, разсъждение, разширение, спасение, сравнение, унижение, утешение, учение и др.

Значения русских и болгарских имен могут полностью совпадать. Например, русское существительное колебание называет действие по глаголу колебаться в значении “мерно двигаться, раскачиваться взад и вперед, из стороны в сторону или сверху вниз” (МАС, II, 71) – колебание маятника. Болгарское слово колебание также может называть действие по глаголу колебая се в значении, аналогичном значению русского глагола, – колебание на махалото. Кроме того, русское и болгарское существительные используются со значениями “изменчивость, неустойчивость, не-

постоянство” (колебание температуры, колебание на температурата; колебание цен, колебание в цените) и “нерешительность, сомнение” (Я заметил его колебание. Заблезах неговото колебание). Русское слово подражание и болгарское подражание называют действие по значениям глаголов подражать и подражавам и имеют также значение “литературное, музыкальное и т.п. произведение, созданное по какому-либо образцу”. См. также совпадение значений русских существительных подтверждение, размышление, сравнение и болгарских потвърждение, размишление, сравнение.

В некоторых других случаях мы имеем дело с неполным совпадением значений русских и болгарских параллелей на *-ние*. Очень часто при соотнесенности русского имени с невозвратным и возвратным глаголом болгарское существительное соотносится только с последним, а действии по невозвратному глаголу называет однокоренное слово на *-не*. Сравните: начинать деление имущества, деление клетки – започвам делене на имущество, деление на клетката; приступить к расширению производства, расширение вен – пристъпвам към разширяване на производството, расширение на вените; заниматься спасением исчезающих видов растений, верить в его спасение – занимавам се със спасяването на изчезващи видове растения, вярвам в неговото спасение; преуспевать в унижении подчиненных, испытывать унижение – преуспявам в унижаването на подчинените, испытываю унижение; иметь опыт в утешении несчастных, для собственного утешения – имам опит в утешаването на нещастните, за собствено утешение. См. совпадение других значений приведенных слов. Например, русское существительное деление, помимо значений действия и состояния по глаголу, имеет также значения “обратное умножению математическое действие” и “расстояние между отметками на измерительной шкале” (см. МАС, I, 382). Болгарское имя деление тоже используется в этих значениях (см. РБЕ, III, 682-683). Сравните тождественность неглагольных значений русских слов расширение, спасение и т.д. и их болгарских параллелей.

Болгарское существительное может иметь неглагольное значение, отсутствующее у его русской параллели. Так, в современном русском языке слово гадание называет дей-

стве по глаголу и имеет также значение “предположение, догадка” (см. МАС, I, 295). Болгарскому имени гадание, помимо указанных значений, свойственно еще одно – “думи, изрази, с които се гадае, врачува” (РБЕ, III, 44). Точно так же русское существительное может использоваться с неглагольным значением, которого нет у его болгарской параллели. См. отсутствие значения “высокое место, возвышенность, возвышение” у болгарского слова повишение (ср. болг. възвишение) и наличие этого значения у русского имени повышение (см. МАС, III, 164).

Болгарские параллели русских существительных на *-ние*, объединяющих в своей семантической структуре глагольные и неглагольные значения, могут использоваться только со значением действия или состояния по глаголу. См. употребление русских слов понижение, утверждение, рождение со значениями соответственно “низкое место”, “мысль, положение, высказывание, доказывающее, утверждающее что-л.”, “день, число, когда кто-л. родился, а также празднование этого дня” (МАС, III, 288; IV, 531; III, 726) и отсутствие этих значений у болгарских имен понижение, утвърждение, рождение. В современном болгарском языке указанные значения выражаются существительными низина и падина, твърдение, словосочетанием рожден ден.

Определенная часть болгарских слов на *-ние*, русские параллели которых кроме значений действия или состояния по глаголу имеют и другие значения, в настоящее время устарела. См., например, существительные заселение, злоупотребление и злоупотребление, охлаждение, пение, поселение, смещение, основные значения которых совпадали со значениями русских имен. См. использование этих слов в болгарской литературе второй половины XIX – первой половины XX века: “...настинката или охлаждението на стомахът въ ношно време, а особено въ оная мѣстность, дѣто свирѣпствува холера е ставала причина да са появи тая болѣзъ у оние лица, които сж биле предрасположени да са заразатъ отъ холерната утрова” (Газ. Знание, 1875, № 20-21, 315); “...въ отношенията между България и Сърбия настѣпи охлаждение” (Газ. България, 9. IV. 1902, 1); “Преди да си прѣсне главата с револвера, той бе получил депеша от Пловдив, която му обаждаше, че днес съдебната власт запечата-

ла касата и го дава под съд за злоупотребление държавни суми. Ив. Вазов, Съч. XXV, 101” (РБЕ, V, 956); “Секи вече знае, че избиранieto става само за очи... Сичкото това са факти..., българският народ може да изнесе пред света и много още други злоупотребления, които са до такава степен страшни и гнуснави, щото можат да зачудят сичкия свят. С, 1872, бр. 47, 373” (там же) и т.д.

Многие българские параллели русских имен на *-ние*, имеющих глагольные и неглагольные значения, в современном болгарском литературном языке не используются со значением действия или состояния по глаголу: встъпление, въведение, възвешение, възнаграждение, въоръжение, допълнение, достигение, заклучение, извлечение, измерение, изповедание, лишение, наклонение, напрежение, насаждение, население, наслоение, начинание, обезпечение, обкръжение, обозначение, обращение, обявление, олицетворение, определение, основание, отделение, падение, писане, подкрепление, поздравление, построение, постъпление, предложение, предопределение, предписание, предсказание, предупреждение, преклонение, приближение, приспособление, прозрение, произведение, проникновение, просветление, просвещение, разположение, решение, сечение, склонение, смирение, снаряжение, стеснение, стремление, събрание, съображение, съобщение, съоръжение, съпротивление, съчинение, терзание, течение, тълкование, убеждение, уведомление, увеселение, увлечение, угощение, угрижение, удовлетворение, удостоверение, указание, укрепление, умножение, упражнение, ускорение, учреждение, явление и нек. др. Судя по данным Словарной картотеки Института болгарского языка при Болгарской академии наук, во второй половине XIX века эти существительные, за немногочисленными исключениями, могли обозначать и действие по глаголу. См., например: «После смъртта на Симеона, България са запряла на пътя кам своето възвешение и развитие. Г. Бобриков, ИОБ (превод), II» (РБЕ, II, 538); “Паралелно с ръста на организацията трябваше да върви и въоръжението на членовете. П. К. Яворов, Съч. II, 184” (там же, 627); “На сѣкаде, дѣто човѣкътъ са намира на низска степенъ въ своето развитие, той употрѣблява еднакви срѣдства за достигението на своите цѣли” (газ. Знание, 1875, № 15, 231); “Графъ Валевски... предлага на

конгресъ-атъ, щото, послѣ заключеніе-то на миръ-атъ, да рѣши смѣшенна една комиссія да ся опредѣли..." (Цариградски вестник, 12. V. 1856, 1); "Походътъ не можѣ да са свърши поради лишеніе на храна" (С. Бобчев, Съкратена османска история, 1871, 93); "Скѣри, сатагари и други Алани... пріяхъ за населеніе Малж Скѣѣиъ и Долнъ Мѣсѣиъ" (Г. Кръстевич, История българска, I, 1871, 416); "Движеніето на земѣ-тж чрѣзъ обращеніе-то на коѣто виждамы слънцето, е образъ на движеніето на умътъ ни..." (ж. Пчелица, 1871, кн. 5, 69); "...Турция е направила сичко, което е можала, за да ускори обявлението на войната" (газ. Нова България, 1877, 288); "Нап. ...Александръ мълчи. Азъ никакъ му недопушамъ за предложеніе миръ. Треба да бжда перво азъ въ Москва, па тогава той да се рѣши..." (А. Дюма, Наполеон Бонапарт, (перевод), 1850, 68); "За тѣзи, кои-то сж обръщали малко вниманіе на този прѣдмѣтъ, даже и въ наше врѣме, при всички-тѣ срѣдства на най-нова-та наука, прѣдсказаніе-то на затмѣния-та все още са показва като тайнствено и непостижимо" (Д. Витанов, Небесни светила, (перевод), 1875, 34); "Въздухъ-тъ бѣше по-сладкъ, и вѣтаръ-тъ, най-вѣче ношемъ, скоро променителенъ, и сичко това бѣше радостны знакове на приближеніе желаемата суша..." (П. Кисимов, Откритието на Америка, (перевод), I, 1875, 40); "...ударихъ на всички данкъ. Освѣнь това, гдѣ-то ся ограничявахъ произведеніе-то и прѣработваніе-то на първы-ты животны потрѣбы..." (Б. Димитров, Асен I, (перевод), 1864, III, 33); "Въ много страни и мѣстни вѣстници са еява единъ документъ, съчиненіето на кого-то отдаватъ на Генерала Игнатиева..." (газ. Нова България, 1876, 20); "...едно сигурно средство за укрепленіе на здравието имъ" (ж. Наука, 1883-1884, кн. 3-4, 328) и под. Некоторые из перечисленных выше слов устаревают в своих глагольных значениях в последние десятилетия. "Български тълковен речник" все еще приводит без пометы "остар." значения действия по глаголу таких существительных, как измерение, олицетворение, съпротивление, указание, упражнение и нек. др. См., например: "измерение... 1. Действие измерване..." (291); "олицетворение... *книж.* 1. Действие на глаг. олицетворя; олицетворяване..." (582) и т.п. Процесс утраты глагольных значений болгарскими именами на *-ние* продолжается. В значениях дей-

ствия по глаголу эти существительные вытесняются из употребления, в первую очередь, однокоренными образованиями на *-не* (предлагане, предсказване, съчиняване, убеждаване, укрепване и под.), а также именами на *-а*, если такие имеются (просвета, съпротива). Заменившее существительное на *-ние* в его глагольном значении имя может соотноситься с другим глаголом. См., например, посочване, показване вместо указание (не указване из-за постепенного выхода из употребления русизма указвам); сключване на мир вместо заклучение на мир (не заклучване из-за архаизации значения “вступать в соглашение о чем-либо, официально принимать, подписывать договор о чем-либо” у глагола заклучвам).

Касааясь проблемы семантического развития распространенных в болгарском языке в результате церковнославянского и русского языкового влияния существительных на *-ние*, К. Попов замечает: «Българският книжовен език се е отнесъл творчески към заетите от руски език отглаголни съществителни на *-ние*. Той е освободил в много случаи тия съществителни от конкретното значение, което може да се изрази чрез съответното народно съществително на *-не*. Например руското отглаголно съществително падение има две значения – конкретно «падане на предмет» (падение снаряда) и абстрактно — «нравствено или битово разложение». Българският книжовен език възприема това съществително само с второто, абстрактното значение, защото първото, конкретното значение той може да изрази с народното отглаголно съществително на *-не* (падане), например: падане на камък, но: падение на човек»⁸². Сравните также семантику болгарских слов преклонение, терзание и значения их русских параллелей. Если болгарские существительные используются в современном языке только со значениями соответственно “глубокое уважение, благоговение”, “нравственное страдание, мука”, то русские имена преклонение и терзание, помимо абстрактных значений, имеют также значение действия по глаголу (см. МАС, III, 377; IV, 357).

Нередко существительные на *-ние* закрепляются в болгарском языке только в своих терминологических значениях. Так, слова наклонение, склонение употребляются в настоящее время единственно как термины грамматики,

слова приближение, умножение – как термины математики, имена съпротивление, ускорение – как термины физики. Сравните многозначность русских существительных наклонение, склонение, приближение, умножение, сопротивление, ускорение.

В большом количестве случаев болгарские имена на *-ние* сохраняются в языке во вторичных значениях, связанных с глагольным действием как средство его осуществления, его объект или результат, его производитель: допълнение, достижение, насаждение, население, обозначение, объявление, определение, писание, поздравление, построение, постыпление, предписание, предсказание, произведение, решение, съчинение, уведомление, удостоверение, учреждение и др. Само действие по глаголу, как уже отмечалось выше, называют существительные на *-не*. Аналогичный процесс семантической дифференциации отглагольных имен наблюдался в русском литературном языке XIX века. В этот процесс были вовлечены существительные с суффиксом *-ние*, образованные от совершенновидовых глагольных основ и от соотносительных с ними основ глаголов несовершенного вида на *-ва-*, *-ива-*. За образованиями от глаголов совершенного вида закреплялись предметные значения, а за именами, образованными от глаголов несовершенного вида, – процессуальные: расписание – расписывание, издание – издавание, удобрение – удабривание и под.⁸³

Вторичные (неглагольные) значения болгарских существительных на *-ние*, входящих в рассматриваемую группу, и вторичные значения их русских параллелей в большинстве случаев совпадают. Нередко, однако, отмечается неполное соответствие значений сопоставляемых имен. См., например, отсутствие значения “строй, расположение в строю” у болгарского слова построение и его наличие у русской параллели (МАС, III, 325); ср. болг. строй. См. значение “затрудненное, стесненное положение, состояние” русского существительного напряжение (МАС, II, 385) и отсутствие этого значения у болгарского имени напрежение. См. результирующее значение “узкая часть чего-либо” болгарского существительного стеснение – ср. значение “сузить, заузить” глагола стесня – и отсутствие этих значений у русских слов стеснение, стеснить (ср. рус. су-

жение, сузить). См. также неполное совпадение вторичных значений болгарских имен заклучение, обкръжение, обрашение, отделение, предложение, разположение, събрание, течение и др. и их русских параллелей.

Русские отглагольные имена на *-ние*, не имеющие в современном литературном языке значений действия или состояния по глаголу, и их болгарские параллели

В современном болгарском языке параллели указанных русских существительных также не используются с глагольными значениями. См. семантику имен благоухание, внимание, възделение, възвание, възклицание, възмущение, възхищение, въстание, дарование, достояние, желание, завещание, заседание, затруднение, заявление, звание, здание, зрение, изваяние, извинение, изстъпление, изумление, имение, мнение, название, назидание, наименование, намерение, наслаждение, настроение, недоразумение, обаяние, обоняние, омерзение, опасение, опълчение, осезание, отношение, очертание, поведение, подозрение, пожелание, пожертвование, позволение, показание, положение, послание, постановление, похождение, прегрешение, предание, предзнаменованье, предназначение, предположение, предразположение, предубеждение, презрение, пренебрежение, престъпление, привидение, призвание, прилежание, попечение, провидение, разочарование, разписание, разстояние, растение, сияние, сказание, снизхождение, сражение, страдание, съглашение, съотношение, състрадание, творение, търпение, уважение, ударение, умиление, усмотрение и др.

Определенная часть русских существительных рассматриваемой группы использовалась со значением действия по глаголу еще в XIX – первой половине XX века. См., например: “Хлопуша сделался ему необходим. Пугачев наименовал его полковником и поручил ему... возмущение заводов. Пушкин, История Пугачева” (МАС, I, 201); “ – Скажи, какие заклинанья Имеют над тобою власть? – Все хороши: на все призванья Готов я как бы с неба пасть. Пушкин, наброски к замыслу о Фаусте” (там же, III, 409); “И во сколько раз торжественный покой выше всякого вол-

неня мирского, во сколько раз творенье выше разрушенья. Гоголь, Портрет” (там же, IV, 344); “...нет камня, более пригодного для изваяния идеализированных фигур. Ферсман, Очерки по ист. камня” (БАС, V, 104-105). В этот период с глагольным значением еще употреблялись и существительные воззвание, восстание, дарование, наказание, показание, положение, прегрешение и др. В первой половине XIX века устаревает глагольное значение слова растение (см. его позднюю фиксацию словарем Даля: “Растенье ср. расть или ростъ м. состоянье по глг., усвоенье пищи въ свою плоть, въ вещество” IV, 76). Еще ранее, к концу XVIII – началу XIX века, утрачивают глагольные значения существительные внимание, восхищение и др.

В Словарной картотеке Института болгарского языка хранятся примеры использования во второй половине XIX века с глагольным значением большей части тех болгарских имен, для русских параллелей которых в XIX столетии еще были актуальны значения действия по глаголу. См., например: “Септимій Северъ поддържалъ въ арміята строга дисциплина, но съ сичко туй той знаилъ да привърже къмъ себе си солдатытѣ съ увеличеніе на тѣхната заплата и съ дарованіето на разны привилегіи” (Н. Михайловски, Ръководство към всеобщата история, (перевод), 1873, I, 279-280); “...за наказаніе на подсъдимый...” (Временни правила за устройството на съдебната част в България, 1878, 122); “...а Унни-ти дошли (по призваніе въ Кроятно Стилихонно) съ самага царя своего Влада...” (Г. Кръстевич, История българска, I, 1871, 183) и под. Следует, однако, помнить, что под книжной формой на *-ние* могло “скрываться” использующееся со значением действия народное существительное на *-не*. Книжный суффикс *-ние* в составе “олитературенного” народного имени выполнял чисто стилистическую функцию. Сравните: “Сичко това, сир. растеніето, затлъстяваніето и увеличеніето, произлазя отъ туй, дѣто дѣтето поглъща млѣкото на майка си...” (Читалище, 1872, кн. 13, 567) и “Споредъ дѣтинската вржсть, храненето трѣбува да бжде сьвгашъ отредено споредъ растенето на лицето...” (И. Богоров, Селският лекар, 1875, 8).

Многие болгарские существительные данной группы не соотносятся в современном языке с глаголами из-за их отсутствия. См., например, имена въжделение, възвание,

обоняние, послание, сказание, снисхождение, усмотрение. Соотносительный глагол при существительном на *-ние* часто отсутствует и в современном болгарском, и в современном русском литературном языке. См. русские и болгарские имена зрение, недоразумение, предзнаменованье, предубеждение, рус. расстояние, болг. разстояние и др. Выход из употребления русских мотивирующих глаголов происходил в различные периоды развития языка. Некоторые из этих глаголов еще фиксируются современными толковыми словарями как устаревшие. См..., например, зреть, предзнаменовывать, предубедить (МАС, I, 622; III, 365, 373). Соотносительность имени на *-ние* с глаголом может наблюдаться только в болгарском языке: назидание – назидавам, обаяние – обайвам (обая), прегрешение – прегрешавам (прегреша). Древнеболгаризмы назидать, обаять, прегрешать (прегрешить) в русском литературном языке вышли из употребления. См. также отсутствие у современного русского глагола предать значения, с которым могло бы соотноситься существительное предание (“устный рассказ, легенда”), и наличие такого значения у болгарского глагола предавам (предам) – см. БТР, 757.

Значения русских и болгарских имен рассматриваемой группы могут не совпадать полностью. Так, например, русское существительное показание используется в настоящее время со следующими значениями: 1. “свидетельство, по которому можно судить о чем-л. Расхождения в показаниях литературных источников”; 2. “ответ на допросе; сведения, сообщаемые на допросе. Показания свидетелей. Дать показания”; 3. “величина чего-л., показываемая измерительным или счетным прибором. Показания барометра”; 4. “Мед. Состояние организма или отдельный признак, указывающие на возможность, допустимость, необходимость какого-л. лекарства, лечения, пребывания где-л., *противоп.* противопоказание. Показания к операции” (МАС, III, 243). В современном болгарском литературном языке существительное показание не имеет четвертого, терминологического значения, свойственного русскому имени. Кроме того, первое значение, еще фиксируемое Болгарским толковым словарем («данни, по които се съди за нещо; материал,

който сочи, показва нещо. Това писмо е вече добро показание» БТР, 691), в языке последних десятилетий устаревает. В настоящее время это значение выражается словом свидетелство.

Некоторые болгарские параллели однозначных в современном русском литературном языке существительных многозначны. Русское имя исступление используется со значением “крайняя степень душевного возбуждения, сопровождающаяся потерей самообладания; неистовство” (МАС, I, 687). Болгарское существительное изстъпление, помимо указанного, имеет также значение “Обикн. мн. Действия, постъпки, извършени в такова състояние; насилие, издевателства... // Груба разправа, жестоко насилие; издевателство” (РБЕ, VI, 662). В современном болгарском литературном языке имена благоухание и възхищение употребляются со значениями соответственно: “1. Приятен на миризма, дъх; благовоние, аромат. <...> 2. Само мн. Ароматични вещества, масла, благовония” и “1. Силно чувство, при което се изпитва удовлетворение, удоволствие във висша степен и което е свързано обикн. с голяма естетическа наслада; възхита. <...> 2. Обикн. мн. Думи, с които се изразява такова чувство” (РБЕ, I, 645; II, 606-607). Русские существительные благоухание и восхищение в современном языке имеют лишь первые значения, однако в предшествующие периоды развития языка им были свойственны и вторые. Словарь русского языка XVIII века так толкует значение слова благоухание: “Приятный запах, аромат; испускание аромата... // Благовонное вещество; фиам” (II, 55); сравните в словаре Даля: “благоуханіе ср. пріятный духъ, запахъ, благовоніе, пахучесть, душистость; // во мн. ч. ароматы, вещества душистыя; куренія” (I, 95). Смотрите также, как описывает Словарь русского языка XVIII века одно из значений существительного восхищение: “Высшая степень удовольствия, удовлетворения, радости (ср. фр. *gavissement*)... // мн. Выражения, знаки удовольствия, восторга... Восхищения, положение, вздохи и вид Испанца так устрашили двух нимф., что онѣ попрятались на чердак. Пельск. Кум I 130” (IV, 100). Таким образом, мы имеем дело со случаями, когда болгарские имена на *-ние* сохраняют значения, утраченные их русскими параллелями.

Часть болгарских существительных с суффиксом *-ние*, русские параллели которых используются в современном языке только с неглагольными значениями, устарела: веление, даяние, повеление, приношение и нек. др. Русские соответствия приведенных болгарских имен не нейтральны и употребляются в настоящее время с определенными стилистическими целями. Значительно реже устаревает русское отглагольное существительное на *-ние*, а его болгарская параллель продолжает использоваться в качестве нейтральной или книжной языковой единицы. См. выход из употребления русских слов дерзновение, знамение и использование в современном болгарском языке имен дръзновение, знамение.

Сопоставление семантики русских существительных на *-ние*, использующихся исключительно со значением действия или действия и состояния, с семантикой их болгарских параллелей, а также сравнение значений последних со значениями имен на *-не* приводит к следующему заключению. Болгарские имена с суффиксом *-ние* в значительно меньшей степени глагольны не только в сопоставлении с однокоренными образованиями на *-не*. Они более далеки от глагола и по сравнению со своими русскими параллелями.

В русском языке отглагольное существительное на *-ние* может обозначать действие в его течении и прошедшее, совершившееся действие. Той же способностью обладает определенная часть болгарских соответствий этих русских имен (унищожение, изтребление и нек. др.). Однако конкуренция с существительными на *-не*, характеризующимися яркой процессуальностью семантики, видовая противопоставленность глагольных основ конкурирующих имен обуславливает тенденцию к разграничению их значений: слово на *-ние* обыкновенно называет результативное действие, а существительное на *-не* – действие как процесс (сътворение – сътворяване, изпълнение – изпълняване). Несмотря на наличие подобной тенденции, семантическая дифференциация однокоренных имен чаще всего идет в другом направлении: существительное на *-не* продолжает служить наименованием отвлеченного действия, а слово с суффиксом *-ние*, теряя глагольные связи, развивает свое зна-

чение в сторону его “субстантивации” (лекуване – лечение, превъплътяване – превъплъщение, усложняване – усложнение и под.). Некоторые болгарские параллели русских слов, мотивируемых и невозвратными, и возвратными глаголами, соотносятся только с последними (изцеление, избавление и др.). Может наблюдаться соотнесенность имени на *-ние* лишь с определенными значениями невозвратного или возвратного глагола (освобождение, разложение и др.). Действие или состояние по другим его значениям называет однокоренное существительное на *-не*. Потеря болгарскими именами с суффиксом *-ние* связи с глаголом может приводить к утрате отдельных глагольных значений существительного (покушение). Некоторые болгарские параллели русских существительных, использующихся исключительно со значениями действия и состояния, развивают на болгарской почве неглагольные значения (превъплъщение, успокоение и нек. др.). Даже в тех случаях, когда болгарское имя на *-ние* обладает способностью называть действие по невозвратному глаголу, частота его использования по сравнению с русским соответствием меньше. Это связано с наличием в болгарском языке однокоренного образования на *-не*, чаще выбираемого для обозначения действия в его течении, и в отдельных случаях с функционированием в речи специально созданного по народной модели однокоренного имени на *-а*. Многие болгарские существительные с суффиксом *-ние*, использовавшиеся с глагольными значениями, в настоящее время устарели или устаревают (отъждествение, прекращение, появление, общение и др.). Употребление некоторых других имен ограничено рамками книжной речи (обновление, схранение, ридание, сътворение и под.).

Известная часть болгарских параллелей русских слов на *-ние*, кроме значений действия или состояния по глаголу имеющих и другие значения, также сочетает в своей семантической структуре глагольность и предметность. Отмечается полное (колебание, подражание, сравнение и др.) и неполное совпадение значений сопоставляемых имен. Часто при соотнесенности русского существительного с невозвратным и возвратным глаголом болгарское имя соотносится только с последним, а действие по невозвратному гла-

голу обозначает однокоренное существительное с суффиксом *-не* (деление, спасение, унижение и под.). Болгарское слово может употребляться с неглагольным значением, отсутствующим у его русской параллели (гадание), русское имя также может иметь неглагольное значение, которого нет у его болгарского соответствия (рус. повышение, болг. повишение; понижение; рус. утверждение, болг. утвърждение). Большая группа болгарских имен на *-ние*, русские параллели которых имеют глагольные и неглагольные значения, в современном болгарском литературном языке не называет действия или состояния по глаголу (встъпление, въоръжение, допълнение, извлечение, предложение, съобщение и мн. др.). За редкими исключениями, во второй половине XIX века эти существительные использовались и со значением действия. Впоследствии в глагольных значениях они были вытеснены из употребления именами, образованными по народной модели, в первую очередь существительными на *-не*. Многочисленны случаи, когда болгарские слова с суффиксом *-ние* сохраняются в языке в значениях, связанных с глагольным действием как его объект или результат, средство его осуществления, его субъект (допълнение, население, определение, построение, предприятие и под.). Часто болгарские параллели русских имен, использующихся с глагольными и неглагольными значениями, закрепляются в языке только в качестве терминов (наклонение, приближение, съпротивление и др.). Семантическое расподобие болгарских существительных на *-ние* и на *-не* аналогично наблюдающейся в русском литературном языке XIX века смысловой дифференциации отглагольных имен с суффиксом *-ние*, образованных от основ глаголов совершенного вида и от соотносительных с ними несовершенновидовых основ на *-ва-*, *-ива-*.

В современном болгарском литературном языке параллели русских существительных на *-ние*, не использующихся в настоящее время со значениями действия или состояния по глаголу, также не имеют глагольных значений (внимание, възмущение, достояние, заявление, название, настроение, обаяние и мн. др.). Материалы Словарной картотеки Института болгарского языка при БАН свидетельствуют о том, что во второй половине XIX века с гла-

гольным значением употреблялась большая часть тех болгарских слов на *-ние*, для русских параллелей которых в XIX веке еще были актуальны значения действия по глаголу (дарование, призвание и др.). Соотносительный глагол при существительном этой группы может отсутствовать и в современном русском, и в современном болгарском литературном языке (рус. и болг. недоразумение, предубеждение и др.) или только в болгарском (възжеление, възвание, послание и др.) и (реже) только в русском языке (назидание, обаяние, прегрешение). Болгарское имя на *-ние* может иметь меньше значений, чем его русская параллель, в то же время существительные с этим суффиксом могут развивать новые или сохранять те значения, которые утрачены их русскими параллелями.

На протяжении всей истории семантического развития категории отглагольных существительных на *-ние* в русском литературном языке проявляется стремление этих имен освободиться от «отягощающей их значение глагольности»⁸⁴. В современном языке существительные на *-ние* семантически неоднородны, обозначение отвлеченного действия по глаголу уже не является общим категориальным признаком, способным поддерживать целостность этого разряда слов. В болгарском литературном языке в силу специфики его лексической и грамматической систем, а в известной степени и в результате нормализаторской деятельности болгарских лингвистов и литераторов, процесс отхода имени на *-ние* от глагола ускоряется. Следствия этого процесса очень существенны. Неглагольность болгарских отглагольных существительных с суффиксом *-ние*, их стилистические свойства, особенности данной словообразовательной модели учитываются современными исследователями, например Е. Георгиевой, констатирующей неправомочность объединения этих имен и слов на *-не* в одну группу отглагольных существительных⁸⁵.

Глава III

Семантическое развитие отглагольных имен на *-не* в современном болгарском языке

Существительные на *-не* как целостная категория характеризуются своей тесной связью с глаголом, процессуальностью значения. Основная их функция – выражение отвлеченного действия по значению глагола несовершенного вида. Тем не менее определенная часть имен на *-не* развивала и продолжает развивать вторичные, неглагольные значения, на что уже не раз обращали внимание исследователи⁸⁶.

I. В последние десятилетия намечается тенденция к развитию у ряда отглагольных существительных на *-не* различного рода результативных, непроцессуальных значений. Для определенных лексико-семантических групп имен с суффиксом *-не* явление “субстантивации” становится достаточно характерным. В первую очередь оно затрагивает часть существительных, образованных от переходных глаголов и соответствующих им глаголов с возвратной морфемой *се*. Некоторые новые значения уже достаточно прочно закрепились в языке, о чем свидетельствует факт их фиксации современными толковыми словарями. Так, словари приводят результативно-отвлеченные значения существительных разбиране, схващане, виждане, образованных от обозначающих мыслительные действия глаголов разбирам, схващам, виждам (в значении “понимаю, осознаю, оцениваю”). См.: разбиране – “Начин, по който човек разбира нещата; схващане, идеология” (БТР, 837); схва-

шане – “Начин, по който човек схваща нещо; разбирање, становище” (БТР, 981); виждане -”схващане, отношение на някого (обикн. на художник, творец в дадена област на изкуството) към актуални въпроси, към естетически, философски и др. проблеми” (РБЕ , II, 177). См. также некоторые примеры использования этих слов: “...писатели, литературоведы, журналисти показваха, че се формира наистина ново разбирање за европейски дом и свят без граници...” (газ. Вечерни новини, 1990, 8 июня); “Според Г. Фингарет от Световната здравна организация това схващане е опасно заблуждение” (газ. Орбита, 1990, 3 марта); “Д. Сирков: Мисълта ми е, че в партията има сили, които отстояват свое виждане и го защитават в рамките на възможното. Друг е въпросът, че, реално погледнато, това виждане е обречено” (газ. Дума, 1990, 22 мая).

В истории любого языка необходимость в выражении новых понятий всегда влечет за собой появление и распространение в этом языке (вследствие заимствований из других языковых систем или в результате производства с помощью собственных словообразовательных средств) новой лексики. В пополнении словарного состава новоболгарского литературного языка абстрактной лексикой значительную роль, как известно, сыграл церковнославянский и позднее русский язык, причем в известном количестве случаев при посредничестве церковнославянского и русского в новоболгарский литературный язык возвращалась лексика староболгарского происхождения. Сильное церковнославянско-русское языковое влияние имело большое значение, в частности, для формирования в новоболгарском литературном языке категории отглагольных существительных с суффиксом *-ние*. Эти имена в своих глагольных значениях не могли конкурировать с народными образованиями на *-не*, обозначающими отвлеченное действие по семантике соответствующего глагола. Поэтому основная часть закрепившихся в современном языке существительных с суффиксом *-ние* используется с различного рода непроецессуальными значениями. К определенному периоду в истории языка в его словарной системе закрепились лексические пары, состоящие из глагола и производного имени на *-ние* с результативно-отвлеченным или результативно-конкретным значением. Что касается

интересующих нас глаголов, обозначающих мыслительные процессы, то при многих из них для выражения результативных непроцессуальных значений употребляются производные имена на *-ние*: предполагам, предположа – предположение; решавам, реша – решение; разрешавам, разреша – разрешение; определям, определя – определение (см. также при ряде глаголов, заимствованных из западноевропейских языков: характеризирам – характеристика; дефинирам – дефиниция), но: разбирам – ? схващам – ? виждам (“понимаю, осознаю...”) – ? В современном болгарском языке не образуются новые слова с помощью суффикса *-ние*. Сам суффикс воспринимается как структурная особенность слов, основная часть которых распространилась в литературном языке в результате церковнославянско-русского влияния. Поэтому необходимость в выражении результативно-отвлеченного значения приводит к семантическому развитию отглагольных существительных на *-не*.

Зафиксирована современными словарями многозначность существительного усещане. Это слово развило значения: а) “результат воздействия на органы чувств явлений объективного мира”; б) “испытываемое кем-либо чувство, впечатление, состояние”. “Български тълковен речник” объясняет эти значения таким образом: «1. Възприятие, предизвикано от въздействието на външен дразнител върху някой от сетивните органи... 2. Преживяване» (1048). См. использование слова в речи: а) Усещанията са източник на познанието; б) “Как ръководството на “Универсални магазини” да потуши в себе си усещането, че е нарушител...” (газ. Отечествон фронт, 1990, 9 марта). Добавим также, что слово усещане, являясь философским термином, имеет и терминологическое значение – “элементарная форма чувственного познания”.

Существительное предусещане может употребляться как синоним слова предчувствие, которое словарь толкует так: “чувство, че нещо може да стане, да се случи” (БТР, 763) – Имам предусещането за щастлив завършек.

В последнее время наблюдается употребление слова пресилване в качестве синонима существительного преувеличение в результативном значении “то, что преувеличено, чему придано чрезмерно большое значение”: В разказа му могат да се забележат редица пресилвания.

Развилo вторичное значение существительное предвиждане – “предварительное суждение, основанное на вероятности чего-либо, предположение”: “Откъде идват предвижданията за учителските съкращения?” (газ. Труд, 1990, 1 июня).

Для слова класиране типично употребление с результативным значением “порядок расположения, размещения спортсменов в турнирной таблице в соответствии с показанными результатами”: “...нашият отбор няма да завоюва първото място, почти е сигурно, че няма да сме и втори в класирането” (газ. Отечествон фронт, 1990, 9 марта).

Фиксируется современными словарями результативное, конкретно-предметное значение отглагольного существительного изследване – “научно съчинение, в което се изследва някой въпрос” (БТР, 306): “Книгата на Тодор Божиков би трябвало да бъде включена в учебните програми на висшите учебни заведения, защото към многото ѝ достоинства трябва да прибавим, че е пример за действительно сериозно научно изследване” (газ. Орбита, 1990, 3 марта). Очевидно, не существует препятствий для развития предметного значения и у существительного проучване, образованного от глагола, семантически близкого глаголу изследвам.

В речевой практике последних десятилетий развились и закрепились результативные значения у отглагольного существительного изказване. См. употребление этого слова в значениях а) “высказанное суждение, мнение по тому или иному вопросу” и б) “публичное выступление, речь, доклад, заявление”⁸⁷: а) “Президентът Войчех Ярузелски научи, че в информацията за неговата среща с ръководството на Съюза на демократичните сили в България е било цитирано по неточен начин, извадено от широкия контекст, неговото изказване на тази среща. Президентът смята, че изваденото изказване може да бъде интерпретирано грешно” (газ. Дума, 1990, 30 мая); “...четох в пресата Вашето изказване за предложението на президента – ще го подпиша...” (газ. Дума, 1990, 22 мая); б) «В своето встъпително изказване Жельо Желев открил различията в основните позиции на делегациите» (газ. Работническо дело, 1990, 30 января).

Развивается резултативно, непроецесуално значение у существительного тълкуване. Сравните примеры употребления этого слова со значением действия и значением “то, что толкует, объясняет что-либо”: “Към едно по-широко тълкуване на този проблем ме насочва доцент Вълко Мавров...” (газ. Орбита, 1990, 10 март) и “Разяснения и тълкувания по практически въпроси по подготовката на изборите и отчитането на резултатите от тях даде секретарят на централната комисия Димитър Попов” (газ. Труд, 1990, 1 юния). В первом примере глагольность имени поддерживается наличием при нем существительного с предлогом *на*, выражающего объект действия⁸⁸. Во втором примере отглагольное имя теряет значение процессуальности независимо от формы множественного числа. Дополнение при нем отсутствует, а семантика имени конкретизируется с помощью несогласованного определения. Само существительное на *-не* занимает позицию прямого объекта, в которой степень глагольности производных имен снижается.

Отдельные существительные на *-не* реализуют свои неглагольные значения лишь в форме множественного числа. “Български тълковен речник” приводит уже достаточно прочно закрепившееся в языке предметное значение слова спестяване – “спестени пари или друго нещо” (953). См. использование слова с этим значением в речи: “Тези данни опровергават, че 80 на сто от всички спестявания се пазят в три на сто от банковите влогове” (газ. Отечествен фронт, 1990, 9 март).

Для развития и закрепления в языке новых, неглагольных значений существительных на *-не* важны как непосредственные синтаксические связи этих имен в предложении, так и широкий семантический контекст. Так, например, контексты типа «Друга група от същата организация късно снощи се събра и на “Орлов мост”, остана там цяла нощ и до момента не са се разотишли. Поради тяхното струпване движението на моторни превозни средства и на градския транспорт е спряно...» (газ. Вечерни новини, 1990, 13 юния) создают условия для развития у слова струпване значения “большое количество собравшихся, скопившихся где-нибудь людей, предметов”.

Регулярно реализуется результативное значение у существительного задръстване – “мешающее нормальному уличному движению скопление транспорта”: Полицията безуспешно се опитваше да разчисти задръстването.

Частое употребление с результативными значениями характерно для имен на *-не*, образованных от переходных глаголов, обозначающих физические воздействия человека, природных сил и т.п. на объект, или от глаголов, противопоставленных первым по категории залога. Такое отглагольное существительное часто называет видимый материальный след, повреждение, нанесенное объекту в результате того или иного физического воздействия. Например: “В Русе са съборени две къщи, 28 жилища са повредени до необитаемост, опасни са пропукванията по стените на трета поликлиника и на една аптека...” (газ. Дума, 1990, 1 июня). Контекст помогает реализации именем результативного значения и при наличии компонента предложения, выраженного существительным с предлогом *на*: «Напуквания на мазилки и други по-леки поражения има във Варненска и Ловешка област» (газ. Дума, 1990, 31 мая). Выражая результативные, неглагольные значения, подобные существительные вступают в конкуренцию с отглагольными именами, которые созданы по модели, специально предназначенной для образования слов, называющих предмет — результат действия. Ср.: пукнатина, цепнатина. Существительные на *-не*, способные в определенных контекстах реализовать результативно-конкретные значения, являются, как правило, образованиями от префиксальных глаголов: спукване, одраскване, ожулване, назъбване, нащърбяване, сбръчкване, сплъстяване и т.п. Среди этих имен выделяется группа слов, при определенных условиях обозначающих различного рода поражения человеческого тела, его органов: увреждане, изкривяване, нараняване, порязване, цепване, натъртване, обгаряне, изгаряне, изкълчване, навяхване, счупване, разкъсване, преплитане, заплитане. Для перечисленных имен характерна ярко выраженная тенденция к терминологизации. Поскольку эти существительные называют изменения, являющиеся признаками и причинами того или иного болезненного состояния, они активно используются для обозначения диагноза: изкривяване на гръбначния стълб; вродено

изкълчване на тазо-бедрената става; разкъсване на тъканите, на лицевия нерв; преплитане, заплитане на червата. См. употребление таких имен в речи: “Четири етажа в сграда, която прилича удивително на затвор, са пълни с хора, които след престоя си там могат да получат психически увреждания” (газ. Демокрация, 1990, 9 юния); “На никотинова основа се явяват масови и често пъти фатални сърдечносъдови и други болести: инфаркт на миокарда, хронични бронхити, енфиземи, язвена болест, увреждания на човешкия плод и много други” (газ. Дума, 1990, 30 мая); “...в гр. Толбухин, Девня, Свищов и в други градове граждани със счупвания, наранявания и в стресово състояние са потърсили спешна медицинска помощ” (газ. Дума, 1990, 31 мая); “Един съгрудник на охраната, пътувал заедно с него, и един от пътниците в автобуса са получили леки натъртвания” (газ. Дума, 1990, 1 юния); “Диагнозата: цепване на горната устна от твърд предмет” (газ. Дума, 1990, 30 мая).

Имена срутване, свличане, натрупване, напластяване, наслояване могат обозначат образования, возникшие в результате прошедшего процесса: Работниците трябваше да разчистят срутването в тунела (свличането на завоя); Правилната интерпретация на това положение е затруднена от съществуващите смислови напластявания (наслоявания). Два последних слова успешно конкурируют с русизмом наслоение, и в этой конкуренции у них, очевидно, больше шансов на “выживание”. Существительное натрупване реализует свое неглагольное значение, например, в составе толкования, данного Словарем современного болгарского литературного языка (РСБКЕ) одному из значений слова наслоение: “*Геол.* Почвено натрупване от утаечен производ, което се състои от редица пластове, разположени един върху друг” (II, 193).

Существительные на *-не* проявляли способность развивать резултативные неглагольные значения и в народном языке XIX века. См., как толкует словарь Н. Герова не известное в настоящее время литературному языку значение слова варене: “Гостба варена, вариво; пища, приготовленная посредством варения” (I, 108). Сравните также: “Бръкане... 8) Нѣчто забръкано, сгрѣшено за хранѣ на добытъкъ, кокошки и проч.; крѣма, крѣмъ” (словарь Н.

Герова, I, 77), причем от существительного в этом значении образуется даже уменьшительная форма бръканийце (см. там же).

II. Определенная часть существительных на *-не* может обозначать средство, с помощью которого осуществляется названное производящим глаголом действие. Это основное типовое значение обычно осложняется проявляющимся в разной степени значением результативности.

В настоящее время наблюдается синонимичное употребление существительных разпоредба и разпореждане. “Български тълковен речник” фиксирует данное значение слова разпореждане – “заповед, предписание” (853). См. использование существительного в речи: “Сред тях е “добро старо” Разпореждане 103 на Министерския съвет от 1972 година...” (газ. Отечествен фронт, 1990, 9 марта). Очевидно, значение “приказ, постановление, имеющее силу закона” правомерно было бы выделить в качестве оттенка к основному неглагольному значению слова разпореждане – “указание, приказание, наставление”: «Крум Константинов... дал разпорежданията си на старши маневриста Христо Синевков» (газ. Антени, 1990, 7 марта). С этим же значением используется и слово нареждане: “Такъв телекс не сме изпращали, нито други писмени или устни нареждания в тази насока” (газ. Дума, 1990, 22 мая). Данное значение фиксируется уже Словарем современного болгарского литературного языка (РСБКЕ). По данным словаря, существительное с этим значением является омонимом имени с глагольной семантикой: “Нареждане² Заповед, разпореждане” (II, 185). “Български тълковен речник” не приводит этого слова, хотя в толковании одного из значений существительного наредба слово нареждане используется как его синоним: “наредба... Упътване, указание, нареждане за начина, по който трябва да се върши нещо” (508). Что касается существительного упътване, то словарь приводит несколько его неглагольных значений: “2. Указание, насока. 3. Наставление, съвет. 4. Книга с указания; ръководство” (БТР, 1047).

В современном языке идет процесс закрепления новых, неглагольных значений у существительного искане. При определенных синтаксических условиях это слово означает “желание, высказанное желание, просьба, настояние,

требование”. Процессуальное значение существительного поддерживается в предложении наличием объекта действия – дополнения, выраженного именем с предлогом *на*: “Не се смущаваме, посочи Андрей Луканов, от искането на информация за имуществото и финансовото състояние на партията...” (газ. Работническо дело, 1990, 30 януаря). В других условиях, даже при сохранении существительным искане глагольных связей, между ним и членом предложения (придаточной частью), называющим объект, устанавливаются объектно-определительные или предикативные отношения, а глагольность имени на *-не* уменьшается: “Тогава беше приета декларация с искане да се намали на половина изхвърлянето на опасни отпадъчни продукти и замърсители в акваторията на крайбрежните държави” (газ. Отечествен фронт, 1990, 9 марта); «Основното искане на новата републиканска Скупщина е пълният суверенитет на Словения» (газ. Дума, 1990, 30 мая). Поскольку просьба или требование часто выражаются в письменной форме, слово искане может употребляться для обозначения конкретного официального документа: Депозирахме искането си в Народното събрание; “...няма да е зле всички, които са на същото мнение, да подпишат горното искане, та да бъдем повечко” (газ. Дума, 1990, 28 мая).

К слову искане близко по семантике существительное изискване, которое используется в настоящее время со следующими неглагольными значениями: а) обычно в форме мн. ч. “требования, нормы, условия, которым должны соответствовать кто-либо или что-либо”; б) чаще в форме мн. ч. «налагаемые кем- или чем-либо и обязательные для выполнения правила»⁸⁹; в) обычно в форме мн. ч. “стремления, потребности, запросы” — а) “И с новия главен редактор Евгений Станчев, и с новите пожелания и изисквания на журналистическата колегия “Поглед” ще продължава да работи както винаги” (газ. Поглед, 1990, 5 февруаря); б) “От началото на тази година музикантите, които правят записи в произволно английско студио, ще трябва да намалят силата на звука или пък да носят шумозащитни наушници. Това е изискване на закона, приет неотдавна в страната...” (газ. Орбита, 1990, 10 марта); “Нали имаме конституция и закони и изборите следва да се проведат в съответствие с техните изисквания?” (газ. Дума, 1990, 30 мая);

в) "...в бъдеще германските действия ще се обуславят от военните изисквания..." (газ. Вечерни новини, 1990, 7 марта).

Существительное питане, помимо процессуального, имеет и значение "конкретный вопрос, конкретное обращение, требующее ответа, разъяснения": "Питането е: "защо господата от неподписалите партии и движения не зачитат четиримиллионния вот на доверие към това споразумение?" (газ. Дума, 1990, 30 мая). См. еще у И. Вазова: "Третата ученичка отговори съвсем друго: тя не разбира питането" (С питане Цариград се стига)⁹⁰. Как синоним слова питане используется существительное запитване: "За това е бил уведомен и г-н Божков от Градския координационен център на СДС в отговор на неговото запитване" (газ. Дума, 1990, 12 июня). Слово запитване чаще обозначает «вопрос, заданный официально, официальное обращение, требующее объяснений, оглашения каких-либо сведений»⁹¹.

У существительного оплакване прочно закрепилось в языке и фиксируется словарями значение "официальное заявление, устное или письменное, излагающее факты незаконных действий какого-либо лица или организации". "Български тълковен речник" толкует это значение следующим образом: "устно или писмено възражение срещу някоя нередности; жалба" (587). См. использование слова с этим значением в речи: "...до 20 часа нито един компетентен орган не бе получил официално оплакване за нарушения" (газ. Дума, 1990, 12 июня).

В контекстах типа "Попададох обжалване до Върховния съд", "В съда постъпиha няколко обжалвания" отглагольное существительное реализует значение "официальная жалоба, подаваемая в высшую судебную инстанцию с просьбой о пересмотре несправедливого, по чьему-либо мнению, судебного решения".

Для обозначения документа, который позволяет военнослужащему получить билет на поезд, самолет, автобус бесплатно (по безналичному расчету), используется претерпевший процесс болгаризации русизм требване: Касирката поиска от войника железопътното му требване. Ср. одно из значений русского слова требование — «официальный документ с просьбой о выдаче чего-н., направле-

нии кого-чего-н. куда-н.» (Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1984, с.701).

Устаревает в современном болгарском литературном языке вторичное значение существительного баяне – “думи, изречения, с които се бае; баянка” (РСБКЕ, I, 38). Сравните также в Словаре болгарского языка (РБЕ): “*Само мн. Тайнствени заклинателни думи, изрази, с които се бае*” (I, 443; там же см. примеры).

Получило семантическое развитие слово мъмрене. Новое его значение “Български тълковен речник” объясняет так: “леко наказание с думи, лек укор” (477) – “Посочва се, че това е установено по безспорен начин, за което е санкциониран с 250 лева и е наказан със строго мъмрене” (газ. Дума, 1990, 5 июня).

“Речник на съвременния български книжовен език” приводит неглагольное значение слова плащане – “*обикн. мн. Сума, която трябва да се плати*” (II, 507). Используется со вторичным значением и существительное заплащане – “уплачиваемые за что-либо деньги, вознаграждение за труд”: “В средата на май искат половината от уговореното заплащане, но господарите не бързат” (газ. Дума, 1990, 7 июня).

Средство осуществления действия, обозначенного производящим глаголом, может называть заимствованное из русского языка и прошедшее процесс болгаризации существительное оборудване. См., как толкует значения этого слова “Български тълковен речник”: “1. Снабдяване, обзавеждане на стопанско или друго предприятие с машини, уреди и под. 2. Самите машини и уреди” (564) – “...с износеното оборудване производителят може да осигури дървесни плочи само за предприятията в... своята фирма” (газ. Работническо дело, 1990, 30 января). Очевидно по аналогии со словом оборудване, развивается предметное значение у слова обзавеждане – “мебель, предметы различного назначения, поставленные в жилых и иных помещениях; обстановка”: “...Висшият съвет на Българската социалистическа партия предоставя на държавата партийно имущество – 51 сгради, обзавеждане и други основни средства на стойност около 250 млн. лева” (газ. Дума, 1990, 5 июня); “Ще се демонстрират първите български видеомагнетофони, пълно обзавеждане на дискотеки, телевизори,

електронни игри, спортни артикули и др.” (газ. Поглед, 1990, 5 февраля).

Д. Димов в статия “Наблюдения върху значението и употребата на отглаголните съществителни имена на *-не*” замечта, что использование имен на *-не* для обозначения предмета, с помощью которого совершается действие, широко распространено в стиле технической литературы⁹². Автор приводит толкования, данные терминам електрическо задвижване и акумулаторно запалване Краткой болгарской энциклопедией (Кратка българска енциклопедия, 1964). См. соответственно: “устройство за привеждане в движение на механизъм или машина, при което за източник на механична енергия служи електродвигател” (II, 289) и “уредба за запалване чрез електрическа искра на горивната смес в двигателите с вътрешно горене” (I, 46)⁹³.

Как видно из приведенных выше примеров, имена на *-не*, обозначающие средство, с помощью которого осуществляется названное глагольной основой действие, образованы от переходных, за редким исключением (см. оплакване – от оплаквам се), глаголов различных семантических групп.

III. Часть имен на *-не*, образованных от переходных глаголов, может называть объект действия, обозначенного мотивирующим глаголом.

Уже словарь Н. Герова приводит вторичные, неглагольные значения слов ядене («ядало, ядба, ядиво, яло, ястие, храна» V, 610; ср. современное толкование: “2. Храна, ядиво. 3. Отделен вид храна на обед, вечеря” БТР, 1129), пиене (“вино, ракиа, всичко что е за да ся пие; пиево” IV, 29). “Български тълковен речник” не приводит слова пиене, несмотря на то что в разговорной речи вторичное значение этого существительного сохраняется (Дай да прием по едно пиене). Находим это значение в Словаре современного болгарского литературного языка (РСБКЕ): “пиене... 2. Питие. Дай по едно пиене на всичките! – поръча неочаквано Вълко. Орлин Василев” (II, 491). Словарь Н. Герова отмечает также неглагольные значения слова имане (см. II, 326), отличающегося от существительного с процессуальной семантикой местом ударения. См. толкование значений этого слова современным словарем: “имане ср. 1. Съкровище, главно под форма на златни пари и скъпоценни предмети. 2. Закопано и забравено съкровище в земята. 3. Имун-

щество в пари, земя, добитък, стока и пр.” (БТР, 314). В современном языке используется с предметным значением и слово пране – «дрехи, които ще се перат или са наскоро прани» (БТР, 751). Вторичное значение существительного предаване – “то, что передается, транслируется по телевидению, радио” – реализуется в контекстах типа: “Добро утро” – информационно-музыкально предаване; Предаването е подготвено за излъчване от главна редакция “Забава”.

IV. Некоторые имена с суффиксом *-не* могут обозначать производителя, субъекта действия, названного мотивирующим глаголом, или совокупность таких субъектов. Так, существительное командуване в определенных контекстах имеет значение “лица, стоящие во главе войск, воинских частей, подразделений, военного судна”: “Според висшето военно командуване на страната сградата на Министерството на отбраната, около което се водиха тежки боеве, е в ръцете на правителствените войски” (газ. Вечерни новини, 1990, 7 март); «Преди известно време командването на самолетоносача “Карл Уинсън” използва експериментална хипермедия за управление на кораба» (газ. Орбита, 1990, 10 март). Данное значение “Български тълковен речник” объясняет следующим образом: «Главное руководство, генерален щаб на вооружените силы на една държава или на голяма военна единица» (369).

Развилo вторичные значения существительного разузнаване — а) “войсковое подразделение, группа, осуществляющая сбор сведений о противнике”; б) “организация, занятая сбором информации о политическом и экономическом положении других стран, их военном потенциале и т.п.”: Артиллерийското разузнаване насочваше огъня на батареите; “Пакистански представител отхвърли обвиненията, че разузнаването на страната е пряко замесено в опита за преврат в Кабул” (газ. Отечествон фронт, 1990, 9 март). Вторичные значения существительного разузнаване фиксирует “Речник на съвременния български книжовен език”: “Служба във войската, която събира сведения за противника и ги проучва, за да осигури бойните действия... // Служба за събиране на поверителни сведения” (III, 75).

V. Отглагольное существительное на *-не* способно обозначать место действия, названного производящим глаго-

лом. См. толкование одного из значений слова четене – “Литературна вечер, на която артисти или писатели рецитират или декламираат художествени произведения” (РСБКЕ, III, 618). Ср.: “Съобразно находчивостта и ентузиазма на участници и организатори тя [олимпиадата] може да се превърне във философски диспут, в четения или просто в празници на духовността” (газ. Орбита, 1990, 10 март).

VI. Имена на *-не*, образованные от непереходных глаголов, в общенародном языке реже развивают новые, неглагольные значения. В этих случаях связь между семантикой глагола и значением производного имени могут характеризовать причинно-следственные отношения, иногда сложные и опосредованные.

В настоящее время отглагольное существительное заболяване активно употребляется в значении “болезнь, нарушение нормальной деятельности какого-либо органа и организма в целом”. “Речник на българския език” неверно связывает это значение только с формой множественного числа имени: “заболяване... 2. Само мн. Болест (в 1 знач.)” (V, 154). См.: “В някоя страна алкохолизмът официално е признат за заболяване...” (газ. Орбита, 1990, 3 март); “Донякъде това начало може да се оприличи с определяне на симптомите на тежкото заболяване, от което страда образователната ни система...” (газ. Поглед, 1990, 5 февруари). Вторичные значения существительного вярване, образованного от утратившего в современном языке свою переходность глагола вярвам, отмечаются толковыми словарями. Так, “Български тълковен речник” фиксирует значение “поверие” (115), а академичный “Речник на българския език” приводит значения “*обикн. мн.* Религиозни убеждения” и “*обикн. ед.* Вероизповедание, религия, вяра” (II, 667; там же см. примеры).

Семантическое развитие могут претерпевать и имена на *-не*, образованные от безличных глаголов. Такие существительные могут служить обозначениями времени, в течение которого совершается действие. См. съмване и разсъмване – “время суток, начало утра”: Росата пада на съмване (на разсъмване). Данное значение фиксирует “Речник на съвременния български книжовен език”: “съмване... 2. Времето, когато се съмва; развиделяване, разсъмване”

(III, 359); “разсъмване... Времето, когато се разсъмва, раз-
виделява” (III, 66). Сравните также: “мръкване... Времето,
когато се мръква” (РСБКЕ, II, 106; там же см. примеры).

Развило вторичное значение существительное хрумване – “мысль, идея, догадка”: «Ами пак от близкото минало ще изкопаем някое ценно хрумване» (газ. Отечествен фронт, 1990, 9 марта). Сравните также скимване – “случайное, вздорное желание, намерение, затея”: Нейното желание приличаше повече на скимване, отколкото на обмислено решение.

VII. Д. Димов в указанной выше статье обращает внимание на то, что существительные на *-не* могут использоваться для обозначения служб, организаций, связанных с осуществлением глагольного действия⁹⁴. Действительно, такие слова, как планиране, образованные от заимствованных из русского языка глаголов обслужване и снабдяване, могут служить наименованиями видов, сфер хозяйственной деятельности, объединений, учреждений и отделов, ведающих специальной областью работы, например: “Предполагаемият процент на фалирането в такива отрасли, като търговията на едро, транспорта, комуналното обслужване и дребната промишленост, е между 50 и 51,1” (газ. Орбита, 1990, 10 марта). Сравните также способность таких имен служить названиями научных и учебных дисциплин: “Специализира защита на околната среда, дребна промишленост и планиране” (газ. Дума, 1990, 30 мая). Отрасли производства, сферы деятельности государства часто обозначаются сложными словами, в состав которых входит имя на *-не*. Эту закономерность отмечает Д. Димов, см. приводимые им примеры: машиностроене, тракторостроене, приборостроене, металообработване, здравеопазване⁹⁵. Сравните также уредостроене, правораздаване. Некоторые из этих имен обозначают не только сферу самой деятельности, но и органы, осуществляющие такую деятельность: “ – Ще си позволите ли да коментирате ролята на правораздаването преди и след десети ноември?” (газ. Антени, 1990, 7 марта).

В исследованиях, посвященных проблемам отглагольного существительного, уже отмечался тот факт, что имена на *-не* часто являются названиями учебных дисциплин и учебников по этим дисциплинам⁹⁶. Д. Димов отмечает:

«По принцип онова, което се явява като материал за изучаване, лесно се осмисля и като съответна дисциплина»⁹⁷. Ср.: пеене, рисуване, чертане, четене, смятане и др. Някои от тези думи фиксирани в дадено значение от словарици, например: “четене... Учебен предмет в началните класове, чрез който се придобива уменията да се чете и да се вниква в прочетеното” (РСБКЕ, III, 618); “смятане... като учебен предмет в началните класове: боравене с числа – събиране, изваждане, умножение, деление” (БТР, 946).

Д. Димов привождат примери от глаголни имена на *-не*, явяващи се названиями народни обичаи (ладуване, лазаруване, коледуване), християнски празници (преображене, со ссылка на словарь Н. Герова), примери действителни, използващи се за обозначение периода, епохи, времени, в течение которого совершается процесс (възраждане), см. также замечание исследователя: «Потенциално от много имена, означаващи действия, които произтичат свързано, по сезони, може да се получи ново значение (нюанс) и за времето, сезона»⁹⁸.

Отметим также, что действительные на *-не* часто становятся обозначениями видов спорта и спортивных дисциплин или входят в состав терминологических словосочетаний, принадлежащих этой тематической группе, например: плуване, академично гребане, фигурно пързалане, вдигане на тежести, тласкане на гюлле, хвърляне на копие; также в составе сложного слова – колоездене.

Однотипные сдвиги в семантике больших групп отглагольных имен на *-не* могут происходить в результате их активного использования в качестве терминов. Исследуя явление полисемии в области строительной терминологии, А. Емирзян замечает: “От твърде общата представа за действие се стига до по-конкретна връзка между: процес и явление (втвърдяване, гасене, изветряване, мокрене, набъбване, насищане, облъчване, окисляване, плъзгане, разрушение, свиване, съсъхване, топене, уплъгняване); процес и величина (водонасищане, затихване, звукопоглъщане, изкълчване, налягане, натоварване, провисване, плъзгане, светопропускане, топлоусвояване)”, в сноске автор поясняет: «Имам предвид, че тези понятия имат свои коэффициенти, което говори за значението им и на величини»⁹⁹.

Как видно из примеров, таким семантическим сдвигам подвержены существительные, образованные как от переходных, так и от непереходных глаголов, а также сложные слова, включающие в свой состав имя на *-не*.

На протяжении определенного периода в истории современного болгарского литературного языка семантическое развитие отглагольных имен на *-не*, очевидно, сдерживалось распространением и закреплением в литературной речи большого количества существительных с суффиксом *-ние*, утверждавших за собой право выражения непроцессуальных отвлеченных и конкретных понятий. Естественное стремление отглагольных имен на *-не* и на *-ние* к семантической дифференциации поддерживалось тем обстоятельством, что распространившиеся в литературном языке в результате влияния церковнославянского, русского и западноевропейских языков книжные существительные справлялись с возложенными на них обязанностями выразителей отвлеченных и конкретных значений, связанных с семантикой мотивирующего глагола. Угасание русского влияния, выход из употребления многих имен на *-ние*, непродуктивность этого суффикса и в то же время растущая потребность литературного языка в обозначении связанных с глагольным действием непроцессуальных понятий приводит к семантическому развитию категории отглагольных имен на *-не*. Суффикс *-не*, когда-то осознаваемый как стилистический вариант книжного суффикса *-ние* и часто использующийся в качестве средства болгаризации имен на *-ние* (Е. Мутева, например, в переводе повести А. Ф. Вельгмана “Райна, королева болгарская”, очевидно желая снять стилистическую маркированность книжных существительных на *-ние*, последовательно заменяет в них суффикс *-ние* народным *-не*: призрѣние, смирение, непослушание, соболѣзнование, намѣрение и др.), вновь начинает исполнять аналогичные функции (ср. оборудване, машиностроене, приборостроене и т.п.).

Интересно, что в говоре банатских болгар, к концу XVII – началу XVIII века отделившемся от общеполгарской языковой территории, не испытавшем влияния церковнославянского и русского языка¹⁰⁰, большое количество отглагольных имен на *-не* широко используется с разного рода не-

глагольными значениями: “Голям брой отглаголни съществителни напълно са загубили своята глаголност и са станали обикновени съществителни, защото при тях вече не се осъзнава връзката им с глагола, от който са образувани: ба̀цван’ «целувка», башкуры̀сван’ «подигравка», владан’ «управление», дуга̀жден’ «случка», к’ичен’ «украшение», причистин’è «причастие», пушт̀уван’ «уважение», срèштен’ «среща», търпèн’ «търпение», ш̀укан’ «въздишка» и др. Като отглаголни съществителни са образувани и много названия с отвлечено значение. Този начин за образуване на нови думи е широко разпространен при глаголни изходни основи: засèден’ «запад», ра̀жден’ «изток», пумрач̀ан’ «затъмнение», п̀ытан’ «въпрос», изпрев̀аран’ «съревнование», пруг̀онван’ «влияние», изградèван’ «изграждане», нарè̀жден’ «нареждане, заповед», ударè̀н’ «ударение» и др.»¹⁰¹. Заимствования из българското литературно езика на *-ение* приемат в говоре суфикс *-н’* (из *н’е* в резултате редукции и утрати безударной гласной¹⁰²).

Заключение

В русском литературном языке уже на ранних этапах развития категории отглагольных имен на *-ние* слова с этим суффиксом приобретали способность выражать неглагольные абстрактные и конкретные значения. Особенно интенсивно процесс семантического отхода существительного на *-ние* от производящего глагола идет в литературном языке XIX столетия. В настоящее время для русских имен на *-ние* характерна семантическая неоднородность, значение отвлеченного действия уже не является общим, единым для всех словообразовательных подтипов модели категориальным признаком.

Процесс отхода от глагола распространившихся в болгарской литературе в результате церковнославянского и русского языкового влияния существительных на *-ние* протекает гораздо быстрее, чем в русском литературном языке. Не прекращающееся на протяжении XIX – XX веков русское языковое влияние и особенности болгарской лексической и грамматической систем – два важнейших фактора, определяющих характер и интенсивность этого процесса. С одной стороны, результаты семантических изменений, проходящих в русском литературном языке (ликвидация видовой противопоставленности имен на *-ние*, образованных от соотносительных по виду глагольных основ, утрата существительными с этим суффиксом глагольных значений, развитие у них значений предметных, терминологизация слов этого разряда и т.п.), в условиях активных языковых контактов отражаются на развитии значений болгарских имен на *-ние*. С другой стороны,

функционирование этих существительных в специфических условиях болгарской языковой среды порождает новые лексико-семантические изменения в пределах данной категории слов: разрушение синонимических связей с однокоренными образованиями на *-не* и стремительную утрату большой группой имен с суффиксом *-ние* значений действия по глаголу, архаизацию существительных на *-ние* с глагольной семантикой, развитие у слов этой словообразовательной модели новых неглагольных значений и т.д.

Современное болгарское отглагольное существительное на *-ние* значительно дальше отстоит от глагола, чем имя с этим суффиксом в современном русском литературном языке.

Болгарские существительные на *-не* – отглагольные образования, объединенные единством категориального значения. Они называют отвлеченное действие по глаголу. Тот факт, что в народном языке отдельные имена с этим суффиксом развивали предметные значения, говорит о возможности семантической эволюции этой категории слов в целом. Судьба этих образований оказалась тесно связанной с историей распространившихся в литературном языке существительных на *-ние*. Последние в условиях семантической дифференциации с именами на *-не* закрепляли за собой право выражать связанные с семантикой мотивирующего глагола абстрактные и конкретные значения. Яркая тенденция к специализации отглагольных существительных двух словообразовательных разрядов сдерживала семантическое развитие имен на *-не*. В современном языке появление неглагольных значений у довольно многочисленной группы слов с этим суффиксом связано с затуханием русского влияния и непродуктивностью суффикса *-ние*.

Примечания

¹ Здесь и далее *-ние* представляет варианты суффикса *-ние* и *-ение*.

² Ссылки на основные исследования в этой области можно найти, например, в работах: Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века. М., 1964, с. 86-100; *Мальцева И. М., Молотков А. И., Петрова З. М.* Лексические новообразования в русском языке XVIII в. Л., 1975, с. 113-145; *Филин Ф. П.* Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981, с. 33-39.

³ Здесь и далее *-не* представляет варианты суффикса *-не* и *-ене*.

⁴ *Първев Хр.* Отглаголните съществителни имена в нашата граматична литература. — В сб.: Ст. Стойков. С., 1974, с. 393-397.

⁵ *Андрейчин Л.* Основна българска граматика. С., 1978, с. 97, 258-259; *Спасова-Михайлова С.* Лексико-семантични различия при съществителните имена в българския книжовен език с оглед към категорията число. — Известия на Института за български език, кн. VII. С., 1961; *Павлов Т.* Болест (доколкото е болест), причини и лечение, или за глаголните съществителни и борбата срещу тях. — Български език, 1954, кн. 3, с. 263-267; *Москов М.* За употребата на отглаголните съществителни в строежа на изречението. — Български език, 1956, кн. 2, с. 121-130; *Георгиева Е.* Една неизследвана страна на отглаголните съществителни. — Известия на Института за български език, кн. VIII. С., 1962, с. 449-458; *она же.* Семантична характеристика на отглаголните съществителни на *-не* и на *-ние* в българския книжовен език. — Славистичен сбор-

ник. С., 1963, с. 225-233; *она же*. Към въпроса за семантичната характеристика на отглаголните съществителни в българския книжовен език. (Опит за лексико-граматическа прекатегоризация). — Известия на Института за български език, кн. XIX. С., 1970, с. 151-161; *Стоянов Ст.* Отглаголни съществителни с наставка *-не* от свършени глаголи? — Език и литература, 1966, кн. 2, с. 39-48; *Димов Д.* Наблюдения върху значението и употребата на отглаголните съществителни имена на *-не*. — Известия на Института за български език, кн. XIX, с. 131-140; *Попов К.* Из историята на българския книжовен език. С., 1985, с. 99-106; *Иванчев Св.* Нерешени проблеми на отглаголното съществително на *-не* в българския език. — Българският език — класически и екзотичен. С., 1988.

⁶ Обратен речник на съвременния български език. С., 1975.

⁷ Обектом на изследването явявались лишь имена существительные, образованные от глаголов.

⁸ См.: Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века. М., 1964, с. 86-100.

⁹ См. там же, с. 89.

¹⁰ См.: *Мальцева И. М., Молотков А. И., Петрова З. М.* Лексические новообразования в русском языке XVIII в. Л., 1975, с. 136 и след.

¹¹ Ср.: Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века, с. 91-92.

¹² Ср. там же, с. 93-98.

¹³ Ср. там же, с. 98.

¹⁴ Ср. там же, с. 93-94.

¹⁵ См.: *Андрейчин Л.* Езикът на Паисиевата “История славеноболгарская” и началото на новобългарския книжовен език. — Български език, 1962, кн. 6, с. 481-490; *он же*. Ролята на Любен Каравелов в развитието на книжовния ни език. — В кн.: *Андрейчин Л.* Из историята на нашето езиково строителство. С., 1986, с. 212-221; *Ничева К.* Езикът на Софрониевия “Неделник” в историята на българския книжовен език. С., 1965; *она же*. Езикът на възрожденските преводи на “Приключенията на Телемаха” от Фенелон. — В сб.: Известия на Института за български език, кн. XIX. С., 1970, с. 595-604; *Попов К.* Лексика и фра-

зеология на П. Р. Славейков. – Годишник на Софийския университет. Филологически факултет, т. 53, кн. 2. С., 1959, с. 139-233; *Първев Хр.* Езикът на Неофит Бозвели. – Български език, 1965, кн. 6, с. 473-487; *Русинов Р.* Някои наблюдения върху езика на “Рибния буквар” от Петър Берон. – Български език, 1971, кн. 5, с. 420-426; *Цойнска Р.* Езикът на Йоаким Кърчовски. С., 1980; История на новобългарския книжовен език. С., 1989, с. 427-428 и др.

¹⁶ См.: *Цонев Б.* История на българский език, т. 1. С., 1919, с. 280.

¹⁷ См. например: *Демина Е. И.* Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. Исследование и текст. С., т. I, 1968; т. III, 1985.

¹⁸ См. там же, т. II, 1971.

¹⁹ См.: *Георгиева Е.* Българско-руските езикови взаимоотношения като проблем на историята на руския и българския книжовен език. – В кн.: Славянска филология, т. XVII. С., 1983, с. 149.

²⁰ Райна, княгыня Българска, повѣсть отъ Велтмана прѣведена отъ Иоакыма Грѣва. Белград, 1852.

²¹ Райна, българска царкыня, приказъ на А. Ф. Вельтмана прѣведе отъ рускы Елена Мутьева. Санкт-Петербург, 1852.

²² См.: *Андрейчин Л.* Ролята на черковнославянския език за изграждането на съвременния български книжовен език. – Български език, 1958, кн. 4-5, с. 318.

²³ О спорах конца века по вопросам правописания народных и книжных отглагольных существительных, а также о посвященных этим именам материалах в трудах болгарских языковедов по грамматике см.: *Първев Хр.* Страницы от историята на българския книжовен език. С., 1986, с. 253-258; История на новобългарския книжовен език, с. 429-431.

²⁴ См.: *Ничева К.* Как Вазов е обработвал езика на творбите си (редакционни промени в романа “Под игото”). – В кн.: Език и стил на българските писатели, кн. I. С., 1962, с. 143.

²⁵ См. Сл. XI – XVII вв., вып. 13, с. 210-212.

²⁶ См.: *Копорская Е. С.* Семантическая история славянизмов в русском литературном языке нового времени. М., 1988, с. 123.

²⁷ См. там же.

²⁸ Примеры Е. С. Копорской, см. там же, с. 124.

²⁹ См. там же, с. 124-125.

³⁰ Этот и бoльшая часть приводимых далее примеров из болгарских литературных произведений хранится в Словарной картотеке Института болгарского языка при Болгарской академии наук.

³¹ Пример Е. С. Копорской, см. указ. раб., с. 124.

³² “Направка... Дѣйствиe направляющаго и направившаго, т.е. навастривающаго и навастрившаго. Направка бритвы” (Сл. 1847 г., II, 393); ср. одно из значений глагола направлять – “навастривать, натачивать” (там же).

³³ *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава русского литературного языка. 30 – 90-е годы XIX века. М.-Л., 1965, с. 506.

³⁴ См. там же.

³⁵ См. там же, с. 507.

³⁶ Примеры использования этих слов см. там же.

³⁷ См. в языке конца XIX века: “...днесь за днесь правительството направлява общественното мнѣние...” (Свобода, 1894, № 1477, 2); “Задачата на графа Каприви бѣ, да поддържа и направлява създаденото отъ прѣдшественника му високо и трудно положение на Германия...” (там же, № 1507, 1).

³⁸ Примеры из работы Е. С. Копорской «Семантическая история славянизмов в русском литературном языке нового времени», с. 42.

³⁹ См.: *Hüttl-Worth H.* Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII. Jahrhundert, Wien, 1956. S. 90; *Веселимский В. В.* Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII – начала XIX в. М., 1972, с. 155.

⁴⁰ См.: *Копорская Е. С.* Семантическая история славянизмов в русском литературном языке нового времени, с. 105.

⁴¹ См., напр.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка, т. I. М., 1986, 360, со ссылкой на: Унбегаун. *Revue des études slaves*, Paris, 12, 19; *Хюттль-Ворт*, указ. раб., 90.

⁴² Примеры Е. С. Копорской. См. указ. раб., с. 105-106.

⁴³ Другие отмеченные в русском языке значения уже устаревали в нем и не являлись актуальными ко времени широкого распространения существительного впечатление в болгарском литературном языке.

⁴⁴ Глаголы впечатлявам (“правя, създавам силно впечатление у някого”) и впечатлявам се (“изживявам силно въздействието на нещо, което възприемам, изживявам”) РБЕ, II, 379 – являются приобретением современного языка. Распространение

их в литературе, вероятно, связано с появлением в русском разговорном языке XX века глагола впечатлять («производить, оставлять впечатление»).

⁴⁵ См.: *Мальцева И. М., Молотков А. И., Петрова З. М.* Лексические новообразования в русском языке XVIII в. Л., 1975, с. 118.

⁴⁶ См. там же, с. 124.

⁴⁷ *Мальцева И. М., Молотков А. И., Петрова З. М.* Указ. раб., с. 122.

⁴⁸ См. там же.

⁴⁹ Сравните толкование значений этих глаголов в Сл. XI — XVII вв., вып. 12, с. 253-254.

⁵⁰ См.: *Мальцева И. М., Молотков А. И., Петрова З. М.* Указ. раб., с. 117.

⁵¹ См. там же.

⁵² См. там же.

⁵³ Сравните использование с тем же значением существительного на *-не*: “Не е ли истина, че изобщо си прѣминували младината да търсимъ тщеславия... Може да има исключенье-та; нъ азъ се признавамъ недостоенъ за тѣхъ...” (Д. Цанков, Тъмниците ми. С. Пелико (перевод), 1874, 61).

⁵⁴ См.: *Мальцева И. М., Молотков А. И., Петрова З. М.* Указ. раб., с. 118.

⁵⁵ См. там же.

⁵⁶ Сравните использование с тем же значением формы на *-не*: “...завладѣ цѣла сѣверна Тракія и Македонія до Солунскитѣ предѣлы. Като устрои и укрѣпи добрѣ тѣзи завоюванія, Асѣнь са върнѣ по нѣкаква причина въ Търново» (Т. Шишков, История на българския народ, 1873, 203).

⁵⁷ См.: *Мальцева И. М., Молотков А. И., Петрова З. М.* Указ. раб., с. 119-120.

⁵⁸ См. там же, с. 118-119.

⁵⁹ Примеры использования этих существительных см. там же, с. 119.

⁶⁰ См. там же.

⁶¹ См.: *Мальцева И. М., Молотков А. И., Петрова З. М.* Указ. раб., с. 117.

⁶² См. там же.

⁶³ Ср. устаревшее сейчас значение глагола упускать (упустить) – “оставляя без заботы, без попечения, приводить в упадок, расстройство; запускать” (БАС, XVI, 797).

⁶⁴ См.: *Мальцева И. М., Молотков А. И., Петрова З. М.* Указ. раб., с. 120.

⁶⁵ См. там же.

⁶⁶ См. там же, с. 120-121.

⁶⁷ Ср. употребление глагола в значении “лишить духовных, нравственных сил: “[Цыплунов:] Вы уничтожили мечту всей моей жизни, опустошили мою душу” А. Островский, *Богатые невесты* (пример из МАС, II, 634).

⁶⁸ *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава русского литературного языка. 30 – 90-е годы XIX века. М.-Л., 1965, с. 410.

⁶⁹ Существительное дозволение было очень широко распространено в болгарском языке указанного периода, о чем свидетельствует, например, факт его фиксации Сл. Герова (I, 315).

⁷⁰ См., например: *Бояджиев Т.* Отглаголните съществителни в ранната проза на Иван Вазов. – В сб.: *Изследвания из историята на българския книжовен език от миналия век.* С., 1979, с. 175-176.

⁷¹ Русскому литературному языку также были известны отглагольные образования изражение и раздразнение. Использовались они, однако, только в значении действия по глаголу (см. Сл. 1847 г., II, 121; Сл. Даля, II, 32; IV, 27).

⁷² Последнее слово фиксируется в памятниках древнеболгарского языка. См.: оуѣкъмляеніе, оуѣкъмненіе (Миклошич Ф. *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum*, с. 1078).

⁷³ См., например, у П. Берона: бляскание, варвение, ичение, легание, милвание, пладнувание, ставание и под. См.: *Русинов Р.* Някои наблюдения върху езика на “Рибния буквар” от Петър Берон. – *Български език*, 1971, кн. 5, с. 420-426.

⁷⁴ Эти существительные могут обозначать состояния чаще всего в том случае, если производящей является основа возвратного глагола.

⁷⁵ См.: *Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века.* Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века, с. 93.

⁷⁶ Там же, с. 93-94.

⁷⁷ *Андрейчин Л.* Основна българска граматика. С., 1978, с. 258-259.

⁷⁸ Надо иметь в виду, что значения болгарских и русских однокоренных отглагольных имен на *-ние* могут не совпадать

из-за несоответствия значений глаголов. Ср.: “разцепвам... 1) раскалывать, разрубать, рассекать; 2) *перен.* раскалывать, нарушать единство; 3) *перен.* прорезывать (тишину); ~ се 1) раскалываться; 2) *перен.* раскалываться (о партии и т.п.)” БРР 575; “расцеплять... откачвам (нещо съединено)” РБР 714.

⁷⁹ Это же значение было свойственно и русскому существительному почитание. См. БАС, X, 1724.

⁸⁰ Болгарское существительное изтезание в значении “жестокое физическое или нравственное мучение” соотносится с возвратным глаголом изтезвам се (“ – Животът! Ах, каква мерзост! И кой ни е задължил да се изтезваме под тоя товар, под тоя безсмислен и идиотски товар – живота?” И. Вазов, Съч., XIII, 36). Сравните отсутствие возвратного глагола в современном русском литературном языке.

⁸¹ См., однако, употребление этих глаголов в произведениях конца XIX – первой четверти XX века: “[Койчо]... Кой хлопа там портата? Катерина има този обичай, всичките ми нерви се съгресяват” (И. Вазов, Неиздадени произв., 1968, 191); “...буйни и топли чувства, които сж го съгресявали...” (К. Величков, Събр. съч., VIII, 1914, 266).

⁸² *Попов К.* Из историята на българския книжовен език. С., 1985, с. 104-105.

⁸³ См.: Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века, с. 95-97.

⁸⁴ См.: *Винокур Г.О.* Глагол или имя? – В сб.: Русская речь. Новая серия, III. Л., 1928, с. 83.

⁸⁵ См.: *Георгиева Е.* Към въпроса за семантичната характеристика на отглаголните съществителни в българския книжовен език. (Опит за лексико-граматическа прекатегоризация). – Известия на Института за български език, кн. XIX. С., 1970, с. 151-161.

⁸⁶ См., напр.: *Спасова-Михайлова С.* Лексико-семантични различия при съществителните имена в българския книжовен език с оглед към категорията число. – Известия на Института за български език, кн. VII. С., 1961, с. 239, 240, 247, 285 и др.; *Георгиева Е.* Семантична характеристика на отглаголните съществителни на *-не* и на *-ние* в българския книжовен език. – Славистичен сборник. С., 1963, с. 229; *она же.* Към въпроса за семантичната характеристика на отглаголните съществител-

ни в българския книжовен език. (Опит за лексико-граматическа прекатегоризация). – Известия на Института за български език, кн. XIX. С., 1970, с. 153-154; *Димов Д.* Наблюдения върху значението и употребата на отглаголните съществителни имена на *-не*. – Известия на Института за български език, кн. XIX, с. 131-140; *Емирзян А.* Общоезикови семантични процеси в терминологията (с оглед на строителната терминологична подсистема). – Български език, 1989, с. 40-41 и др.

⁸⁷ По мнению составителей Словаря современного болгарского литературного языка [Речник на съвременния български книжовен език (РСБКЕ), тт. I – III, 1954-1959], слово изказване, использующееся во вторичном значении, является омонимом существительного со значением процессуальным: “изказване² *Книж.* Системно, обикн. устно изложение на мисли, мнения по някакъв въпрос” (I, 493). Характерна стилистическая помета при этом слове, указывающая на то, что в середине XX столетия существительное в этом значении еще не имело широкого распространения и было закреплено за той сферой литературной речи, в которой оно развило это значение.

⁸⁸ Не вполне оправданным кажется отнесение объекта с предлогом *на* при существительных, образованных от переходных глаголов (изпращане на суми), к членам предложения, обозначаемым термином “притежательно определение” (см. *Андрейчин Л.* Основна българска граматика. С., 1978, с. 364, 373). В данном случае между отглагольным именем и управляемой формой устанавливаются объектные отношения, лишь в незначительной степени осложненные определительным значением. Отношения притяжательности отсутствуют.

⁸⁹ Данное значение фиксирует “Речник на съвременния български книжовен език”: “Обикн. мн. Необходими условия, правила, които трябва да се спазват” (I, 493). Такое же толкование дает «Речник на българския език» (VI, 252).

⁹⁰ Пример взят из Словаря современного болгарского литературного языка (РСБКЕ), т. II, с. 497, не выделяющего данного значения у слова питане.

⁹¹ Ср.: “запитване... Отгл. същ. от запитвам и от запитвам се; въпрос. <...> || *Стефан Полит.* Интерпелация. 2. Обикн. мн. Думи, с които се пита” (РБЕ, V, 554).

⁹² См. *Димов Д.* Указ. раб., с. 137.

⁹³ См. там же.

⁹⁴ См.: *Димов Д.* Указ. раб., с. 139-140.

⁹⁵ См. там же, с. 140.

⁹⁶ См. там же, с. 138.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же, с. 139.

⁹⁹ *Емирзян А.* Указ. раб., с. 40-41.

¹⁰⁰ См.: *Стойков Ст.* Банатският говор. С., 1967, с. 5.

¹⁰¹ Там же, с. 252-253.

¹⁰² См. там же, с. 350-351.

Словари

БАС – Словарь современного русского литературного языка, в 17 т. М.-Л., 1948-1965.

БРР – *Бернщейн С.* Българско-руски речник. М., 1986.

БСР – *Нанов Л., Нанова А.* Български синонимен речник. С., 1987.

БТР – Български тълковен речник. С., 1973.

Востоков А. Х. Словарь церковнославянского языка. СПб., 1858-1861, т. 1-2.

Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). М., 1900.

Дювернуа А. Словарь болгарского языка по памятникам народной словесности и произведениям новейшей печати. М., 1885-1889.

Лексикон Татищева – Полный французско-русский словарь, составленный по новейшему изданию Лексикона Французской академии и умноженный вновь введенными словами, также техническими терминами надворным советником Иваном Татищевым. М., 1816, ч. 1-2.

МАС – Словарь русского языка. М., 1981-1984, т. 1-4.

Миклошич Ф. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862-1865.

Обратен речник на съвременния български език. С., 1975.

Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. М., 1958.

РБЕ – Речник на българския език. С., 1977 -, т. 1 и след.

РБР – *Чукалов С.* Руско-български речник. М., 1986.

Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX век. С., 1974.

РСБКЕ – Речник на съвременния български книжовен език. С., 1954-1959, т. 1-3.

- Речник на чуждите думи в българския език. С., 1982.
- САР I** – Словарь Академии Российской, производным путем расположенный. СПб., 1789-1794, ч. 1-6.
- САР II** – Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1806-1822, ч. 1-6.
- Синонимен речник на съвременния български книжовен език. С., 1980.
- Сл. Герова** – *Геров Н.* Речник на българский язык с тълкувание речиты на български и на русски. Пловдив, 1895-1904, т. 1-5.
- Сл. Даля** – Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. М., 1989, т. 1-4.
- Сл. Нордстета** – Российский с немецким и французским переводами словарь, соч. И. Нордстетом. СПб., 1780-1782, ч. 1-2.
- Сл. Ожегова** – *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1984.
- Сл. Пушкина** – Словарь языка Пушкина. М., 1956-1961, т. 1-4.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964-1973, т. 1-4.
- Сл. Филковой** – *Филкова П.* Староболгаризмы и церковнославянизмы в лексике русского литературного языка. Учебный словарь. С., 1986, т. 1-3.
- Сл. XI – XVII вв.** – Словарь русского языка XI – XVII вв. М., 1975 -, вып. 1 и след.
- Сл. XVIII в.** – Словарь русского языка XVIII века. Л., 1984 -, вып. 1 и след.
- Сл. 1847 г.** – Словарь церковно-славянского и русского языка, сост. II Отделением Академии наук. СПб., 1847, ч. 1-4.
- Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.). М., 1988 -, т. 1 и след.
- Slovník jazyka staroslověnského, Praha, 1958 -, вып. 1 и след.
- Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. М., 1858, т. 1-3.
- Старославянский словарь (по рукописям X – XI веков). М., 1994.
- Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н.Ушакова. М., 1935-1940, т. 1-4.

Библиография

Ангелов Б. Из историята на руското влияние в България (XV – XVIII в.) – Известия на Института за български език, 1956, с. 291-323.

Андрейчин Л. Езикът на Паисиевата “История славено-болгарская” и началото на новобългарския книжовен език. – Български език, 1962, кн. 6, с. 481-490.

Андрейчин Л. Из историята на нашето езиково строителство. С., 1986.

Андрейчин Л. Основна българска граматика. С., 1978.

Андрейчин Л. Ролята на Любен Каравелов в развитието на книжовния ни език. – В кн.: Андрейчин Л. Из историята на нашето езиково строителство. С., 1986, с. 212-221.

Андрейчин Л. Ролята на руския език в развитието на съвременния български книжовен език. – Български език, 1952, кн. 3-4, с. 173-182.

Андрейчин Л. Ролята на черковнославянския език за изграждането на съвременния български книжовен език. – Български език, 1958, кн. 4-5. с. 309-320.

Андрейчин Л. Старобългарско градиво в съвременния български книжовен език. – Български език, 1963, кн. 3, с. 198-203.

Бабов К. Езикът на дамаскините и въпросът за църковнославянското и руското влияние върху българския книжовен език. – Славистични изследвания. С., 1968, с. 167-186.

Босилков К. Разговорни и книжовни варианти в езика на Възрожденската литература. – Помагало по история на българския книжовен език (Възрожденски период). С., 1979, с. 40-46.

Бояджиев Т. Отглаголните съществителни в ранната проза на Иван Вазов. – В кн.: Изследвания из историята на българския книжовен език от миналия век. С., 1979, с. 175-182.

Варбот Ж. Ж. Древнерусское именное словообразование. М., 1969, с. 94-96.

Венедиктов Г. К. К изучению истории лексики современного болгарского литературного языка. – Славянское и балканское языкознание. М., 1983, с. 5-38.

Веселитский В. В. Развитие отвлеченной лексики в русском литературном языке первой трети XIX в. М., 1964.

Веселитский В. В. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII – начала XIX в. М., 1972.

Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947, с. 117-121.

Винокур Г. О. Глагол или имя? – Русская речь. Новая серия, III. Л., 1928.

Вътов В. Езикът на д-р Васил Берон и книжовното устройване на отвлечените съществителни с наставки *-ние* и *-не* през втората половина на XIX век. – Език и литература, 1985, № 3, с. 96-101.

Георгиев Ст., Русинов Р. Учебник по лексикология на българския език. С., 1983, с. 47-50.

Георгиева Е. Българско-руските езикови взаимоотношения като проблем на историята на руския и българския книжовен език. – Славянска филология, т. XVII. С., 1983, с. 145-153.

Георгиева Е. Една неизследвана страна на отглаголните съществителни. – Известия на Института за български език, кн. VIII, 1962, с. 449-458.

Георгиева Е. Към въпроса за семантичната характеристика на отглаголните съществителни в българския книжовен език. (Опит за лексико-граматическа прекатегоризация). – Известия на Института за български език, кн. XIX. С., 1970, с. 151-161.

Георгиева Е. Семантична характеристика на отглаголните съществителни на *-не* и на *-ние* в българския книжовен език. – Славистичен сборник. С., 1963, с. 225-233.

Демина Е. И. Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. Исследование и текст. С., т. I, 1968; т. II, 1971; т. III, 1985.

Dulewiczowa J. Nomina actionis we współczesnym języku gosijskim. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1976, с. 42-44.

Димов Д. Наблюдения върху значението и употребата на отглаголните съществителни имена на *-не*. – Известия на Института за български език, кн. XIX, с. 131-140.

Емирзян А. Общоезикови семантични процеси в терминологията (с оглед на строителната терминологична подсистема). – Български език, 1989, с. 40-41.

Иванова К. Из историята на термина *изречение*. – Български език, 1962, с. 365-381.

Иванова-Мирчева Д. Въпроси на българския книжовен език до Възраждането. С., 1987.

История лексика руского литературного языка конца XVII – начала XIX века. М., 1981.

История на новобългарския книжовен език. С., 1989, с. 426-432.

Калдиева Ст. Наставката *-ние* като словообразователен елемент. – Известия на Института за български език, кн. XIX, с. 205-210.

Копорская Е. С. Семантическая история славянизмов в русском литературном языке нового времени. М., 1988.

Мальцева И. М., Молотков А. И., Петрова З. М. Лексические новообразования в русском языке XVIII в. Л., 1975, с. 113-145.

Милетич Л. Движение в областта на българските суфикси. – Уч. преглед, X, кн. 6, с. 14-24.

Мирчев К. Историческа граматика на българския език. С., 1978.

Москов М. Борбата против чуждите думи в българския книжовен език. С., 1958.

Мякишев В. П. Существительные на *-ние (-нье)* со значением процесса и его результата в русском и южнославянских языках. – Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1984, с. 36-41.

Ничева К. Езикът на възрожденските преводи на “Приключенията на Телемаха” от Фенелон. – Известия на Института за български език, кн. XIX, с. 595-604.

Ничева К. Езикът на Софрониевия “Неделник” в историята на българския книжовен език. С., 1965.

Ничева К. Как Вазов е обработвал езика на творбите си (редакционни промени в романа “Под игото”). – В кн.: Език и стил на българските писатели, кн. I. С., 1962.

Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века. М., 1964, с. 86-100.

Павлова Р. Болгарско-русские и русско-болгарские языковые связи. С., 1979.

Пернишка Е. Иван Вазов – строител на българската лексика. С., 1985.

Петков П. Отглаголните съществителни и трансформациите на техните синтактични групи. – Известия на Института за български език, кн. XIX, с. 141-149.

Попов К. Из историята на българския книжовен език. С., 1985, с. 99-106.

Попов К. Лексика и фразеология на П. Р. Славейков. – Годишник на Софийския университет. Филологически факултет, т. 53, кн. 2. С., 1959, с. 139-233.

Попова В. Възникване на обществено-политическата лексика и фразеология в българския книжовен език. – Български език, 1964, кн. 4-5, с. 315-328.

Попова В. Обществено-политическа лексика и фразеология в публицистиката на Л. Каравелов. – Годишник на Софийския университет. Фак. слав. филол., т. 61. С., 1967, с. 257-340.

Първев Хр. Езикът на Неофит Бозвели. – Български език, 1965, кн. 6, с. 473-487.

Първев Хр. Отглаголните съществителни имена в нашата граматична литература. – В сб.: Ст. Стойков. С., 1974, с. 393-397.

Първев Хр. Страници от историята на българския книжовен език. С., 1986, с. 253-258.

Ревзина О. Г., Новакова З. Отглаголните имена на *-ние/-ние* в русском и словацком языках. – В сб.: Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М., 1987, с. 183-188.

Русинов Р. История на новобългарския книжовен език. С., 1984.

Русинов Р. Някои наблюдения върху езика на “Рибния буквар” от Петър Берон. – Български език, 1971, кн. 5, с. 420-426.

Русская грамматика, т. I. М., 1982, с. 157-160.

Свердлов Л. Г. Семантика отглагольных имен существи-

тельных на *-ние*, *-тие* в русском языке. – Научные доклады высшей школы. Филологические науки, 1961, № 2.

Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30 – 90-е годы XIX века. М.-Л., 1965.

Спасова-Михайлова С. Лексико-семантични различия при съществителните имена в българския книжовен език с оглед към категорията число. – Известия на Института за български език, кн. VII. С., 1961.

Стойков Ст. Банатският говор. С., 1967.

Стоянов Ст. Отглаголни съществителни с наставка *-не* от свършени глаголи? – Език и литература, 1966, кн. 2, с. 39-48.

Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981, с. 33-39.

Филкова П. Староболгарские и церковнославянские лексические элементы в русском литературном языке. Докт. дис. С., 1986.

Хохлачева В. Н. К истории отглагольного словообразования существительных в русском литературном языке нового времени. М., 1969.

Hüttl-Worth H. Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII. Jahrhundert, Wien, 1956.

Цойнска Р. Езикът на Йоаким Кърчовски. С., 1980.

Цонев Б. История на българския език, т. I, С., 1919; т. II, С., 1984.

Цонев Б. Руско-български паралели, I – Славянски глас, I, кн. 1, с. 20-29; II – Периодическо списание, 1904, № 64, с. 249-259.

Шаповал В. В. К истории существительных на *-ние*, утративших глагольную мотивацию. – В кн.: Историческая лексика русского языка. Новосибирск, 1983, с. 105-114.

Шапошникова Л. В. Категориальное значение в семантической структуре отглагольных имен существительных на *-ние*. – В кн.: Слово в системных отношениях на разных уровнях языка. Свердловск, 1984, с. 56-60.

Янакиев М. Записки по стилистика на българския език. С., 1965, с. 81 и сл.

Summary

The history of deverbal nouns ending in *-hue* (*-енue*) in Russian and Bulgarian languages lays bare a lot of common features and a great number of differences. The genesis of this category of nouns has to a great extent been influenced by the processes of historical interaction and interdependence of these Slavonic languages. The activization of that word-generating model in the Old-Russian literary language is closely connected to the strong influence on the part of the Old-Bulgarian literary language. It is due to the influence of the Church-Slavonic and Russian literary languages that the words with the above-mentioned suffix had been in wide use in the Bulgarian works of literature from XIX century.

At the very early stages of the development of the categories of deverbal nouns ending in *-hue* the words possessing this suffix have acquired the capacity of expressing non-verbal abstract and concrete meanings. Rather active is the process of getting away of the nouns in *-hue* from their generating verb in the literary language of XIX century. Nowadays, characteristic for the Russian nouns ending in *-hue* is the semantic heterogeneity, the meaning of the abstract action is no more general, *viz.*, one and the same for all the word-building sub-types of the model possessing that categorial feature.

The process of deverbalization of the nouns in *-hue*, which has found a substantial dissemination in Bulgarian literature thanks to the influence of the Church-Russian and Russian languages, carries out much faster than in the Russian literary language. The unceasing in the XIX and XX centuries Russian language influence as well as the peculiarities of the Bulgarian lexical and grammatical systems are the two paramount factors determining the character and the intensity of that process. On the one hand, the results of the semantic changes, taken place

in Russian literary language (disappearance of the contraposition of the nouns in *-hue* generated by co-relative in their aspects verbal bases, loosening of the substantives with that suffix of their verbal meanings, development of substantive meanings, terminologization of the words of that category, etc.), reflect under the circumstances of active language contacts on the development of the meanings of Bulgarian nouns ending in *-hue*. On the other hand, the functioning of these substantives in the specific conditions of Bulgarian linguistic milieu generates some new lexical-semantic changes within the boundaries of that category of words; destruction of the synonymic ties with the formations in *-he* of one and the same root and a fast getting away of a great group of nouns with the suffix *-he* from their verbal action meanings, archaization of the substantives in *-hue* possessing a verbal semantics, development by this word-building model of new non-verbal meanings, etc.

Contemporary Bulgarian deverbal noun ending in *-hue* stands far more distant from the verb than the substantive with the same suffix in Russian literary language.

Bulgarian nouns in *-he* are deverbal formations united by their categorial meaning. They refer to abstract verbal action. The fact that, in the popular language, some nouns possessing that suffix have developed substantive meanings points to the possibility of semantic evolution of that category of words as a whole. In the course of time, the use of these formations turned out to be closely related to the history of the widespread substantives in *-hue* in the literary language. In the conditions of semantic differentiation from the nouns ending in *-he*, the substantives in *-hue* have gradually acquired the right of expressing abstract and concrete meanings connected with the semantics of the motivating verb. A clear-cut tendency towards specialization of the deverbal nouns of these two word-building classes had put a barrier before the semantic development of the nouns in *-he*. In the modern language, the rise of the non-verbal meaning for a number of words possessing that suffix relates to the extinction of the Russian influence as well as to the non-productivity of the suffix *-hue*.

С о д е р ж а н и е

Annotation	5
Введение	7
Глава I	
Развитие значений русских существительных на <i>-ние</i> и семантическая история их болгарских параллелей	21
Глава II	
Семантика современных русских и болгарских параллелей на <i>-ние</i>	64
Глава III	
Семантическое развитие отглагольных имен на <i>-не</i> в современном болгарском языке	104
Заключение	122
Примечания	124
Словари	133
Библиография	135
Summary	140